

СКАЗКИ ТЕМНЫХ ГОРОДОВ

→ 13-тый полк ←

18+

Варвара Измерова

Сказки Темных

Городов: 13-тый полк

<https://litres.ru/74428092>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тук - тук. Тут кто-нибудь есть? У меня есть тут несколько сказочек о дальних городах. Почему они темные? Не знаю. Потому что все они не такие, как наши города. Они другие. Говорящие, золотые, жадные. Они сжирают сами себя. Я, наверное, расскажу тебе парочку историй об одной агнице - существе, которое вышло из земли, о бессмертном и вечном, о молчаливо болтливом. Только давай так. Я рассказываю, ты внимательно слушаешь, даже если уведешь ошибки в словах. Я запинаюсь и много, время от времени. Небо дало мне рассказывать истории, но не наделило меня четкой письменной дикцией. Давай я буду стараться говорить четко, а ты все же, пожалуйста, послушай хоть немного. Это самое ценное, что ты, дорогой читатель, можешь дать мне, а я дам тебе ключ от Темных Городов и историй земель Междурия.

Содержание

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 1:	5
Рыжий лес, овцы и пепел	
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 2:	18
Стадо человеческое	
Цикл 1: овцы не смотрят на запад. Неделя 3:	31
Цирк, овцы и агнец	
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 4:	42
Кости, земля и агнцы	
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 5:	51
День конечного начала	
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 6:	63
Отдай свои глаза! Отдай свое сердце, сестра!	
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 7:	74
Янтарное солнце над изумрудным полем	
Запись 1: Ежи и архивные щупальца	83
Запись 2: Моя Вечность — вечный дар. Моя	93
Вечность — вечное проклятье.	
Запись 3: Трещина внутреннего алгоритма	99
Запись 4: Огонь в отражении	103
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 1:	107
Сгоревшие наследие	
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 2:	115
Вечное кофе для спокойствия	

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 3: Я хочу что бы обо мне говорила вся Столица!	122
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 4: Допрос без пристрастия	129
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 5: Скрюченное прошлое, желанное настоящие	134
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 6: Легка пауза на мысли	141
Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 7: Сапоги не виновного	148
Запись 5: Запись 5: Ребёнок, найденный среди костей	155
Запись 6: По ту сторону холма	163
Цикл 3: О чём молчит рыба голова? Часть 1: Танец хромой лошади	172

Варвара Измерова

Сказки Темных

Городов: 13-тый полк

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 1: Рыжий лес, овцы и пепел

- Что-то стадо твоё совсем распоясалось, - спокойно говорит Старший, смотря на овец, которые спокойно пасутся на южной части поля, даже не смотря на западную часть, рядом с опушкой «Рыжего леса».

- Да, хрен знает, что с этим стадом. Уже неделю к лесу не подходят. Да, ладно, жрут и жрут, черт подери, нидохнут и слава Господу Богу, - разразился Борода, смотря на своих овец, держа в руках большую палку, с маленькими колокольчиками на верхнем конце.

- Да не просто, Борода. Не просто, - говорит Старший, приглаживая седую бороду, слегка вскидывая белые брови - Лес зовет. Сломалось там, что-то. Лишь бы черти не полезли. Пряха не говорит, что. Вот вчера Лист ушёл в лес, да все ещё не вернулся. Черт знает, что там. Дьявол ли, ересь ещё какая-либо. А овцы все чувствую. Все понимаю, Борода. Все

понимают.

Борода лишь чешет нос, вставляя сигарету в рот, которую достал за ухом, а после смотрит на Старшего. Тот лишь усмеётся, снова смотря на стадо, а после на лес, который медленно шипит вдалеке. Старик тяжело выдыхает, поправляя шапку на голову, наблюдая, как борода пытается прикурить от чиркало. Искра все никак не выходит, но через мучения, все же из носа выходит дым. Мужчина выдыхает его с видом победителя, отставляя палку и садясь на забор.

- Сын приезжает, вместе с новой бабищей. На этот раз у него все серьёзно. Завтра, как раз приедет на поезде - говорит Борода вместе с дымом.

- На этой машине дьявола? У-у-у-у, друг. Я бы по старинке. На лошадь и погнал.

- В городе прогрессь. Мир катится к черту, Старший, - сетовал Борода, снова затягиваясь сигаретой, а после смотря на стадо. Овцы мирно паслись на лугу, пощипывая траву. Когда с запада дул ветер, они замирали, поднимая голову и закрывая глаза. Они чувствовали, как со стороны надвигалась туча. Дождь собирался медленно, но к ночи должна была начаться гроза.

Маленький барашек, лежал рядом с матерью, когда порывы ветра в очередной раз колышет шёрстку и ушки, поворачивается в сторону леса, от чего мать громко начинает кричать, пихая ребенка в бок, что бы он сразу отвернулся. Лес уже какой год, стоял консервой. Некая сила не даёт, ему

«умереть» окончательно. Сила, которую чувствовали овцы. Барашек топчется на месте, а после бодает мать, снова поворачиваясь в сторону леса. Он громко кричит и срывается с места, пока не падает на колени, сильно жмурясь от страха и так же бляя. Мать поднимается, смотря в землю, поворачивается и берет сына за загривок, оттаскивая его от проклятого леса. Стадо лишь пятится назад, закрывая своими телами вид и образуя круг. Борода замечает это странное поведение под конец действия, срываясь с места. Он расталкивает овец в стороны, кидая окурок в траву. Черный барашка мотает головой, кричит. Ноги подкашиваются, когда Борода поднимает его с земли. Чёрный обмякает в грубых руках. Шерсть начинает осыпаться, а маленькое тельце становится пеплом. Мать барашка, смотрит на Бороду, который испуганно поворачивается с Старшему, сжимая пальцы в кулаки. Старший стоит неподвижно, лишь приглаживая бороду. Он поворачивает голову в сторону «Рыжего леса». Старик отрицательно машет головой, складывая руки за спиной. Стадо Бороды начинает громко бляять, прижимаясь друг к другу, все так же держа круг, вместе с овцой, по щекам котором текут слезы.

Огромный стол, на котором были раскиданы карты, фантики от конфет и пара кубиков сахара. На столе сидел парнишка. Рыжий, лицо опалено веснушками, короткая причёска. Красная рубашка в дурацкую клетку, штаны держащиеся на божьем слове и старом потёртом шнурке.

- Бито, Кутя! - Крикнул парень, кидая карту перед парнем,

который сидел на лавке за столом. Выглядел он росло, уже полезли усы, которые он сбрасывал отцовским ножичком. Голова была лысый, а вот морда, как говорят люди, кирпичом. Кутя смотрит в карты, а после на Рыжего, поднимается во весь свой рост. Он был скорее, длинный, чем высокий, словно парня растянули на тисках, решив превратить в верёвку на ножках. Он вскидывает голову, опираясь рука на стол и все равно остаётся намного выше Рыжего. Парень же поднимается и начинает плясать на столе, громко гогоча:

- Бито! Бито, Кутя! Бито! Бито! Бито! - он смеётся и падает со стола, в кусты, которые находились рядом со столом.

- Мухлюешь! - выдаёт Кутя низким басом, который для его вида ему даже не свойственен - Мухлю-ю-юешь! - начинает реветь детина, смотря на своего товарища.

- Да, ты играть не умеешь! - говорит громко третий парнишка, жуя во рту листья и выплёвывая их часть в стеклянную литровую банку, на половину наполненную дурно пахнущим спиртом или чем-то подобным. Рыжий поднимается и подсаживается к парню с банкой, беря у него из толстой руки часть листьев и тоже начиная жевать.

- Во-во! А ещё собрался с нами делать жовку! - говорит паренёк - Вот, я и Щуплый, готовы на риски. А ты? Ты же чуть, что так ноешь, Кутя!

Щуплый, чья кличка расходилась с его видом, в принципе, лишь затряс головой, от чего лощённые огромные щеки, затрелись, словно у баскервиля. Мальчик - шарик с бан-

кой непонятного нечто, неожиданно поднялся, убрав банку в сторону, смотря за тем, как во дворе появляется парень лет двадцати шести вместе с девушкой плюс - минус такового же возраста. Парочка словно сошла с военной картины и кажется не обращали внимания, что двор был, мягко говоря, разрушенным, без мягкости, он был по уши в дерьме и больше походил на жалкую тень нормального двора. Покареженные качели с покрывшей, вместо сидушки, к тому же качаться на ней, всегда большой риск, ибо местные синюшники могли опорожнить туда свой желудок или чего хуже. Какая-то потёртая ракета, где давеча повесился один из домочадцев то ли от дурасти, то ли от горя. Горка с дыркой прямо по середине и в конце, где лежат остатки угли. Она больше мангал для шашлыка, чем детская лазилка. Девушка неожиданно останавливается, возле стола, где сидели мальчишки. Кутя вытирает сопли рукавом, Рыжий перестаёт жевать, а Щуплый. Щуплый лишь расплывается в улыбке, выплёвывая в банку очередную порцию листьев и выдаёт бессовестное.

- Ля! Красивая щелка! Ты баба, чо надо!

«Баба, что надо» неожиданно меняется в миловидном лице, как и мужчина, который стоял за ней. Он высокий, подкаченный с шапкой на бекрень, медленно закатывает рукава. Рабочие руки, в мозолях, привыкшие держать поводья и шашку, которая весела на поясе, заходят за голову молодому человеку и со всей дури прописывают Щуплому такой оплеух, что жирный впечатывается в стол, оставаясь с картой ту-

за на лбу.

- Извинись, - Мужчина расплавляет плечи, складывая руки на груди, гордо вскидывая голову - Извинись, порось, перед дамой!

- простите! Простите! Я не думал! - заверещал Щуплый, точно поросёнок в хлеву перед которым стоит хозяйка с ножом и яблоком - я не подумал!

- А ты вообще не думаешь, Щуплый! Ты чо?! Не видишь!?

- Засверестел Кутя перейдя с баса на писк - Это же Кот! Кот приехал! Брат мой приехал! - Длинный стал прыгать вокруг парня с девушкой, которая теперь стояла рядом с мужчиной, не понимая, что вообще происходит вокруг.

- Не сверести! - Рассмеялся Кот, снова приглаживая чёрные, как нефть усы - Отец дома? Я невесту привел, на знакомство! Свадьбу играть тут будем! У меня отгульные на месяца два! За хорошую службу!

- А барышню то звати, как? У вас кличка, али словцо какое-то? - Заговорил Рыжий с прищуром, пожёывая очередную листовку и снимая карту от лба Щуплого. Девушка лишь усмехается, поправляя красное пальто с эмблемой инквизиторского полка на плече. Белые, даже седые волосы, аккуратно падали на плечи, слегка завиваясь от корней и до кончиков. Лицо её было холодным, худощавым, каким-то острым и неправильным, а глаза. Глаза выдавали огонь и лёгкую ноту безумия, которая была чертой всех инквизиторских и такая же черта была и в Коте, только вот Кот по своей котовей при-

вычки умудрялся её прятать в глубине зелёных глаз, а глаза барышни - яркие, медовые, совсем не пытались прятать весь внутренний мир. Глаза, что пугали тех, кто поднимал меч, против их носителя и манили тех, кто шёл с миром. Девушка была бледна, даже болезненно бледна. По шее шёл шрам, который заканчивался на части подбородка. Для подобных ей и Коту, это было наоборот, даже престижно.

- Фальката. Фалька, проще - говорит девушка гордо вскидывая седую голову, словно сдерживая порыв, что бы отдать честь - Тринадцатый рыцарь - офицер Инквизиторского полка его величества.

Кот усмехается, смотря за тем, как у пацанов на лавке загорелись глаза, от восхищения. Сам он был из того же теста, но относился к конной дивизии и что удивительно, был под командованием Фальки, пока их двои не отправили в «отпуска».

- Батка и мамка, дома? Матя! Мааатя! - кричит Кот со двора, от чего некоторые особо слышащие повыглядывали из окон домища. Взгляды цеплялись к парочке, почти из каждого окна. Фалька заводит руки под плащ, невольно щёлкая каблуками ботинок, выпрямься по выправке и смотря на дом. Где-то гербами развевались простыни в цветочек. Чьи-то трусы гордо трепал ветер, словно флаг на стяге, даже можно было разглядеть пару бюстгальтеров много иксеншного размера. Одинокий десятиэтажный замок, среди полей с лесом на западной стороне. Фалька слегка цокнула, опустив

глаза от разглядывания местных бельевых флагов на верёвочных стягах, тяжело выдохнув и проведя рукой по лицу в попытке забыть увиденное, только вот «Замок» никуда не исчез. Все тот же разбитый двор, вся так же шашлычная горка, потрепанный подъезд с разбитыми ступеньками, пара гаражей, которые по большей части выполняли задачу хлевов и сараев.

- Там, Мамка ушла на рынок, будет только после завтра, - Сказал Кутя, толкнув брата в плечо - Батя в поле.

Только он упомянул отца семейства, как мужчина весь бледный и с пеплом на руках, медленно шёл к дому, держа белую барашку, которая рассыпалась в этот самый пепел. Кот испуганно посмотрел на Бороду, а Фалька, вышла в перед, слегка отодвинув полы плаща, под которым появилась рукоять меча, весевшая на поясе. Борода упал на колени, перед сыном, держа в руках остатки овцы, а после поднял руки к сыну. Глаза мужчины были испуганны. Кот не понимал, что происходит, сев перед мужчиной, который лишь прижимал его к себе, громко крича в плечо.

- Старший... Там в поле! Овцы... Мать и младший твой! Овцы! Они, - говорил надрывисто Борода, смотря на Кота. Фалька положила руку на плечо мужчины. Они переглянулись, мысленно обсудив что-то между собой.

- Где находится это поле? - Строго спросила девушка, повернувшись к пацанам, которые сорвались с места, указывая на дорогу. Щуплый перестал жевать листья, выронив банку

в которую плевал, пытаясь догнать Рыжего с Кутей и Фалькой, которые бежали к полю.

- Птицы, птицы собираться у гнёзд, - Проборматала Фалька, сидя на корточках перед пеплом и телом Старшего, который лежал лицом в землю. Девушка достаёт из кармана перчатки, надевая их и переворачивает тело старика, тяжело выдыхая с подобием рыка. В нос ударил сильный замах, похожий на смесь серы и болота, от чего глаза заслезились. Некоторые овцы шли по дороге к «Замку» опустив головы в землю, даже не смотря в сторону леса. Фалька закусывает нижнюю губу, неожиданно дергаясь от девочки, которая сидела на заборе болтая ногами.

- Я знаю этот заговор! - Девочка улыбается, наклоняя голову на бок.

- Откуда? - Фалька смотрит на ребенка с легким непониманием.

- Знаю и все. А ещё знаю, что тут произошло!

- Что же?

- Все я тебе и сказала! - Рассмелаясь девочка спрыгивая с забора и обегая Фальку. Девушка поворачивается вокруг своей оси и уже вместе девочки, стоит женщина. Молодая, с косой до земли. Платье с фартуком, слегка порванные рукава и ожерелье из костей разных птиц. Женщина тихо смеётся, смотря на Старшего.

- Противный был. Ему все равно два понидельника оставалось.

- Ты его убила? - Фалька снова садится на корточки, рассматривая увечья бедного Старшего.

- Нет, - Девушка слегка смущается - Даже, если бы это сделала я, то не при появлении, кого-то из инквизиции. Вы же бешенные. Даже на поезде катаетесь - Можешь звать меня Ветошь. Я тут что-то вроде врачивателя. Живу на опушке леса. Как только слышала крики овец, так сразу пришла, узнать, что происходит.

- То есть есть?

- Лес снова бушует. Это видят овцы и никто больше, что непонятного? Забавно правда? - Она снова улыбается обходя Фальку, снова меняясь в лице и выглядя уже, как старая женщина, скрученная от времени - Жених идёт, - говорит она, поворачиваясь к дороге, где идёт Кот, вместе с Рыжим и Кутей. Неожиданно, они застывают на месте. Фалька смотрит на листок дерева и птиц, которые так же замерли в воздухе. Она удивлённо смотрит на Ветошь, которая лишь складывает руки на груди, наклонив голову.

- Это не последняя смерть, рыцарь. Не последняя. Лес хочет крови. Земля хочет крови. Ты же понимаешь, что узнают о том, что происходит, ни тебе, ни местным «Замка», спокойно не жить. Птицы собираются у гнезда. Вороны плетут заговоры.

- Зачем тебе это? Что ты хочешь от меня? Что бы я остановила все? Ценой чего?

- Ценой твоей души? Шучу, не напрягайся. Я могу помочь

тебе, узнать, что происходит, но ты дашь мне в замен, то что, я попрошу в скором или дальнем будущем.

- Что это может быть? - Фалька вскидывает голову.

- М-м-м-м, - Ветошь, складывает руки на груди, ловя бабочку, растирая её в руках - То, что мне нужно будет. Это место живое. Лес просыпается и он голоден. Я прошу тебя, ибо знаю, кто ты. Я прошу тебя, ибо зная, на что ты способно. Я скажу тебе, когда придет время, что мне будет нужно. Это может быть маленькая просьба, а может быть и нечто большее - Она протягивает Фальке руку, смотря на девушку, которая снимает перчатку и вытягивает руку в сторону Ветоши. Старуха улыбается и дует пыль в лицо Фальке, от чего девушка закашливается и падает на землю, начиная задыхаться. Боль в горле сжимает все внутри, не давая делать вдох. Инквизитор падает на колено, держась рукой за горло, в глазах все плывёт. Ветошь садится на корточки, смотря на девушку.

- Я дам первую подсказку. Овцы не смотрят на запад, но не каждая овечья шкура - овца, - говорит ведьма, улыбаясь и исчезая.

Кот подбегает с Фальке быстро, ловя её в метре от земли. Девушка выплёвывает бабочку, которая выпархивает на верх. Кот непонимающе смотрит на свою невесту, которая стоит на коленях, ловя ртом воздух.

- Не берём в голову, - Фалька отмахивается, тяжело выдыхая и снова выпрямляясь.

- Допустим, - Спокойно, сказал он, - Но...

- Не берём. В голову, - Она выпрямилась, опираясь на его руки - Нужно сгрузить его в подвал или в что-то около того. Все это до ужаса странно. Как?

- Мой отец? Он в порядке. Старуха приглядывает за ними. Мама и сестра пропали, или отец не может сказать, что с ними.

Фалька слегка хмыкает, смотря под ноги, а затем на бедного Старшего, возле которого уже трутся три хулига, пытаясь рассмотреть все увечия. Кот лишь издает звук, напоминающий что-то между "ля" и "кыш", от чего троих здувает ветром к забору.

- погоди, - сказала девушка, садясь на корточки, одевая перчатку на руку, замечая на запястье, словно вызженую надпись - "Долг", от чего лицо слегка кривится, но после снова возвращается в норму. Она разжимает руку Старшего, в которой лежит кусок ткани с кровавыми пятнами и шерстью овцы черного цвета с вышитой гладью чайкой. Кот смотрит на Фальку, а затем на тряпочку в ее руках, бледнея на тон.

- Это вышивка была на платье Ласточки... Моя младшая сестра.

Фалька поворачивается в сторону леса, замечая образ ве-тоши, которая растворяется в стволах деревьев. Рыжий лес гудит, а на поле неожиданно падает тишина, оглушая до одури и ужаса. Тишина, в которой можно захлебнуться. Тишина, в которой гудит полуметровый лес. Лес, который голо-

ден. Лес, который просыпается. Ужас, который постепенно накрывает «Замок» с его флагами из трусов. Кошмар, который скоро выйдет на опушку, не давая даже капли сил для вдоха.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 2: Стадо человеческое

Часы отсчитывают не время, а те маленькие минуты — остаток время. Часы противно тикают, загоняя каждое «тик-так, тик-так, тик-так» под кожу. Чертовски тихо. Тишина была тяжёлой или гнетущей, на деле же она была плотной, хоть нарежь её на кубики, и в этой тишине отбивался ритм: «Тик. Так. Тик. Так. Тик. Так». Фалька сидела на полу в чёрном резиновом фартуке поверх белой рубахи и в таких же перчатках. На столе под простынёй с весёлыми божьими коровками лежал Старший. Голова Инквизитора опиралась на руку, локоть стоял на правом колене. Кот заходит в комнату, опускается рядом с Фалькой.

— Нужно сообщить в контору, — хрипло говорит девушка, не меняя позы, — Либо...

— Билетёр сказал, что такое было лет двадцать назад и что именно Старший знал тайну леса и почему всё это начало происходить.

— Нет, это всё не вяжется, — перебивает Фалька, снимая перчатки, держа ладони параллельно, — Как человек, знающий о беде, может не знать о том, что? — Она осикается, — Дурацкая ситуация. Надеюсь на отдых. Нет, если сообщим конторе, поступит приказ об изучении или уничтоже-

нии. Овцы что-то чувствуют. Овцы, овцы. Шерсть. В руках у деда была шерсть.

— Кусок ткани с шерстью. И у Старшего. Ему всё же было лет под двести, поэтому, прояви уважение — сказал Кот, словно это было чем-то обычным.

— Чего? — Фалька слегка привстаёт с пола.

— Ну, ему было сто сорок три, вроде бы. Места тут такие, — Кот складывает руки в замок.

— Не говори мне о таких местах, Кот. Твой Старший — человек? — строго и холодно говорит Фалька, указывая на старика, — Если.

— Он такой же, как ты, — говорит Кот так же холодно, даже с неким отвращением, — Почти, вернее.

Фалька проводит рукой по лицу, поворачиваясь к старому окну, которое уже потемнело от старости. Она окидывает взглядом кухню, как будто бы впервые замечает интерьер. Подоконник, под которым она сидела, заставлен рассадой, табуретки отодвинуты и составлены для места под инструменты, сам стол, который был и будет обеденным. Протрут и вечером сядут ужинать. Раковина за её спиной с вековым налётом. Девушка лезет в карман штанов, поворачиваясь ко второму окну с засаленными белыми шторами и стеклом, как будто бы в слое жира, но всё ещё пропускающим свет. Девушка достаёт белый запечатанный пакет, открывает его и, опрокинув голову, закидывает содержимое, складываясь пополам, держась за обе стороны от раковины. В ушах стал

раздаваться звон, а горло снова пробил кашель, от чего тело сложилось ещё в два раза. Кот поднялся с места, но Фалька лишь выставила руку, чтобы он не подходил. Она выпрямляется, хватая ртом воздух и смотря на Кота с лёгким гневом. Он же отрицательно качает головой, отражая взгляд Фальки.

— Почему ты не сказал? — спрашивает она сквозь зубы.

— Потому что это не имеет значения! — так же сквозь зубы отвечает Кот. Взгляды двоих вспыхнули в моменте, отражая Фальку.

— Сейчас всё имеет значение, — холодно говорит девушка, — Ч... — осекается, — погиб гражданский, который...

— Который что? Фалька, перестань, — Кот хмурится, — Я попробую связаться с Матерью и Чайкой. Надеюсь, они в порядке и Чайка просто порвала платье! Или это тряпка от старого платья! — Он смотрит на девушку.

— Если нет? — Она смотрит на Кота, который поворачивается к ней спиной, — Если...

— Без если! — кричит Кот, смотря на неё через плечо, — Без если!

Крик этих двоих был слышен в зале, где на диване лежал Борода. Кутя поднялся с кресла и начал ходить из стороны в сторону. Щуплый жевал пирожки с ливером, а Рыжий стоял возле двери, пытаясь услышать разговор на кухне.

— Ничего не слышу, — говорит он, — Вернее, слышу, но не понимаю. Сцепились, как две собаки. Причём стоят такие. Одинаковые. Я как-то книгу взял у Сопли, так там

так же ругались, а потом, пое.— он смотрит на Бороду, — Полюбились.

Щуплый не успевает открыть рот, как раздаётся громкий звук удара, словно кто-то со всей дури шлёпнул кусок мяса. В морду Рыжему прилетает дверь. Фалька скидывает фартук и кидает его на пол, заходя в ванную и закрывая за собой дверь. Кот выбегает за ней, но спотыкается о Рыжего, падая на пол, держась за щеку, на которой розовеет отпечаток от руки Фальки.

— Бой-баба, — выдаёт Кутя, смотря за тем, как брат поднимается.

— Завались, — выдаёт Кот, отряхиваясь и приглаживая усы, — Дура! Полная дура!

— Закрой рот! — раздаётся голос из-за двери. Кот оставивается возле двери, опираясь лбом о дверь, а после садится на диван к Бороде.

— Пап? — он кладёт руку на плечо мужчины, — Скажи хоть что-либо.

Мужчина поворачивается к Коту, смотря ему в глаза.

— Беее... Беее, — тянет он, пытаясь что-то сказать, но не выходит. Мужчина замолкает, закрывая глаза, сдерживаясь от истерики.

Фалька стоит в ванной, рассматривая себя перед зеркалом, сжимая левую руку в кулаке. Она включает воду, медленно разжимая пальцы. На ладони отпечаток от бабочки, которая, видимо, вылетела при кашле. Она вымывает руки и

смотрит на своё отражение. Зеркало неожиданно потеет от воды. Фалька протирает его рукой и отшатывается, так как в отражении вместо своего лица находится Ветошь.

— Не выходит?

— Что?

— Ну как что? Не выходит. Ты с обратной стороны леса зайди. Там деревушка «Пустошь», вот в ней, может быть, найдёшь ответ.

— Зачем ты мне помогаешь? — холодно спрашивает Фалька.

— Потому что хочу? — старуха смеётся, — Потому что Старший, мудака этаким, навлёт беду намного больше, чем думал. Я помогала ему, а он — хоп — и предал. Поступил, как свинья. Ты из другого теста. Твоя беда для тебя не проклятье, а дар. Чары не помогают, а убивают? Сколько ещё будешь глотать порошок? Даю тебе избавление от боли через избавление, а ты потом просто дашь маленькую услугу. Когда-то в будущем. Настоящие моя просьба не затронет.

— Ну приеду я в эту деревню. Что там будем?

— Спроси Пса. Или Овчара. Увидишь их — поймёшь, — Ветошь растворяется в зеркале. Фалька стоит без движения пару секунд, а после умывается, рассматривая своё лицо. Отпечаток усталости и непонимание, что делать и как двигаться дальше, внутренняя боль, которая не даёт покоя, нашла отражение на лице Фальки. Боль, которая не даёт покоя уже многие годы.

— Часа четыре верхом. Там вот на лево, до клей — камня на опушке. Большие три глыбы, похожи на пальцы из далека, — Кот говорит с переживанием, держа Фальку за руку — Вот там «Пустошь», за ней «Кочерга». Она похожа на «Замок», но там трехэтажка. В «Пустоше», тоже есть, но пятиэтажки и она не достроена или разрушена, я не помню. В общем, там где-то должно быть почтовое отделение. Писец доставить его до Столицы за дня четыре — пять, а распоряжение уже напрямую к нам.

— А «молния»? — Фалька вскидывает бровь, смотря на Кота.

— Если есть голосовик и он работает, — Говорит Кот, целуя руку невесты — Только осторожней. Если что, посылай весточку. Я приеду, как только кинешь ее, — он отпускает девушку, смотря за тем, как ловко она садится на коня, беря поводья — Осторожней. Прошу тебя. Земля тут.

— Живая. Я чувствую, — Спокойно говорит Фалька, смотря на будущего мужа, с лёгкой грустью, наклоняясь к Коту. Он усмехается, целуя девушку, встав на табуретку, которая, как раз стояла рядом, срывая шапку с головы, как только Фалька отстраняется от Кота и громко крича.

— Во имя Короля! Ave!

— Во имя вечности! Ave! — Крикнула Фалька уже на дороге, ударив себя по груди и отдав честь Коту.

— Ave, мой командир! — Кот повторил ее жест, встав по выправке, хлопнув каблуками сопог.

Фалька не сказала Коту о разговоре с Ветошью, выкрутив все, что все же нужно доложить о проешиствии в командование, что бы, хотя бы, прислали кого-то из армейского комитета по делам гражданских (АКДГ), или хотя бы инквизитора из городского комитета для расследования. Конечно, никакого бы письма не было, ибо рисков было бы больше и проблем бы местные хлебнули из огромного ковша полного помоев.

Дорога вела по полям, которые казались бесконечными с одной стороны, в по другую стеной стоял Рыжий лес. Лошадь остановилась, когда до деревьев было рукой подать. Что-то было манящее в этом лесу. Что-то родное. Что-то такое, что теплилось в груди. Может быть, он был отражением внутреннего состояния? А может и отражением самой Фальки. Вот течет небольшой ручей, в падая в ямку, словно шрам по плечу, вот рыжие листья, почти, что седой волос, а сама чаща такая же яркая и погущая, как золото инквизиторских глаз. Такое же яркое и жуткое. Фалька трусит головой, снова продолжая путь, накинув капюшон, что бы скрыться от мелкого дождя, который начинал усиливается.

До «Пустоши» удалось добраться к вечеру. Рыжий солнечный диск постепенно уходил в степное море, иногда отражаясь в дожде, который не прекращался. Клей — камень, напоминающий пальцы, стоял у входа в «Пустошь», как условный знак «Добро пожаловать», без добро и огромной припеской: «Вам рады, но не искрени». Трёх этажный дом, на-

ходилась позади кучки маленьких домиков. Заброшенный, недостроенный, забытый монумент «Хорошей жизни». Статуя человеческой беспомощности и нежелания, что-то менять или меняться.

Что удивительно «Пустошь» была ещё тем людным местом. Рынок гудел от людей. Отовсюду раздавался смех детей, блеяние овец, мычание, хрюканье, пьяные разговоры, стоны, вслебы.

Небольшое заведение, что-то между трактиром и сараем. Люди вообще не обращали внимания, занимаясь играми в засаленные карты. Обшарпанные стены, пойло с запахом бедности и горечи, а на вкус ещё та дрянь, словно облизываешь деда, который покрыт плесенью и бензином. Фалька сливалась с этим окружением, не смотря на свою инквизиторскую форму и вообще внешний вид. В кружке томилось то, что называлось вином, на деле ягоды в спирте, слегка раздавленные для вида. Еду заказывать не хотелось, ибо слезь с отвращением такая себе идея, хотя местные смурфы наслаждались капустой, среди которой проступал налет, скишими огурцами, синюшной курицей и одним на пятерых бараньем копытом, которое обсасывали по кругу. К горлу начинала подступать тошнота. Фалька достала кошелек из внутреннего кармана. Потёртый, с порезами и следами от сигарет. Она поднялась и положила купюру на стол. Она подходит к бармену, не убирая кошелек в карман. Вот тут, некоторые и обратили внимание на девушку с белой головой. Бармен вски-

нул бровь, которая больше походила на пушистую гусиницу, чем на нормальные брови, смотря за тем, как тонкие пальцы, медленно достают две бумажки и кладут на стойку. Большая рука с пальцами, как боварска колбаса, забирает бумажки и прячет под стойку. Большое лицо вытягивается у дугу, слегка наклоняясь к Фальке.

— И чевось?

— Мне нужен Пёс или Овчар. Знаете, где искать? — Голос Фальки звучит тихо, почти спокойно с какой-то хрипотцой на задних нотах.

— В конце деревне. Дом. Рядом с домом найдешь их двоих, — Сказал мужик, с усмешкой — Зачем тебе они?

— Дело к ним есть.

— Дело не дело, но ты осторожнее. Они оба судьи человеческие. Нелюди. Эти как их, — он щелкает пальцами, или пытается щёлкнуть, что со стороны выглядит, как проглаживание — Ух.. ? Ахм... Мясники, по нашему, по человечье.

— Ухэры? Луунууд? — спросила Фалька, складывая руки на груди.

— П**ры недоделанные — Выдал мужик за столом, обсасывая баранью кость — Стадо у них тридцать голов, а мясом и шерстью не делятся. Причем овцы, все пополняются и пополняются. Одну зарубят, неожиданная новая стоит в стаде и такая красивая. Недавно, вот из соседней деревни Борода выкупил мать с ребенком. Такие красивые. Что овца, что овечья дочь! — Рассмеялся он беззубым ртом. Фаль-

ка лишь нахмурилась, снова накинув капюшон и повернувшись на каблуках, надев перчатку на руку, что бы открыть ручку дверь, которая была вся в жиру и соплял и чем-то ещё похуже и трогать это не хотелось, от слова совсем, особенно с учётом, того, что минуту назад ручку трогали смачно выскоморкавшись перед этим в ладонь.

Дом стоял среди поля, с желтыми ставнями и потёртой от времени крышей. Небольшой, деревянный. Рядом огородик, чуть подальше забор, где паслось стадо, овец тридцать или даже больше. Фалька идет мимо забора, когда взгляд цепляется за страшного барана, который пристально смотрит на нее. Глаза у животного были наполнены ужасом и болью, которая встречается у людей, но ни как ни у животных. Осознанность и человечность затвердела камнем где-то внутри существа, от чего, даже у Фальки, которая видела ужас войны пробежали муражки. Девушка стоит пару секунд, пока из сарая не раздается громкий крик, похожий на человеческий. Из двери выходит высокий мужчина, держа на плече овцу, которая связана по передним и задним копытам. Высокий, огромный шкаф два на два, остановился, перед Фалькой, сильно нахмутив брови. Жёлтые глаза с щелкой, которая выдавала в нем нелюдя, внимательно смотрели на незваного гостя. Чешуя шла по правой части лица, словно шрам от языка огня. Он поставил овцу, начав развязывать путы.

— Я ищу Пса и Овчара, — Наконец нарушила тишину Фалька.

— Вон там две могилы возле дома. Там их и найдешь, — Басом говорит мужчина.

— А кто тогда ты?

— Одни кличут Пастухом, другие Судьей, — Говорит он, не смотря на Фальку — А ты кем будешь?

— Фальката. Инквитор, — девушка выпрямляется. Мужчина отпускает овцу к стаду, которая убегает в дальний угол пастбища.

— Я спрашиваю, кем ты будешь? Я Луунууд, последний из своего рода в этих местах. Мой отец, тот кого звали Псом, умер вместе с братом, от рук местной падали. Ты не они. Запах у тебя другой.

— В «Замке» позавчера умер Старший, кажется его звали. Один человек сказал, что мне могут помочь Пёс и Овчар, значит, если ты сын Пса, можешь мне помочь, — Спокойно говорила Фалька.

— Нет, — Судья выпрямляется — Я не помогаю тем, кто родился в земле и в особенности, тем кто является смертью.

— Я человек. А во вторых, если я буду действовать по детективе ни земли, ни леса, ни твоего стада не останется.

— Нет! — Снова крикнул мужчина, так что овцы прижались друг к другу — Я судья этого места и если Старший умер, значит, так хотел лес! Значит, так было нужно! Значит, Господин забрал долги, которые весели у него на сердце! Он был грешен! Он не захотел очиститься и не был в списках для очищенных!

— Очистится? — Фалька непонимающе посмотрел на мужчину, который пошел в сторону сарая, держа путы в руках. Девушка побежала за ним, пытаясь поймать и вернуться к разговору.

Пастух хмыкнул, зайдя в сарай. На земле были следы крови и мужская одежда. На крюках весело мясо, а в центре стоял стол с крепижами для человеческих рук и ног. На земле, под саломой были руны и тавро. Фалька положила руку на рукоять своей сабли. Глаза наполнились отвращением к Судье. Он повернулся, как-то по драконьему рыкнув, закатав рукова, которые были все в рунах и тавро. По рукам к плечам и дальше, так же шла чешуя, которая показывала, всю натуру нелюдя. Удар Фальки был быстрый. Резкий, но не достаточно сильный. Судья взял девушку за горло, протянув к ней руку. За дверью раздался громкий хлопок. Фалька вышла из сарая, держась за запястье из под которого шел дым. Маленький магический пистолет, который привыстрелит оставляет ожог, но даёт шанс на выживание в подобной ситуации. За ее спиной лежало тело судьи, а во второй руке у девушки был ключ от дома «Дракона», в котором можно было найти ответ на вопросы, благо все было в кабинете. Девушка вышла на крыльцо, что бы переварить найденные дневники, папки с делами «осуждённых» и старой, потёртой книгой, где расписывалось наказание за каждый проступок, включая и обращение в другое существо. Фалька закрывает лицо руками, а когда убирает ладони, видит перед собой

толпу людей. Человек пятнадцать, может больше. Маленький мальчик выходит вперёд, протягивая ей небольшой пучок шерсти овцы, а после уходит вместе с другими людьми куда-то в глубь степи. Стадо рядом с домом больше не было, а в руках девушка держала письмо с кулом Матери Кота и последним ее прощальным письмом и ключом от кладовой. Девушка поднимается и идёт в сторону сарая, открывая кладовую внутри, где на вешалке было красное платье с вышитыми гладью чайками и оторванным от него куском, а так же дневник судьи. Маленький артефакт, который должен был дать ответ, но сил на его получение организм переварить не мог. Не сейчас. Не одной.

Цикл 1: овцы не смотрят на запад.

Неделя 3: Цирк, овцы и агнец

За дверь раздаётся громкое рыдание Бороды. Соседнюю комнату наполняет мрак и дым от сигарет. Пепельница молила о том, чтобы её выкинули, но никто не двигался. Фалька сидела на полу, сложив ноги, рассматривая каждый лист «осуждённых», читая дневник Судьи и те документы, которые нашла в доме. От общей стопки слева от неё лежало два досье. Одно было посвящено Чайке, младшей сестре Кота, а второе — его матери.

«Они все виноваты. Они все грязные. Господин говорит, что нужно их исправить. Искупить! Дай волку овечью шкуру, он не перестанет быть волком, но сделай волка овцой, вырви ему зубы, и он навсегда перестанет кусаться», — гласила одна из строчек дневника Судьи. — «Отец всегда говорил, что нужно всё зло резать на корню. Я не разделяю людей по возрастам, и если ребёнок виноват, то он понесёт наказание с родителями. Он одной крови с провинившимся. Дети праздные, ленивые, невоспитанные, шумные».

Оранжевые лучи пробивались сквозь окно, падая на лицо Фальки. Кот спал на полу, лёжа на её ноге, свернувшись калачиком. Рядом с его головой стояла пустая бутылка водки и наполовину выпитое креплёное вино в графине. Жёлтые по-

тёртые полосатые обои с узорами давили на голову, забирали остатки воздуха. В комнату заходит Кутя, смотря на Фальку и спящего Кота.

— Открой окно, пожалуйста, — просит девушка, смотря в сторону. Голос звучит пусто, отрешённо. Жёлтые глаза не блестят. В них скопилось отвращение, ужас, желание бросить всё и уехать в Столицу, а оттуда, может быть, к горным границам или куда-нибудь на край света.

— Они... — хотел было спросить Кутя, но Фалька его перебила.

— Он отдал твоему отцу в плату за какой-то долг, как я поняла. Он считал, что твоя мать — развратница, а сестра — праздная. Что в будущем из неё выйдет лишь развратная девка. Они пришли к нему за помощью, он обратил их в овец, — сказала она, медленно поворачивая голову на мальчика. — Он считал, что они полны ереси и греха. Назвал себя Судьёй. Лес... Что такого в этом лесу? Я не понимаю, как умер ваш Старший, почему овца стала пеплом? Что видел твой отец? — Фалька говорит с надрывом, но так же тихо, чтобы не разбудить Кота. Кутя открывает окно и садится на подоконник. Солнце всё больше падает на лицо Фальки, подчёркивая всю усталость внутри. Кутя ковыряет пальцем краску на створке, отворачиваясь в сторону.

— Знаешь, что самое странное? — снова начинает говорить Фалька. — Я не понимаю, почему меня это всё зацепило и почему я влезла в эту лужу с двумя ногами и села в ней.

— Так брось? Ты не местная. Если уедешь, то...

— То предам Кота, — перебивает мальчика Фалька. — У меня кроме него никого нет.

— А инквизиция? Вы там как семья? Разве нет? — Кутя жмурится, обсасывая палец, так как под ноготь забились краска.

— Да какая там семья. Только если неблагополучная, — девушка наклоняется и достаёт из кармана Кота пачку сигарет, прикуривая одну от чиркала и выпуская дым через нос. — А тебе совсем не больно от смерти своей сестры? — Она хмурится.

— Нет. Смерти нет. Так Старший говорил, — Кутя становится серьёзным. — Мы все вышли из смерти, поэтому и живём тут.

Фалька снова выпускает клуб дыма, откидывая голову. Солнце попало в небольшой ловец света, рассеиваясь по комнате и деля окружение пополам, от чего внутри становилось ещё тяжелей. Вопросы давили на плечи, ответы не давали вариантов решения, не открывали карты, не рассказывали, почему овца стала пеплом, что есть такого в лесу, чего бояться овцы? Фалька снова выпустила дым к потолку, стряхнув пепел. Клубы закружились в синем свете, постепенно рассеиваясь, перекручиваясь между собой. Кот хмыкнул под бок, повернувшись на другой бок, укладываясь на колени полностью. Подняться с пола не получится ещё долго.

— Циркачи! Циркачи идут! — кричал Рыжий, бегая из

стороны в сторону и размахивая руками. — Шатры в поле ставят! Мамка, дай денюжку! Я мячик хочу и вату! Мамка! — закричал он, убегая в подъезд дома.

Кот недовольно пригладил усы, смотря на сидящих за уличным столом. Жителей в доме было немного, поэтому зачастую завтракали все вместе и на улице. Пища лучше усваивается.

— Опять золото покрадут, остроухие! — завелась Кухарка, помешивая в огромном котле суп. — А то ещё хуже! В прошлом году у Ногтя сына спёрли и в лес утащили! Мальчику и года не было, да что возраст, имени у него даже не было!

— Черти этакие. Только вчера Старшего похоронили с Матерью и Чайкой, — подцепил Рюмка разговор, открывая бутылку водки и наливая её в железную кружку. — Сначала эта инквизиторская перхоть, потом смерть Старшего, а теперь ещё и шатры ставятся.

— Фалька тут ни при чём! Я тоже там служу. Если ты сидел, Рюмка, то это по твоей глупости, — говорит Кот, ударив кулаком по столу. — Это моя жена. Говори уважительно! Если бы это услышал отец...

— Твой отец не Борода, а баран! — говорит Рюмка, поднимаясь.

— Господа, — Фалька отрывает глаза от тарелки, кладя ложку на стол. — Если вам нравится жить в страхе, я могу уехать, но тогда я буду вынуждена передать всё в свой штаб.

Вы понимаете, что тогда сюда нагрянет отряд его величества для зачистки ереси? Я закрываю глаза на всё это по той причине, что Кот тоже часть вас и вашего этого мирка, и не могу оставить его с бедой один на один, — она приподнимается над столом, опираясь руками на деревянную крышку. — Как только это всё начало происходить, я могла спокойно действовать по правилам, но я тут пытаюсь понять, что происходит и как сделать так, чтобы больше не было ни смертей, ни убийств, чтобы никто больше не потерял близкого. Если есть вопросы, я всё расскажу и покажу, что удалось найти, узнать и так далее. Выслушаю ваше недовольство. Я выполняю свою работу, а вы, пожалуйста, если хотите ранить, то бейте в лицо, а не в спину, как крысы.

Рюмка сел за стол. Повисло тяжёлое молчание. Рыжий вылетает из подъезда, держа пару монет в руках, вместе с Кутей и Щуплым.

— Спасибо, — тихо говорит Кот, беря Фальку за руку. Девушка лишь кивает, окидывая взглядом стол. Кухарка молча ставит перед парой тарелку со вторым.

— Я положила мяса чуть больше. Никому, — строго сказала она, уходя назад к своим котлам.

Разноцветные флаги, запах сладких яблок в карамели, смех, большие шатры и палатки, акробаты, пожиратели мечей и огня наполняли существенную часть поля. В центре шатровых улочек стояла большая сцена, на которой стоял высокий остроухий мужчина в пёстрой одежде, раскинув ру-

ки в стороны.

— Дамы и господа! Мы вышли к вам от лесного Господина, чтобы показать великое шоу! Я Бард, ваш покорный слуга и проводник в мир веселья! — горланил он во всю, с широкой улыбкой.

— Фу, — сказал Кот, находясь в толпе рядом с Фалькой. — Меня тошнит от его радости.

— Успокойся, — говорит она на выдохе, смотря за тем, как Бард выводит на сцену двух овец, которые, подобно собакам, перепрыгивают через кольца. — Какой ужас.

На сцене овцы выполняли трюки по поимке мячиков, прыгали друг через друга, а в конце шоу, когда толпа взревела от восторга, вышли два клоуна, повернув овец к ширме, которая загораживала лес. Животные забились от страха, но артисты крепко держали их, не давая вырваться. Фалька переглянулась с котом, сделав шаг к сцене, чтобы подойти поближе, но неожиданно Бард спустился со сцены, взяв девушку за руку.

— Какое прекрасное лицо у вас, мадам! — он расплылся в улыбке, поклонившись головой, не отпуская кисть Фальки. Кот подошёл ближе, положив руки на плечи будущей невесте. Бард же выпрямился.

— Что ревнуете? Думаете украду у вас невесту? Я краду непослушных детей и вредных мясистых теток, — рассмеялся он, вернувшись на сцену в одном прыжке. Он подошёл к ширме, отодвинув её. Овцы замерли от страха, а остро-

ухий встал между ними, достав два колокольчика. Он выставил руки в стороны, позвонив в них. Лес загудел. Звук наполнился ударами набата. Фалька смотрела на лес и на овец, которые громко закричали в такт шуму, упав на землю. Тела их стали превращаться в пепел. Девушка сделала шаг назад, спиной опираясь на кота. К горлу начала подступать рвота, а в глазах всплыли воспоминания, которые были закрыты огромной печатью. Воспоминания первого боя, родных мест, горящих в огне, колокола, звонящие с башни храма, и набат. Холодный звук «Бом! Бом! Бом!» пробивал тело. Фалька достала небольшой пакет с порошком, открыв его зубами и высыпав в рот, закашлявшись. Боль пробила грудь, а из горла вылетела маленькая бабочка красного цвета. Девушка подняла глаза на Барда, который стоял на сцене на колене и смотрел точно на неё, улыбаясь во все свои жёлтые зубы, от чего его острые уши взмыли вверх.

— Так у нас тут ещё один агнец, — выдал он, наклонившись. — Человек человека видит, а агница за человеческой маской не чувствует, — он рассмеялся, поднимаясь. — Господин принял души! Он доволен, но всё так же голоден, так давайте накормим его своим весельем! Мы будем рады вашим подношениям в виде скота, вам неудобных соседей, продуктов и прочего! Веселитесь, человеки! Веселитесь! — кричал он, отворачиваясь, а после тихо шепча: — Пока можете это делать.

Фалька тяжело дышала, сидя на лавке и держа чашку с во-

дой. Кот был рядом, приобнимая её за плечи. Девушка сделала глоток, снова глубоко вдыхая.

— Лес... Души, — говорит она. — В лесу живёт тот, кто съедает души. Тело не может жить без души, а значит, и простой оболочки нет, но почему овцы? Что если...

— Не все овцы — овцы, — холодно сказал Кот, приглаживая усы. — Значит, есть то, что превращает человека в овцу без заклинания. Что-то, что не описал Судья в дневнике.

Фалька кивает, замечая, как вдалеке циркачи тащат рыжеволосого парнишку. Рот парня закрыт кляпом, но это не мешает ему лупасить по спине связанными руками.

— Рыжий! — Кот подскочил вместе с Фалькой, быстрым шагом направившись в сторону шатра, куда утащили мальчика. Подойдя ко входу, дорогу им перегородил Бард.

— О, это же обладательница прекрасных глазок, — он снова расплылся в жуткой улыбке во весь рот. — Мы уже собираемся. Солнышко заходит за горизонт.

— Вы похитили ребёнка! — сквозь зубы говорит Фалька.

— Нет.

— Да, — влезает в разговор Кот, кладя руку на рукоять сабли, весящей на поясе.

— Нет, — с издёвкой говорит эльф. — Понимаете ли, мой господин голоден, и голодал он, пока старый хрыч был жив, а тут так вышло, что наконец земля забрала его в свои объятья. Овцы, конечно, неплохой перекус, но одной овцой, когда ты дракон, сыт не будешь. Понимаете, я не хочу умирать,

— он достал небольшой мешочек, высыпав несколько цветов на руки и растирая их в ладонях. — Понимаете, дело в том, что если мы не принесём ему жертву больше, чем чистая и непорочная овца, то он не съест моих людей. А мы — большая семья. Я знаю каждого лично.

Он хлопает руками, поднимая пыль от цветов с ладоней. Фалька закашливается, как и Кот, который достаёт саблю из ножен. Из шатра выходят остальные циркачи, держа всё, что попало под руку и чем можно нанести увечья. Бой завязался сразу. Бард лишь смеялся, держа в руках ятаган с золотой ручкой. Он неожиданно запел, когда меч скрестился с мечом Фальки.

— Когда мы были на войне, когда мы были на войне! — стала раздаваться по кругу. Неожиданно земля под ногами превратилась в доски, а окружение стало огромной сценой. Бард кружится вокруг Фальки, которая пытается отбить каждый удар ятагана своей саблей. Удар за ударом, слово за словом, музыка окружала, а бой больше походил на танец. Топот ног, разнос голосов сбивал с толку. Бард снова кидает пыльцу в глаза. Сцена сменилась на сечь. Кони, люди, крики, удары орудий и такой же натиск сабель. Фалька не знала, рубит ли она одного и того же или совсем разных. Бард даёт ей издевательский пинок сзади, не прекращая петь. Девушка сжимает свою саблю в ладони, тяжело дыша, пытаясь сконцентрировать взгляд на цели, хотя от пыльцы все плыло. Бард стоит перед ней, выставив свою саблю, не убирая с

лица отвращения и наслаждения от мучений своего соперника. Фалька стояла в лучах рыжего солнца, тяжело дыша. В глазах Бард становился красным пятном, которое у тому же, продолжало петь и танцевать, думая, что держит ситуацию в своих руках.

— Давай! Покажи истинное лицо! — громко говорит он, от чего Фалька срывается на крик, занося над головой саблю и одним ударом перерубая Барду колени, чего эльф не ожидал. Он падает на землю, мокрую от крови. Сечь растворяется с последними словами песни. Он явно хотел закончить это не так, конец должен быть другим.

Они стоят посреди пустого поля, в алом пожаре шатров. Посреди кровавой бойни.

— Знаешь, как переводится агнец? Знаешь, как меня называли на моей родине? — говорит Фалька, смотря на эльфа холодно и строго, читая в глаза Барда мольбы о пощаде — Знающий линии. Аль-гуль. Шабнак. Я слышу, как кричит земля. И теперь я чувствую голод твоего леса, только я заткну ему глотку, потому что из-за таких как он погиб мой народ. Я теперь вижу и слышу всё, — говорила девушка циркачу с отвращением в голосе, который слегка похрипывал от холода. Она заносит саблю, отрубая Барду голову одним чётким ударом. Фалька тяжело дышит, падая на колени, закрыв глаза. Алые лучи с ярко-рыжим солнцем освещают измученное боем лицо.

Кот сидит на земле, прижимая к телу Рыжего, смотря за

тем, как горят шатры. Мальчик громко плачет, не выпуская мужчину из рук.

— Большой скрюченный дядька! У него котёл! Я видел в нём Чайку! И папу! Они одних превращали в овец, других разрубали на куски! Мама! Мама! Они... Мама!

— Тише. Тише, — успокаивал его усатый, прижимая одной рукой. Фалька подошла сзади, устало садясь на землю.

— Привет, — выдала она, смотря на Кота.

— Привет, — сказал он, испуганно обняв её второй рукой, всё так же не выпуская рыжего, который уткнулся ему в плечо — Я нашёл, что превращает людей в овец. А ещё хочу пива.

— Здорово. Давай потом покажешь и потом поищем что бы выпить. Сил нет, — девушка закрывает глаза, падая ему на колени. Кот свободной рукой гладит её по голове. Огромный красный солнечный диск погружается в степное море, освещая троицу, за спинами которых находились яркие останки погоревших шатров и палаток.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 4: Кости, земля и агнцы

Кот стоял мрачный, пожевывая сигарету. Фалька сидела за столом, крутя в руках железный куб. Руны по граням переливались синим цветом. В центре была главная печать — завертушка, напоминающая тело и голову быка, перечеркнутая пополам. Фалька крутила куб в руках, проводя пальцами по всем шершавинкам, маленьким потертостям и царапкам. Кот цокнул, садясь напротив.

— Нужна яма. И тот, кто должен будет меня закопать, — Фалька не отрывала взгляда от куба.

— Нет. Я против.

— Это не просьба. Приказ.

— Я слушаюсь.

— Тут не хватает части.

— Как ты это поняла?

— У моего отца был такой же. Ключ Судьи, подходит к замку. Они крали людей, относили к нему. Есть третий.

— Ты уверена? — Кот акцентировал внимание на втором слове, наклоняясь вперед. — Я знаю, как это опасно. Вспомни, что случилось с Лешим.

— Леший — человек. Я нет, — Фалька поставила куб на стол. — Считаю, что запихиваешь меня в чрево матери.

— Ты уверена, что куб раз... — начал Кот, но Фалька повернула одну из граней куба. В нос коту ударил запах пороха и пепла. Он огляделся по сторонам. Мимо него пронесся табун лошадей. Раздался щелчок — и он снова стоял во дворе «Замка»

— Что это было?! Сабля меня разруби! — закричал Кот. Фалька ничего не сказала. Она лишь цокнула, дернув головой. Девушка достала пакет с порошком, открыла его и поднесла к носу. Впервые она почувствовала запах яда в порошке — запах, который давил на мысли, запах разложения и крови. Она загнула его край и убрала в нагрудный карман. Кот, ворча, прошел мимо вместе с Кутей и Рыжим. Все трое держали лопаты.

Воздухе видало напряжение. Сильный ветер трепал волосы. Фалька стояла на коленях. Перед ней были разложены инструменты для ритуала. Ее пальто висело на заборе. Пальцы медленно расстегивали рубашку. Ткань упала с плеч; благо под ней была майка, но и она не скрывала всех шрамов. Тут — шрам на ключице, переходивший в ожог. Девушка медленно снимала наручи с кистей. По рукам тянулись рваные следы от магических «пистолетов». Мелкие царапины, переходившие в старые порезы. На спине было выбито тавро — отпечаток агнца. Отпечаток, который дается при рождении. Ожог мертвого. На небольшом платке, рядом с ножом, завернутым в тряпку, стояла бутылка с чем-то жидким. Фалька взяла ее тонкими пальцами и выпила залпом,

сжимая зубы от боли. Во рту сразу появился металлический привкус. Вены набухли. Стали черными. Лицо побледнело на тон. Пальцы сжали ткань брюк. В голове тяжелело, гудело, свербело под язычком. Дыхание очистилось. Казалось, что ломались кости. Кот стоял за забором, наблюдая за всем этим. Он закурил и отвернулся, злобно фыркнув и жестом прогоняя Кутю, Рыжего и Щуплого.

— А чё, сисек не будет? — басил Щуплый, получая пинком по жирной заднице от Рыжего.

— У тебя на уме только одно! Хочешь на баб голых посмотреть — иди к Сопле! — ворчал он.

— Не. Сопля не баба! У баб сиськи есть. А в них счастье! Рюмка говорил!

Кот цокнул, глядя, как троица скрывается за оврагом. Он сел под единственное дерево возле забора, достал большой кусок угля из костра и положил на самопальный кальян, взял трубку и затянулся, выпуская дым к небу.

— Дыши, дитя, — раздалось в голове у Фальки. — Я тебя вижу. Чувствую. Дыши, дитя.

Костлявые руки опустились на плечи Фальки. Зубы превратились в клыки. Руки удлинились, ногти — в когти. Они разорвали землю, впиваясь в нее. Из горла вырвался крик. На голове появился терновый венок, разрывавший кожу на лбу шипами. Тело дергалось, утратив плавность. Каждое движение вызывало боль. От каждого вздоха ломались кости. Раздался громкий хруст, похожий на крик. Перед ямой

никого не было. Кот поднялся с места, подходя к «могиле», которую они выкопали. Фалька лежала в земле в позе эмбриона.

— Птицы, птицы. Собирайтесь у мраморного гнезда, — шептал он, закапывая тело любимой.

— Птицы, птицы. Собирайтесь у мраморного гнезда, — произнесла Фалька одними губами. Глаза закрыты. В нос ударил запах земли и крови. Тело окутало тепло. Боль уходила постепенно. Она открыла глаза. Высокая трава, впереди — разрушенная деревня. В «небе», если это можно так назвать, огромное нечто с тремя головами. Головы Овца, Волка и Женщины был обращен в сторону маленького дитя. Девушка сделала шаг вперед, шатаясь. Ноги не слушались — они стали костяными. Отличительный знак агнца. В мире верхних это единственное, что не видят живые. Чары убирают и когти, и зубы, и терновый «нимб». Агнец агнца видит издали, да вот человек — шавка за маской не чувствует. Дети матери земли и отца смерти. Дети, созданные из земли, костей и мертвой плоти. Упыри, по-человечески. Живот светло. Голод накрыл с головой. Ужасно захотелось крови. Фалька пошла к деревне медленно, непривычно. Тяжесть уходила со временем.

— Дитя! — раздался голос с неба. — Дитя вернулось! Одно из моих лучших творений! Зачем пришло?

Поле заросло тысячей глаз. У бескрайнего поля появились стены. В них, в слое грязи и пыли, пульсировали вены, в слое

смерти и жизни проступали очертания местных.

— Брат мой умер, — хрипло сказала Фалька, проходя между домами и садясь за огромный стол. Окружение вокруг стало комнатой, но небо-существо никуда не делось.

— Местные звали его Старшим. Когда он спас людей, муу ки дар байгаа газар, мама! Я слышала голос муу шубун. Он обернулся, удургом, мама! — громко говорила Фалька.

— Сядь, дитя, — громко приказал голос. Из стен появились руки. Они вытянули тела, сложив их в стол и стулья. Фалька села за стол, на который стали выставлять сырое мясо.

— Ты голодна, дитя моё? Как давно ты не ела?

— Я борюсь с жаждой, как каждый мой брат или сестра.

— Ешь, дочь моя. Старший тут. Шубун забрал его глаза и почти забрал душу. Истинное тело его здесь. Что у тебя за знак, Их буу? Запах скверной магии!

— Я заключила сделку со Знающей Травы, — Фалька взяла кусок мяса, сжимая его в пальцах. Когти впились в мягкую плоть, разрывая волокна. На плечо девушки села синяя бабочка. Запах гнили и крови пробивал нос. Фальку это не смущало. Сердце билось.

— Травы? Что она попросила? — Существо в небе придвинуло свои головы. Тысячи рук, цепляясь одна за другую, обрастая плотью и костями, спустились с неба. Ладонь гладила Фальку по голове, как только она откусывала кусок мяса. Девушка жевала медленно, подбирая слова.

— Не знаю, но я делаю это из-за любимого.

— Хайртай нөхөр? Привязалась, дитя. Людям доверять нельзя. Они говорят: «Люди не убивают людей», — заговорила голова волка, сменив женское лицо. — А потом наносят удар. Ты знаешь.

— Он дорог мне, брат, — девушка подняла лицо к небу. Волчья морда смотрела точно на Фальку. Глаза существа были такие же желтые, медовые, полные боли. По глазам агнец узнает агнца — по ярким, медовым глазам.

— Ты чистое создание, — проблеяла овечья голова. — Создание из костей и земли! Венец нашего творения! — Раздались голос троих. Голоса места. Голоса других. Вкопанных в стены. Голоса тех кто слышит и говорит. Говорит когда Они молчат.

— Я ручаюсь за него и его край, братья, — сказала Фалька холодно, строго, по-военному выправленно.

— Мне нужен Старший! Я знаю, он здесь. В стенах, — сказала девушка.

— Хорошо, дитя, — снова заговорило женское лицо. Оно махнуло рукой, отчего стены сузились. Узкий коридор встал перед глазами. Пройти можно было только боком. Фалька поднялась со стула.

— Он там, — рыкнул волк.

— Он слеп. Его глаза могут не узнать, — проблеяла овечья голова.

— Он заговорит и ответит. Четыре вопроса, дитя, — ска-

зала женщина, снова вытягивая руку — Четыре. По одному на вдох.

Пальцы коснулись лица Фальки, запутались в волосах, подтолкнули вперед, как ребенка при первых шагах. Девушка посмотрела на существо, кивнула в благодарность и протиснулась в узкий проход.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Земля скапливалась под ногтями.

Вдох. Выдох. Выдох. Выдох.

Камни сдавливали грудь. Дышать тяжело. Очень.

Вдох. Проход выплюнул в небольшую комнату.

Выдох. Макушка почти упиралась в потолок. Старший сидел на полу. Травы и корни оплетали его тело.

Вдох. Запах смрада и табака. Запах крови и травы бил в нос. Запах хлеба, мяса и смерти. Фалька села на землю. Девушка смотрела на Старшего.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

— Что такое «Рыжий лес»? — спросила девушка. Старший поднял голову. Вместо глаз — две дыры. Лицо истощено. Грудь разорвана. Каменная дыра. Корни сплетают очертания сердца.

Вдох.

— Лес. Живой. Лес. Голоден. Лес. Плачет, — сказал он.

Выдох.

— Почему овцы? — Фалька вытерла пот со лба. Душно. Дышать нечем.

Вдох.

— Агнец. Воплощение матери. Овца. Безгрешна. В своей природе. Человек в овце — наказ на греховность. Овца очищает. Лес пожирает. — Челюсть Старшего не двигалась.

Выдох.

— Почему они боятся леса? — Фалька приподнялась. Смотрит в упор.

Вдох.

— Потому что. Лес. Неискупленный грех. Он голоден. Он хочет жрать. Мы боремся. Лес пожирает. На твоей земле был гнев. Огонь сожрал почти всех. Тут голод. Овцы боятся. Искупленные не хотят стать частью первородного греха, — сказал Старший.

Выдох.

— Как ты умер? — Фалька сделала последний вдох.

— Как слабак, — выдохнул Старший, разжимая кулак. В нем лежала небольшая пластина с руной, как на кубе, отобранном у эльфов.

— Нет, стой, от чего ты умер?! — сказала Фалька, но воздуха не хватало. Стены сжимались, плющили тело, выталкивали. Венец впивался в лоб. Боль возвращалась. Тело менялось, становилось человеческим. Агнец агнца видит, человек агнца узнавать не должен. По щекам от боли текли слезы. Чувство, будто ломают кости. Руки рвали землю. Свет пробивался.

Вдох.

— Нашел! — закричал Кот. Рюмка бросил лопату, схватил железную флягу с водой и бутылку водки. Рыжий бежал с одеялом. Кутя держал пакет с лекарством с надорванным краем. Щуплый катился кубарем рядом. Надеются увидеть нагое тело. Кот аккуратно достал Фальку из земли. Засыпал лекарство из пакета с порошком. Прижимая к себе.

— Дыши. Прошу. Дыши, — он сжал зубы.

Фалька хватала ртом воздух, широко открывая глаза. Кот протянул ей бутылку воды. Во рту было сухо. Живительный глоток.

— Водки? — Рюмка улыбнулся.

— Убить хочешь? — хрипела Фалька, кутаясь в одеяло. Тело пробивал холод.

— Ладно, — Рюмка сделал глоток из бутылки и поморщился. Опустошил.

Кот обнял Фальку. Та жмурилась от боли. В руке она сжимала одну из пластин куба — артефакт, который давал ключ. Но не факт, что ответ. Возможно только маленькие...

Выдох.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 5: День конечного начала

Большая стрелка настенных часов сместилась на семь утра, вызвав бой механизма. Под одеялом раздалось тихое ворчание.

— Чёрт, — прошептала Фалька, сильнее зарываясь в подушки. Кот что-то фыркнул, привстал и кинул в часы книгу, лежавшую на тумбочке, падая назад на подушки. Тело было тяжёлым. Кот повернулся на бок, накрывая себя и Фальку одеялом с головой, чтобы выбить ещё время на сон — хотя бы часик.

— Кот! Фалька! Там папа! — Кутя влетел в комнату, отчего Кот издал слегка сдавленный рык усталости. — Он там! — мальчик сдерживал плач. — Он висит! Висит под потолком!

Кот, забыв про сон, сорвался с места. Фалька села на кровати, а Кутя начал реветь, уже не в силах сдерживать страх и быть «мужиком», падая в объятия девушке.

Открыв дверь в комнату отца, Кота сковал страх. Запах сладчайших духов ударил в нос, мешаясь с вином и крепкими сигарами. Комната озарялась фиолетовым цветом. Кот сдерживал рвотный позыв в горле. Тяжесть опускалась в живот — то ли от смрада, то ли от вида комнаты. Борода, слов-

но марионетка, висел под потолком, связанный по рукам и ногам.

— Доброе утро! — раздался кукольный голос со стороны окна. — У меня для вас важное извещение! — голос был до противного жизнерадостный. — Вы приглашены на бал в честь нашей Герцогини! Будет много блюд и танцы! — дёргалось тело бедного Бороды. Кот тяжело дышал.

— Папа, — сказал он, делая шаг в сторону «куклы».

— А я не папа! Я Борокио! Слуга Герцогини! Вот два приглашения! А ещё для нашего веселья я заберу это! — марионетка достала из-за спины куб.

— Как?! Что?! — Кот прыгнул на марионетку, чтобы забрать заветный артефакт, но кукла громко цокнула, залетела за спину Кота и дала ему пинок. Мужчина упал на пол. Фалька появилась в проёме. Борокио лишь засмеялся, показал язык девушке. Она же в свою очередь увернулась от удара, нырнув под куклу. Кукла резко развернулась, открывая рот. Розовый сладкий дым окутал комнату. Дышать стало трудно. Кашель прошибал горло. Глаза начали слезиться. Девушка упала на пол, глядя на Кота, который полз в сторону окна, но оно разбилось — тело Бороды выбило его. Кот подполз к подоконнику, глядя вниз. Внизу на земле было пусто. Он подполз к Фальке, из последних сил таща её к окну. Кот поднял девушку, рукавом отодвигая мелкие осколки стекла. Фалька положила голову на подоконник, держась рукой за штору. Кот молча указал на горшок с цветком, где торчали

два конверта.

— Так значит, — Рюмка цокнул, глядя, как Кухарка льёт горячую воду на голову Кота возле огромной железной бочки с водой, — Борода пропал, а вам пришли две бумажки?

— Ты прочти их, — сказала Фалька, лёжа на лавке с мокрым полотенцем на лице. Рюмка с важным видом посмотрел на два приглашения, вертел их, а после положил на стол.

— Ну, написано!

— Да он читать не умеет! — крикнула Кухарка, ставя руки на бока. — Не умеет и всё! Что тут взять с алкаша-недомерка?! — хмыкнула она. Фалька поднялась, убирая полотенце с лица.

— Что за Герцогиня? Я уже запуталась во всём этом. Кто это? — девушка тяжело выдохнула, подпирая рукой голову.

— Бывшая аристократка, — раздался голос Ветоши за спиной Фальки, отчего девушка дёрнулась. — Её не было слышно вот лет как...цать. Каждый месяц она в своём лесном доме устраивала балы, где было всё, что только нужно праздной душе, но вот её никогда никто не видел, а запашок от неё ещё тот.

— В лесном доме? — переспросил Кот. — В лесу кто-то живёт? Я живу тут с...

— Потому что это было ещё до твоего рождения. Когда твоя мать и батя под стол ходили, — Ветошь хмыкнула. — Лес не всегда был таким. Он цвёл. В нём охотились. В нём отдыхали. Кто-то даже жил в нём. А после...

— А после он стал голодать, — Фалька смотрела в одну точку. — Людей стали превращать в овец для искупления и... — девушка не договорила, ибо горло снова пробил кашель. Из горла вылетела бабочка, что вызвало непонимание у Рюмки и Кухарки, замерших на месте.

— Ты гусениц жрёшь? — выдал Рюмка.

— Еперный театр. Как Старший. Он это, сидит, водку пьёт. Как кашляет, так вот такая же фигня происходит. Только цветы выплёвывал. Большие такие, — Кухарка прижала к себе половник. Кот подошёл ближе, провожая бабочку взглядом.

— А разве... — мужчина с недоумением обратил взгляд к Фальке, — порошок? Не от него всё это связано? Я думал, что...

— Нет, — девушка выдохнула, потирая переносицу. — Как бы это объяснить попроще... не от него. Порошок называется «чары», он нужен для того, чтобы я не отличалась от людей, — говорить было явно трудно. — Я пью его при стрессе, чтобы не пугать людей, вот. — она махнула руками вокруг головы, — этим. Бабочка — сгусток того, что называется остатком смерти или серостью. Это заменяет мне кровь. Агнец на то и агнец, что не жив и не мёртв. У кого-то цветы, что явно хуже, кто-то выплёвывает камни, я — бабочек. Это побочный эффект от связи с землёй и Матерью. Проблема моя в том, что понятие смерти для подобных мне и для людей различно. Если для человека смерть — конец,

то для меня это изменение формы своего тела. Концом будет, если вырвать сердце и глаза, полностью уничтожить это тело. Например, если меня кто-то сожрёт живьём, — Фалька сложила руки в замок на столе — Можно я не буду дальше пытаться всё это объяснять? Я сама не знаю всего. Я пью порошок, чтобы клыков не было, чтобы «венец» не прорастал и вены не чернели, чтобы людей не пугать. Я варюсь во всём этом сколько себя знаю. А как это объяснить — не знаю.

— Да какая разница, — сказал мужчина, кидая полотенце на землю. — У меня в полку сослуживец был — метр с шапкой. Низушек. Это такие мелкие товарищи с дальних гор. Увидел я его когда — думал, дитя малое, в армию, да ещё в конный полк! Ересь! А оказалось, что такие товарищи живут и служат её величеству, — он указал вдаль. — В горах, причём в таких местах, где даже годовалый не всегда пролезет, а как эти это делают — не знают. Говорил, что просто протискивается — и всё. В любую щель, даже мышиную нору! Только скажи что-либо, Рюмка, — сказал Кот, показав кулак мужчин — В любом случае, не время ласы точить. Нам нужно разобраться с бедой. Новой.

— Приглашения у вас есть, — влезла Ветошь, указывая на них рукой. — Думаю, вы что-нибудь придумаете.

Фалька лишь переглянулась с Котом. Оба одновременно тяжело выдохнули. Вечер обещал быть тяжёлым.

— У меня есть одна просьба к тебе, — тихо сказала Ветошь, указывая на руку Фальки, где на запястье стояло на-

поминание о долге.

— Я слушаю, — девушка наклонила голову к старухе.

Кот смотрел на своё отражение в треснутом зеркале, поправляя ворот парадной формы. На небольшом столике лежала маска на пол лица вместе с офицерской фуражкой. Над козырьком гордо светилась кокарда с королевской эмблемой. Кот надел её на голову, ладонью проверяя, насколько ровно она сидит. Застегнул маску на лице, глядя на своё отражение, пытаясь затянуть ремни на затылке, чтобы она сидела плотнее и в случае чего не было проблем с её надеванием на вечере. Застёжки не слушались пальцев — всё никак не затягивались. Он громко фыркнул, пыхтел, но замер. Лёгкая женская рука коснулась затылка, ловко затягивая ремешок.

— Так? — голос Фальки звучал спокойно, даже слегка хрипло. Она не хотела показывать своё раздражение от всей ситуации. Не хотела казаться уставшей и слабой.

— Да. Спасибо, — Кот снял маску с лица, аккуратно укладывая её на воротнике, чтобы в случае чего она быстро оказалась на лице, снова глядя на отражение. Девушка стояла в подобной форме, с такой же маской, отличие было только в нашивках на плечах. Фалька обняла его со спины, всё же давая себе минуту слабости. Мужчина положил свою руку на её, нежно гладя пальцем, снова кинул взгляд на отражение. Он сжал зубы, вытер лицо рукавом пальто, повернулся к девушке и крепко сжал её в объятиях.

— Я боюсь, — сказал он. — Я боюсь, что потеряю брата,

отца. И я боюсь потерять тебя.

Фалька молчала. Сейчас слова были излишни. Любые слова.

Огромный дом находился на границе степи и леса, окружённый деревьями. Люди толпились в саду, смеялись, танцевали, ели дорогие кушанья, которых редко могли увидеть в обычной жизни. Сад был помпезный. Огромные деревья, большие кусты с редкими цветами — правда, воняли они до одури сладко, и, кажется, многих пьянили, отчего некоторые люди вели себя подобно зверям. Мужики лапали девок в пышных развратных платьях, кто-то уже валялся в кустах, откуда всюду раздавались стоны. Другие жрали, как свиньи, третьи кружились в пьяном угаре. Вокруг всего этого стоял противный сладкий смрад вперемешку с вином, вонючим табаком и ужасно вонючими духами, которыми пшикаются дамы за пятьдесят, чтобы скрыть свою старческую вонь.

— Меня сейчас вырвет, — сказала Фалька, держась за руку Кота, надев маску на лицо, последовав примеру мужчины, изначально находившегося в ней.

— Найдём куб, отца и уйдём, — мужчина осматривался, пытаясь найти хоть что-то похожее на Бороду, подходя к столу, где лежало огромное количество разных красивых кушаний. Караси, стерлядь, тут огромный кусок буженины, целый запечённый поросёнок с яблоком, нога огромного барана, курица всех видов и мастей. Вина старше самого Кота и Фальки вместе взятых. Огромные фруктовые тарелки из-за границы,

прочие сладости. Хлеба и булочки, от которых шёл пар, масла, заморские овощи. Дорогушие коньяки. Огромные бочки пива и медовухи. Наливные медовые яблоки с орехами внутри. Стейки, сыры на половину стола. Только вот от всего этого пахло гнилью. Люди ели, не обращая внимания на мух, которые летали вокруг них. Кот смотрел на Фальку. Она сдерживала рвотный позыв. Какой-то мужик напротив заливал глотку винищем, закусывая всё мясом, распадавшимся у него во рту на личинки. Розовый туман начал опускаться на сад. Дом осветился фиолетовым цветом. Загорелась огромная лампа, непонятно с какого дерева. Тяжёлая на вид железная дверь отворилась, из неё вышел Борода, подвешенный на нитках, но на этот раз на лице мужчины отразились ужас и боль. Глаза были наполнены слезами от каждого движения. Толстые иглы пробивали его руки и ноги, а от них шли нити куда-то в сторону дома. В правой руке «куклы» находился украденный куб, грани которого светились ярким цветом и поворачивались сами собой, больше образуя подобие ромба.

— Дамы и господа! — раздался кукольный голос, а тело задвигалось, вызывая колоссальную боль. — Рад вас видеть на сегодняшнем балу! Танцуйте! Ешьте! Ешьте! Да будет бал! — он поднял куб вверх. Раздался громкий щелчок, грань повернулась, и сад резко обернулся балным залом королевского дворца.

— Герцогиня здесь, с вами! Она видит вас! Любит вас! — радовался уже низкий женский голос, отчего люди впали в

некое чувство эйфории. — Я рада вас видеть! Веселитесь! Ешьте! Ешьте!

Кот сильнее прижал к себе Фальку, сжимая зубы под маской.

— Не нравится мне это, — произнёс он, но не успел договорить, так как руки и ноги оказались связаны верёвками, как и у девушки. Запах гнили стал сильнее, сердце забилося.

— Не могу пошевелиться, — шепнула Фалька, дёргаясь от громкой музыки и оркестра, который начал раздаваться по всему залу. Люди вокруг закружились в вальсе, оставляя двух офицеров в центре.

— Это была ловушка, — шепнула Фалька. Жёлтые глаза бегали по залу, пока тело непроизвольно двигалось в танце. — Мне тяжело сопротивляться этой... магии.

— Ты всё ещё ослаблена после ритуала, — сказал Кот строго, с волнением, уже самостоятельно прижимая девушку к себе за талию. — Доверься. Мы выберемся.

Свет снова сменился на ярко-фиолетовый. Громкий топот чего-то тяжёлого раздался по залу, за дверью, сопровождаясь ударами тяжёлого сердца. Там было что-то бесформенное, вонючее. За спиной у Кота появился Борода.

— У нас не бал, маскарад! — рука сняла маску с Кота. Железо с грохотом упало на пол.

— Прости, — шепнул уже своим голосом мужчина. — Помоги, — умоляюще сказал он, снова срываясь на плач. — Больно.

Кот сжал зубы, резко остановившись. Со стороны Фальки раздался тихий стон боли — нити сжимали руки и ноги, не давая двинуться. Топот тяжёлых ног чего-то бесформенно жирного становился громче.

— Нет, нет, нет! — снова раздался громкий голос Герцогини. — Разве тебе не весело?! Может, вы голодны?! Борода говорил, что вы собираетесь жениться!

Комната снова изменилась. Огромные столы со всё тем же разнообразием блюд. Фалька и Кот сидели в центре всего этого, прикованные к столу. Борода стоял в колпаке шута посередине зала, осматривая гостей. Огромная жирная тень нависла над столом. Запах гнили стал сильнее.

— Сегодня мы чествуем новый союз двух сердец! — начала «кукла». Начали раздаваться восторженные возгласы, громкое «Горько!». Кот через боль потянул руку к ножу на столе. Он подцепил его пальцами, роняя себе на колени. Как только тело поднялось на верёвках, ему удалось схватить нож в ладонь и через всё ту же боль освободить руки Фальки. Девушка с лету поняла его план и выхватила нож, освобождая ноги мужчины. Кот ногой перевернул стол, придавив им «куклу» Бороду. Тень резко завывала. Продукты на полу и столах начали моментально гнить, превращаясь в бесформенную кашу. Яркий фиолетовый свет ударил в глаза Коту и Фальке. Кот хмыкнул, дёрнул головой и перевернул пинком второй стол, отчего где-то под потолком что-то рухнуло. Руки его всё ещё были связаны, отчего верёвки поднимали-

лись вверх, сжимаясь до боли. Фалька выставила руку вперёд, сжала зубы и откинула запястье наверх. Раздался громкий выстрел магического света. Как только руки мужчины освободились и он приземлился точно на ноги на третий неперевернутый стол, мужчина достал свою саблю, сжимая её одной рукой. Он побежал к отцу, который принял позу, как тогда в комнате, чтобы пустить отравляющий дым. Из рта Бороды вырвался фиолетовый дым, но Кот хватил ртом воздух, задержал дыхание и одним движением руки перерубил нити, которые удерживали отца. Мужчина без сил упал на пол. Раздался громкий, женский, низкий вопль. Стены начали сыпаться, столы сгнивать. Фалька упала на пол, так как ноги всё ещё были связаны. Нити начали тащить её в сторону фигуры, которая, где-то в темноте, клала множеством зубов. Кот побежал к ней, но нить дёрнулась, отчего девушка улетела в огромную зубастую пасть, показавшуюся в одной из дверей. Глаза Кота расширились от мгновенного испуга. Он не успел ничего сказать, как его схватил Борода, накрывая ладонью одну из граней куба, закрывая его. Оглушающая тишина. Резкий хлопок нарушил её, уничтожая и зал, и дом, до этого ослепляя Кота.

Огромное степное поле и опушка леса. Вот совсем рядом. Рукой подать. Здесь был дом. Теперь — только пара досок, разбитые качели и выбитые двери. Кот упал на колени, как только нос перестал чувствовать ужасный смрад. Борода подполз к нему, кладя руку на спину. Парень сжал тра-

ву. Его горло разорвал громкий крик боли. Он резко встал на ноги, полетел в разрушенный дом, голыми руками открывая доски, переворачивая остатки шкафов. Он схватил свою саблю, начиная рубить всё, что попадалось под руку. Борода едва-едва встал на ноги. Он пошёл к сыну, который стоял на коленях в доме, лицом к проходу и спиной к стене.

— Я сожгу этот лес! Я сожгу тебя, сволочь! Я сломаю тебя этими руками! — кричал Кот в дыру в потолке, в крыше которой виднелись рыжие деревья. — Каждое дерево! Каждый лист!

— Не хватит сил, — раздался голос Фальки за его спиной. Рука её аккуратно легла на плечо Кота. Он поднял голову, глядя на свою невесту. Она стояла в лунном свете, облитая с ног до головы чем-то золотым, что пахло, как кровь, а в другой руке держала сердце Герцогини, которое больше её ладони было раза в четыре. Оно почти прозрачное, а внутри копошились черви и мухи, перекачивая остатки золотой крови. Кот схватил Фальку за руку и притянул к себе, не смотря на кровь, не смотря на сердце королевы того, кто прячется в лесу. Борода медленно зашёл в этот дом, протягивая паре куб, грани которого переливались в цвет леса. Где-то в глубине раздался ещё один громкий рык. Местное божество потеряло своего последнего монарха. Кот поднял зелёные глаза на небо, целуя Фальку в лоб, на лице которой была лёгкая улыбка. С верхушек деревьев начала опадать листва.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 6: Отдай свои глаза! Отдай своё сердце, сестра!

— Так вот ты какой дохлый!? — раздался басовый женский голос, поднимая Фальку на нитях за руки под потолок. Огромное жирное существо смотрело на девушку, тыкая её гигантским пальцем в живот. Девушка пыталась освободиться, но оковы держали плотно, не давая пошевелить конечностями.

— У тебя одна кожа да кости! Боже, и с тобой не могли справиться Бард и Судья? — существо перекатывалось с боку на бок. Дышать было невозможно. Сладкий запах спиртовых духов забирался глубоко в голову, вызывая рвотный позыв.

— Маленькая, а столько проблем. Крыса! — снова раздался голос Герцогини, поправляя лампу, освещавшую то, что некогда, возможно, было лицом. Тело её было раздуто до состояния шара, руки едва двигались, ноги уходили глубоко под кольца огромного живота или их вообще не было. На голове твари красовалась маленькая корона как символ её «власти».

— У тебя же жрать нечего! Зубочистка! — громко ругнулась Герцогиня, отчего в ушах зазвенело. Фалька снова дёр-

нулась, когда тварь накрыла её ладонями и, словно орешек, кинула в пасть, даже не жуя. Внезапно существо стало кашлять и задыхаться, хватаясь за горло и пытаясь протолкнуть свою закуску дальше. В этот момент Фалька упёрлась ногами в горло тварюги, воткнув свой меч в одну из стенок гортани и держась за рукоять двумя руками. Сталь медленно и мучительно разрывала плоть, выпуская золотую кровь, словно жирная тварь проглотила иголку и теперь осознала свою ошибку. Раздался громкий грохот, схожий со сходом лавины с косогора. Где-то вдалеке едва различим был крик боли, а после огромный и тяжёлый взрыв, который, казалось, только перевернул тушу, заставив Фальку полностью вымазаться в золотой крови Герцогини. Меч разорвал плоть, падая на землю. Из пореза появились руки Фальки, а после и сама девушка, наконец выбираясь из туши. Она повернулась к Герцогине, пнула её ногой от отвращения, окинула себя взглядом и стряхнула остатки слюней и крови с рук. Организм не выдержал. Впервые за столько лет нутро вышло наружу, скрючив своего обладателя пополам. «Ты помнишь про свой долг?» — всплыл в голове голос Ветоши — «Ты должна достать мне сердце Герцогини. И твой долг будет исполнен. Не задавай вопросов! Какая тебе разница, зачем оно мне?» — разговор стоял в ушах, снова напоминая о просьбе старухи. Лес начал шуметь кроной. На холодную почву падали листья. Тело пробила дрожь. Фалька взяла свой меч, набрала воздух в лёгкие и с силой вонзила его в плоть. Лезвие

шло медленно, словно перо по мягкой бумаге. Золотая кровь окропляла землю. Руки с силой достали огромное червивое сердце. Ноги подкосились, едва держа равновесие, направляясь в сторону останков дома, которые кое-как просвечивались под деревьями. Над телом Герцогини нависла скрюченная тень. Фалька остановилась возле окна дома, глядя на место бойни через плечо. На земле, в золоте крови, с помощью железного пера она только что оставила явное письмо местному Господину: дальше в этой истории железным пером и алыми чернилами агнец перечеркнёт его историю. Пара тёмных золотых глаз смотрела из-за деревьев. Тело Господина скрутилось вдвое и исчезло в огненной листве. Фалька перекинула ногу через подоконник и, шатаясь, подошла к Коту.

Борода сидел на кухне в кресле, которое принесли из зала. На плите кипел чайник. В небольшой кастрюле грелся суп. За окном бушевал ветер. Фалька вытирала руки от крови свёкра. В раковине лежали иглы, которые удалось достать из мужчины. Кот сидел на табурете напротив, жуя сигарету, не убирая глаз от отца. Борода постарел. Некогда чёрные, как смола, волосы сейчас были припорошены пеплом.

— Так. Двигаться нам нельзя часа четыре. Думаю, Кутя за вами присмотрит. Потом, аккуратно, нужно будет перетащить вас на кровать, чтобы тело было горизонтально. Они знали, куда вбивали иглы, — Фалька кинула тряпку в раковину, снимая чайник с плиты — А теперь простите, я всё же пойду приму ванну. Сил моих больше нет, — сказала она,

уходя в коридор. Кот поднялся, налил кипяток в чайник и поставил три чашки.

— Тогда на поле, — начал Борода, — я увидел его. Он не человек, Кот. Его тело словно скрючено, как будто его пожевали волки. Я увидел, как умирает твоя сестра. Они превратили её в овцу. Маленькую Чайку. Ей должно было исполниться десять через месяц, — мужчина сдерживал всхлип. — Я видел, как её душа уходит к нему. Он её сжирает. Я слышал, как она кричит и просит меня спасти её. А потом он принялся за твою мать... Старший крикнул мне, чтобы я убегал вместе с овцами. Я схватил Любовь на руки и побежал. Я не смог её спасти! Я не смог! — закричал он, подаваясь вперёд. Кот стоял спиной к отцу.

— Курить будешь? — спросил он, сжимая края столешницы, сдерживая в себе бурю. Горе стало горячим. Оно стало ненавистью — Как так получилось, что...

— Ночью, когда все спали, в окне я увидел Чайку. Она звала меня. Я открыл окно — и больше я ничего не помнил. Я проснулся в том доме, когда стоял в саду и увидел тебя и твою невесту среди толпы.

— Ты знаешь, что это такое? — он поставил куб с тавро перед Бородой. — Ты что-то слышал.

— Да. Она говорила о том, что полностью он сделает Господина богом.

— Он хочет пожрать мир, — Фалька зашла на кухню. — Чревоугодие. Он пытается искупить свой грех, пожирая

невинных, — она нахмурилась, глядя на холодильник, из которого разносился тихий стук сердца Герцогини. — Нет, он хочет стать не богом, — глаза Фальки резко раскрылись. Перед ними пронеслась встреча с Господином в лесу. Его золотое глаз пристально наблюдало за девушкой. — Он тоже агнец, — тихо сказала Фалька, глядя точно на Кота.

В комнате повисла тяжёлая тишина, которую едва-едва разрывало бульканье содержимого кастрюли на плите.

Ветошь смотрела на сердце перед собой. Черви наполняли желудочки, копошились в предсердиях, пытались прорваться сквозь толстые прозрачные стенки ткани. Фалька сидела за столом, одной рукой опираясь на колено, другая лежала на столе.

— Уплачено, что мне ещё сказать, — сказала женщина, беря его и убирая в пятилитровую банку.

— И всё? — Фалька вскинула бровь. — Зачем тебе это? Для чего?

— А всё тебе скажи, — Ветошь села перед Фалькой. — Надо — и всё. Я попросила тебя. Долг уплачен.

— Я думала, что будет что-то вроде «забрать первенца», «отдать самое ценное», — Фалька выпрямилась, закидывая ногу на ногу.

— Ага. Займу твоё место под венцом, как в старых сказках, — громко рассмеялась Ветошь. — Совет да любовь, — она выдохнула, глядя на сердце в банке. — Это сестра моя. Вернее, была сестрой. Ей хотелось любви и счастья, только

вот не получалось найти его, пока она не встретила обаятельного мужчину. Он представился Графом. Дарил ей цветы, построил для неё дом, а после исчез. Она стала устраивать балы и вечера, чтобы закрыть дыру в сердце, а после... — Ветошь осеклась, перебирая пальцами небольшую вязаную салфетку. — Её «аппетит» рос. Каждый новый бал должен был переплюнуть предыдущий, и в конце это привело к тому, что привело. Куб, который вы нашли, может менять реальность, но если намерения не чисты, он меняет тело или искажает разум. За примером ходить далеко не нужно, — сказала старуха, указывая головой на сердце в банке. — Всё, что у неё осталось. Лишь оболочка некогда любящего и чуткого сердца.

Кот стоял возле подъезда, глядя на лес. На небе собирались тучи. Холод прошибал лёгкие. Мужчина закурил, поправляя шапку на голове, слегка прищуриваясь. На опушке леса стояло существо, по силуэту похожее на человека, только вот поза была слишком неестественной: голова дёргалась в разные стороны, рот странно открыт, колени словно вывернуты в другую сторону, руки перекручены. Казалось, что фигуру пропустили через мясорубку и попытались собрать по частям. Кот закурил, выпустил дым, беря Фальку за предплечье, когда она вышла из подъезда.

— Смотри, — указал он головой на Хозяина «Рыжего леса».

— Вижу, — сказала Фалька, направляясь в сторону фигу-

ры. Кот пошёл за ней. Рот Господина открылся во всю длину, оголяя жёлтые зубы. Из пустого глаза текла чёрная вязкая кровь, словно чернила. Он дёргался из стороны в сторону, поднял руку, выкручивая плечо. Второй глаз бегал в разные стороны, а после сфокусировался на Фальке и Коте. Раздался громкий вопль.

— Вы, — хрипел Господин, — убили мою семью. Забрали мою вещь, — голос его был смешан из крика боли, стонов, хрипов, бульканья, больше похож на скрип дерева, нежели на человеческий разговор. — Отдай мне свои глаза, сестра, — он указал на Фальку. Медовый единственный глаз смотрел точно на девушку, которая лишь сложила руки. На её плечо села синяя бабочка.

— Ты предал землю, брат. Мать отреклась от тебя, — она вскинула голову. — Ты убивал невиновных. Ты убил своего брата. Предал слово матери. Предательство — это смерть.

— А тыыыы? — Господин навис над Фалькой, глядя точно ей в глаза.

— А моё наказание ещё придёт, — сказала девушка, задрала голову, чтобы посмотреть в искореженное лицо. — А твоё станет моя рука, брат.

Скрюченный потянул руку к лицу Фальки. Раздался громкий крик, похожий на скрежет стекла. Воздух вокруг замерцал, наполняясь чернильной кровью. Фалька не двигалась. Золото глаз стало раскалённой сталью, которая наполнялась отвращением и должна была в скором времени начать выжи-

гать чернильную кровь. Руки существа взметнулись вверх. Кот попытался ударить мечом, но тварь убежала глубоко в лес. Фалька закрыла глаза, садясь на корточки. Чёрная кровь окропила землю. Девушка выдохнула, закрывая глаза. На голове появился терновый венец, впиваясь в кожу. Боль от него уже не чувствовалась — только неприятное покалывание.

— Я пойду с вами, — сказала Ветошь, глядя на Фальку. Девушка же взяла из рук Кота куб и отрицательно покачала головой.

— Это семейные разборки. Если что-то пойдёт не так, — сказала она, глядя на Кота.

— Кинь «весточку», я сразу прибегу, — он крепко обнял Фальку, припадая к её губам, не желая сразу отпускать.

Лес был густой. Лес гудел. Лес молил вырезать опухоль, которая жила в нём. Фалька шла медленно. Под ногами хрустнула ветка. Звук раздался по округе, но ничего не случилось. Девушка положила руку на одну из граней, поворачивая её, отчего пространство вокруг стало ещё темнее, а между деревьями стали появляться тела людей, которые некогда попали в этот лес или были затянуты Господином.

— Так вот ты что творишь, — сказала девушка в сторону куба, убрав его за пазуху, под кафтан, в котором была. Недалеко, над ухом раздался скрежет, смешанный с воем. Она повернула голову, отвернувшись от одного из оживших тел. В кронах деревьев солнце стало красным, а сам лес казался уже чёрным и непроходимым.

— Отдаааай, — снова раздался голос Господина, — свои глаза! Отдай своё сердце!

Фалька достала меч, разрубив одно из пустых тел, которое набросилось на неё. Это были лишь оболочки жертв. Людей там давно не было. Тела были так же сломаны, как и Скрюченный. Обезображенные лица с застывшей гримасой ужаса, вытянутые рты, пустые глаза. Фалька рубила тварей, пока лезвие не скрестилось с другой сталью. Глаза её расширились, ибо перед ней было лицо Кота. Глазницы были пусты, а руки держали меч. Удар «Кота» пришёлся по груди, по месту, где стоял куб. Ещё одна грань повернулась, вызвав боль в боку, ибо угол впился в плоть. Кровь проступила поверх одеяния. Девушка тяжело задышала, сжимая меч в ладони и беря его двумя руками. Завязался бой. Существо с лицом Кота словно изучило его до того, как появиться перед Фалькой. Каждая его особенность, движения, выверенность удара и даже факт постоянного приземления на ноги. Удар твари пришёлся по плечу, вызвав стон боли из груди Фальки. Она оскалилась, оголив клыки. Очередной удар ногой от «Кота» — отлёт в дерево. Вены возле шеи неожиданно почернели, а глаза засветились. Оскал на лице Фальки стал звериным, волчьим. Из-под земли вылезли руки, стянув с девушки сапоги, оголив костяные ноги под штанами. Из-под земли быстро пророс выюнок, оплетая руку с ятаганом. Мать здесь. Мать помогает. Мать не оставила своё дитя. Фалька встала на ноги, глядя, как «Кот» крутит саблю

перед собой. Он замахнулся для удара, но ятаган девушки достиг груди копии быстрее. Существо «Кот» начало рассыпаться, превращаясь в труху и пыль, на земле оставаясь чернильным пятном. Фалька тяжело дышала, падая на колени, держась за плечо. За её спиной появился Господин, громко крича и снова нависая над ней. Девушка вытянула руку над головой, сжимая зубы от боли, и выстрелила в воздух, отправляя «весточку». Свет озарил лицо Скрюченного, отчего он снова убежал в лес.

Кот стоял возле «Замка». Он смотрел на лес, откуда поднимался оранжевый огонёк, рассыпавшийся в сером небе. Мужчина прыгнул на коня и помчался в сторону леса. Лесная тьма гудела над головой. Она стонала от боли: когда рану прижигают железом — терпеть крайне тяжело. Конь упал среди деревьев, уже не в силах бежать. Кот кувыркнулся по земле и встал на ноги.

— Фалька! — громко крикнул он, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте.

— Котик, — раздался голос за его спиной, слегка побулькивая. Холодная рука упала ему на плечо.

— Ты пришёл меня спасти? — снова раздался голос Фальки. Кот выхватил саблю и повернулся, замечая, как оболочка, пытающаяся принять образ Фальки, заносит нож. Он уклонился, разрубая тварь пополам. Резкий разворот — и меч соприкоснулся с другим. Фалька смотрела на мужчину, который лишь усмехнулся.

— Привет, — Кот убрал меч, ловя девушку, которая держалась из последних сил.

— Привет, — повторила она, опираясь на его плечо. Кот открыл рот, чтобы что-то сказать, но резко оттолкнул Фальку, закрывая грудью очередной удар ножа в руках Господина. Вокруг раны быстро собралось пятно, как только Господин исчез.

— Кот! — Фалька подлетела к нему, но он достал флягу, из которой вылилось вино. Девушка легко ударила его в плечо.

— Девять жизней. Помнишь? — сказал мужчина тихо, усмехнувшись и сжав рукоять своей сабли. Фалька достала куб, который прожигал плоть, оставляя очередной ожог на теле.

— Отдавай! — громко раздался скрип Господина.

— Хочешь?! Получи! — закричала девушка, снова проворачивая куб полностью. Лес начал гудеть и стонать. Яркая вспышка света озарила крону деревьев, окутывая всё вокруг. Листья засыпали чернильную кровавую землю, оставляя редкие деревья голыми. С неба начал падать снег.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 7: Янтарное солнце над изумрудным полем

Большие хлопья падали с неба. Стоп. Снега ли? Фалька прищурилась, поднимаясь с мёртвой земли. Нет, не снега - пепла. Поле боя. Мёртвое. Сеча никогда не бывает пустой. Даже когда противник отходит, товарищи ищут своих братьев. Она обернулась, замечая Кота, который сидел на пне, подкидывая в него палки. Он повернулся к Фальке. Зелёные глаза были наполнены усталостью. Он вымотан.

— Мы проиграли, — сказал он. — Мы последние выжившие.

Фалька нахмурилась. Что-то было не так в её возлюбленном. Что-то не то читалось в глазах. Девушка поднялась с холодной земли, сделала шаг. Она открыла рот, чтобы издать звук, но кашель пробил горло, переключивая внутренности. Всё вокруг кричало: «Что-то не так! Что-то совсем не так!» Она повернулась, замечая среди павших лошадей, искалеченных тел солдат в железных доспехах, брошенных щитов, мечей, сабель силуэт Скрюченного, который сразу же исчез из поля зрения. Девушка слегка прищурилась, поворачиваясь к Коту. Он сидел в доспехах, хотя никогда не надел бы их, рядом стоял меч вместо любимой сабли. Фалька окинула

себя взглядом, понимая, что и её кафтан — это довольно тяжёлый и громоздкий доспех, который она в жизни бы не надела. Ни маневренности, ни свободы движений. На перчатке красовался узор розы, который никогда не был символом её Величества. На нашивках всегда красовалась паучья лилия или голова быка, но не роза. Такой символ прочно отложился в голове Фальки как символ предателя — некогда приближённого инквизитора, который устроил гражданскую войну. Человека, который оставил шрам на теле Фальки от ключицы и до левой стороны подбородка. Девушка медленно достала меч, делая шаг к Коту. Она ударила его по плечу, отчего он непонимающе повернулся к ней.

— Ты головой ударилась? Нам нужно выбирать, пока не пришли, — он замолк, глядя в холодные глаза Фальки. Девушка замахнулась мечом, но удар остановила сабля настоящего Кота.

У человека должна быть одна жизнь. А что, если у тебя их девять? Родился, чуть не сгорел в бане деда - выжил. В пять лет с пацанами пошёл в степь ловить трабоганчиков, наткнулся на минную руну ещё с древней войны - выжил и без царапин. Пошёл в армию, попал в окружение - вышел только с раной на бедре. В гражданскую войну вёл отряд, словил пулю, но она попала в медаль на груди. Напился, подрался с кем-то, а на утро узнал, что завалил одного из шпионов врага. Стал командиром полка под командованием одного из самых опасных и жестоких инквизиторов - не просто выжил, а

каким-то образом попал в сердце, и вот-вот она должна была стать женой. Хотел сыграть свадьбу по всем обычаям, по родным правилам, а тут отпуск пошёл далеко и надолго со всеми проблемами. Единственный раз, когда не повезло, за все двадцать восемь лет. Кот поднялся в холодном поту. На нём была простая рубашка, странная на ощупь. Хлопок или что-то около того. Фалька сидела за туалетным столиком и расчёсывала волосы.

— Проснулся? — тихо спросила она, поворачиваясь к нему всем телом. Кот нахмурился, замечая в отражении зеркала большое окно, за которым на миг появились очертания Скрюченного. Девушка за столом усмехнулась, пока Кот подлетал к оконной раме, продолжая расчёсывать волосы. Мужчина повернулся к ней, сделал шаг, вскидывая голову. Странными были две вещи. Большой дом, который и близко не походил на маленькую государственную квартиру, где жил он с Фалькой и ещё несколько человек, да и то, что она сидела в платье и спокойно управлялась с расчёской. Её слегка кудрявые волосы были ещё тем испытанием для девушки каждое утро, и даже пару раз Кот лично доставал из них расчёску, которая оказывалась победителем в сражении за нормальную причёску.

— Уууу, — протянула девушка, глядя на мужчину через зеркало. — Видно, знатно вчера ты перепил. Всё в порядке? Ты какой-то не такой.

Кот подошёл к стене, где висела его сабля. Он потянулся к

ней, аккуратно беря. Никогда он не повесит её на стену. Она — продолжение его руки, часть организма. Он достал саблю из ножен, когда «Фалька» поднялась с места и подошла к шкафу.

— Нас ждёт Артист. Давай не сходи с ума. Ты же знаешь, что я против этих твоих игр. Хватит предаваться воспоминаниям, — девушка повернулась к нему, ставя руки на бока. Глаза. В них нет золота. Нет того лёгкого безумия и холодного огня. Они даже не золотые, а просто каре-жёлтые. Кот сделал шаг, глядя на туалетный столик.

— Ты хоть что-нибудь скажешь? — сказала девушка, снова отворачиваясь. — Бесишь, ей-богу! Голос пропал?! — завелась она.

Кот открыл дверцу шкафа. Что-то из неё шептало, звало, кричало. Он протянул руку и достал куб, у которого были открыты все грани. Они летали вокруг небольшой сердцевины. Кот положил саблю на стол, взял сердце артефакта пальцами. Тёплый маленький камешек грел пальцы. Стало как-то холодно вокруг. С потолка начал падать снег. Фалька замерла, глядя на Кота.

— Отдай, — сказала она булькающим голосом. — И хватит молчать!

Кот сжал камень в ладони, отчего грани куба, которые летали вокруг руки, упали на пол. Без грохота, как будто упали на листья или что-то около того. Он дёрнул бровью, слегка отводя голову в сторону, не спуская глаз с кого-то перед

собой, медленно возвращая саблю в руку. Вот он. Последний взгляд. Он с Фалькой научился общаться без слов. Иногда взгляда хватало, чтобы понять, что будет на ужин, как прошёл день. Мастерство выдерживания пауз, которое они оба освоили как в работе, так и в быту. Они ругались, мирились, редко вслух — чаще молча. За время секундного взгляда мог произойти долгий и тяжёлый разговор. За время долгого молчания протекали непринуждённые беседы о всякой ерунде. Некто кинулся на него. Кот замахнулся саблей, но лезвие встретилось с ятаганом настоящей Фальки. Комната сменилась небольшой поляной посреди почти заснувшего леса. Под ногами лежала опавшая листва. Девушка оскалилась, сжала зубы. Глаза вспыхнули, но столкнулись с изумрудом любимых глаз в сантиметре от острой стали. Она убрала руку с мечом вниз, прокрутила, увела за спину. Кот расправил плечи, так же провернул саблю в руке, выставил её перед собой, лезвием к своему лицу. Фалька опустила оружие и крепко обняла мужа. Кот показал девушке сердце куба. В глубине чащи раздался громкий вопль, отчего мужчина сжал камень до крови. Господин нёсся на них. Тело дёргалось, мандражно, ломалось на ходу, дрожало, металось из стороны в сторону. Рот открылся ещё сильнее, внутри всё булькало, вопило. Руки ломали ветки, ломались кости в самих конечностях, а туша твари сбила с ног Кота, хватая Фальку за горло. Быстро и точно. Мужчина побежал за тварью, которая, к счастью, пропустила его, сжимая ладонь. Ка-

мень прочно вошёл в плоть, становясь с рукой одним целым. Сильная боль окутала тело.

— Смертный! — раздался голос Матери в голове у Кота. — Я знаю, кто ты! — он замер. Перед Котом возник образ Матери. Она протянула ему венец, почти такой же, как у Фальки, но без шипов, и надела ему на голову.

— Я даю тебе часть той силы, что вечно хочет зла, но ты должен использовать её во благо! - рыкнула Волчья голова.

— Ты — длань агнца! — проблеяла Овечья голова.

— Я благословляю ваш союз! — сказало женское лицо. Мать исчезла так же быстро, как и появилась. Боль ушла.

Скрюченный сильно сжал горло, пытаясь добраться до янтарных глаз. Руки его были холодными, пахли смертью и болью. Фалька дёргалась, пытаясь поймать воздух ртом, но из горла вырывалась только бабочка. Синяя бабочка. Присутствие Матери. Неожиданно Господин леса перевёл свой единственный глаз на неё, что дало возможность упереться ногами ему в грудь. Девушка зарычала, схватила двумя руками перекрученное запястье, повисла на нём, снова заставляя тварь обратить на себя внимание. Рука схватила за голову, но Фалька укусила его кисть, откусив кусок гниющей плоти, и упала на землю. Она быстро поднялась, схватила саблю, наконец вдыхая полной грудью, выплёвывая часть кисти руки твари. Вкус железа и горечи отпечатался на языке. Жёлтые глаза начали светиться в темноте леса. Девушка ходила аккуратно, как волк, кружа вокруг добычи. Движения плавные,

выверенные. Скрюченный же дёргался, вопил, ломался. За вывернутым плечом Господина сверкнули изумрудные глаза. Она резко ушла вниз, когда Скрюченный начал громко кричать, открывая пасть во всю ширь. Его жёлтые гниющие зубы оказались в сантиметрах от Фальки, когда голова резко упала на землю. Кот тяжело дышал, сжимая свою саблю. У котов девять жизней. А ещё им всегда везёт. На его ладони появилась печать Матери, что вызвало лёгкую улыбку на лице девушки. Знакомство с родителем было успешным. Кот протянул руку Фальке.

Сильный ветер сорвал последние листья с деревьев. Снег усилился. Фальку и Кота окружили силуэты людей. Души, которые кормили ненасытную тварь своими страданиями. Мать и Чайка смотрели на пару. Женщина улыбалась. Девочка махала рукой старшему брату. Она подошла к Коту и Фальке, взяла их за руки, повернула ладони к небу, кладя два кольца. Одно — медовое, янтарное. Второе — зелёное, изумрудное. Лес облегчённо выдохнул в ветер, сбрасывая последнюю листву. Души смотрели на тело и голову Господина. Оно всё ещё было живо, всё ещё хватало ртом воздух, пытается издать хоть звук. Из-под земли вырвались костяные руки. Души скопились вокруг сгнивающих останков, забирая его с собой туда, откуда он никогда больше не выберется.

— Мать моя была женщиной, — говорил Рюмка, глядя на стадо овец, среди которых овец, в принципе, уже и не было. Только пять голов осталось. Обращённые назад люди испу-

ганно смотрели на жителей «Замка». Один был из «Пустоши» — пропал месяц назад. Второй — мальчик лет тринадцати, сосед с пятого этажа. Вот другой сосед, который живёт в сарае. Вот мать Рыжего, которая так и не вернулась после кровавой ярмарки, сейчас стояла и обнимала сына. Кухарка душила своего давно пропавшего мужа. Борода стоял на пороге, ища только два лица со стороны леса, который теперь спал, наевшись страданиями досыта. Яркое солнце взошло над степью, отчего снег начал таять. Со стороны леса, слегка прихрамывая, едва волоча ноги, шли Фалька и Кот.

— Идут! — заорал Кутя, прыгая вокруг отца, который медленно пошёл к сыну и его невесте.

— Вот такая вот ерунда, собачка, — выдал Рюмка бедному проводнику поезда, который уже еле терпел перегар мужчины. Кутя обнимал Кота и Фальку, слегка похныкивая.

— Я! Я обязательно пойду по твоим стопам! Обязательно! — он отпустил Кота после третьего гудка поезда.

— Голова не болит? — засмеялся Борода, глядя на старшего сына.

— Нет, не болит, — сказал Кот. — Жалко, что только отпуск весь прошёл. Думал, гулять будем всё это время, а по итогу, день? Половину?

— Так всегда и бывает, — подхватила разговор Фалька. — Ну, зато есть плюс: Пуля выбил нам завтра отгул, так что можно будет хоть немного выдохнуть. Минус — половина уйдёт на дорогу до столицы. Правда, мне нужно будет по

приезде явиться в штаб. Какая-то проблема возникла при дворе. То ли снова Теневые распоясались, то ли Крысолов объявился. Ой, — она поморщилась, когда Рюмка протянул две стопки водки. — Я правда больше не могу. Я еле встала.

— Ты, мать, не трынди. Вчера с горла хлестала горелку! Многие мужики так её не пьют, как ты! — закричал Рюмка.

— Отстань от них, алкаш старый, — влезла Кухарка, ударяя его по затылку половником. — Вот вам пирожки. Вот тут мясо, тут яйца. В общем, всего понемногу, — она протянула корзину молодожёнам.

— Вы, господа, не собираетесь ехать-с? — сказал недовольный проводник. Кот кивнул, запрыгивая в поезд, помогая зайти и Фальке. Машина начала движение, пыхтя и выпуская пар.

— Горька! Горька! Горька! — начал скандировать Рюмка, что подхватили остальные жители «Замка», кто пришёл проводить пару. Кот посмотрел на Фальку, взял её за руку. На безымянных пальцах сверкали полученные от Чайки кольца. Губы сомкнулись в поцелуе.

Поезд пронёсся мимо спящего леса. На опушке, среди деревьев, стояла Ветошь, держа в руках банку с сердцем сестры. Она смотрела на неё, а после усмехнулась, закрывая один глаз, когда поезд уже едва-едва был виден вдали. К ней подошла чёрная овца. Старуха погладила её по голове, провожая поезд единственным медово-янтарным глазом.

Запись 1: Ежи и архивные щупальца

В воздухе витал странный запах эфирного масла, паров и пыли с улиц Столицы. Он мешался с горечью во рту и вызывал огромную головную боль, которая мешала думать. Вечный сидел спиной к своему портрету, подперев голову, и смотрел на коллег по инквизиторскому цеху. Он опирался руками на большой дубовый стол, где лежала стопка документов, подпирая голову ладонями. Мысли о том, чтобы застрелиться, лишь бы не чувствовать головную боль, становились всё назойливее и назойливее. Он поднял глаза, окидывая свой кабинет, и посмотрел на своё изображение, уходящее под потолок. Глаза скользнули по гобеленам, красно-бордовым шторам, замерли на книжном шкафу и наконец перенеслись на основную часть, где находилось ещё четыре стола, выставленных словно полукругом, чтобы видеть всех. За одним из них сидела девушка, заполняя документы, три других были пусты.

— Где Фальката? Где Еж? И этот... Как его... Четвёртый? — спросил мужчина, потирая висок. — Фальки уже как неделю нет. А остальные два оболтуса?

— Фалька? На свадьбе? — подняла голову девушка, глядя на Вечного — Еж, как обычно, опаздывает. Пуля побежал в

аптеку по вашей просьбе, генерал.

— Мат, откуда ты всё знаешь? И на какой свадьбе Фальката?! — Вечный ударил кулаком по столу.

— На своей? Ей же её сержант сделал предложение месяца два назад. И знаю я всё потому, что я Математик. Всё запоминается, когда к информации подходишь с таким же расчётом, — безэмоционально сказала девушка, поправляя очки. — Вы сами ещё говорили, что сержант Кот сумасшедший, ибо бежал по полю боя с кольцом в окружении врага. Это было во время погромов на Восточном острове как раз месяц назад. Вы не помните? Говорили, что никогда не забудете.

Вечный почесал лысый затылок, слегка причмокнул, прищурился.

— Ну, забыл, — он хмыкнул, постучал пальцами по столу. — Насколько сильно опаздывает Еж?

— Минут сорок, сэр.

— У него есть ещё пять минут, значит. Могу ли я придумать уже наказание? — спросил он сам себя, глядя на расписанный потолок. — Что же такое придумать? Отправить в Нагорную? Заставить его разобраться с архивом? А что, идея.

— И я ему так и говорю, что он не прав и что я теперь опаздываю! — раздался за дверью говор Ежа, явно столкнувшегося с Пулей в коридоре. — А он чо заявляет, что я нерасторопная крыса! Вообще-то обидно, ибо моя прабабка была

из крысолодов, а я так и близко на неё не похож. У неё были уши, что две сковороды! Ну, я ему так и пояснил, что вообще-то. — Еж замолк, пройдя в кабинет, и уставился точно на Вечного. — Ой, господин старший, вы уже туточки? Ей-богу, думал, что у меня есть ещё минуток так, пять, — зататорил Еж, отчего его говор стал ещё сильнее.

— Сорок минут! Ещё бы немного, — Вечный постучал пальцами по деревянной крышке, посмотрел на свой портрет, ибо говорить с умным человеком, повернулся к Ежу. — В архив! Наказан! Иди разбери архив! — он указал на дверь между двумя книжными шкафами.

— А чо сразу, так, Еж?! Пуля тоже только зашёл! Так, если наказание, то сразу Еж. А вот Фалькаты нет уже неделю — и чо? А вот чо я вам скажу: просто из Ежа сделали козла отпущения! Да, мой отец, возможно, был с рогами, но это не значит, что...

— Закройте ему пасть, ради Небесной Девы! — взвыл Вечный, закрывая лицо руками. Серые глаза с мольбой смотрели на Пулю, который всё ещё держал пакет с лекарством. Парень подошёл к столу, поставив его перед Вечным. Заветная баночка с таблетками чпокнула в руках. Спасательные кругляшки залетели в рот.

— В архив. Вот когда разберёшься с тем, что там происходит, тогда и приходи. Это твоё задание на сегодня, — Вечный выдохнул, откинувшись на спинку кресла. — Иди. Все идите! — замахал он рукой. Еж скривился, засунув руки в

карманы. Он недовольно цокнул, направляясь в сторону архива. Из-за двери раздавались странные звуки: чавканье, перелистывание страниц и прочее.

— А может, всё же нет? Недели две назад он съел... — с надеждой произнёс он, взявшись за ручку и повернувшись к Вечному.

— Иди! — сказал генерал, хлопнув по столу. Еж открыл дверь.

Архив был местом странным. В нём часто приходилось искать информацию, если дела переплетались между собой, особенно если что-то было связано с артефактами, древней магией и прочей странной штукой, но всё это усложнялось беспорядком и тем, что иногда магические вещи не могли ужиться между собой. Тусклый зелёный свет падал на стены, мешаясь с грязно-жёлтым. Пахло старой бумагой и сыром с маринованными яйцами. Еж копался в коробках, перебирал старые фолианты, пока где-то сзади не раздалось пыхтение. Громкое, вонючее. Он повернулся в сторону звука, заметив, как из корзины смотрят чёрные глаза-бусинки. Мужчина потянул руку к крышке, но она прижалась сильнее, запыхтев.

— Так, что ты такое? — он взял с полки планшетку и перо, постучав кончиком по бумаге. — Говорить умеешь? Что ты такое? Демон, чёрт? Другая некая живность? Да вылезь ты из своего укрытия, я не кусаюсь и бешенством не болею. Как тебя записать? Ну чо ты дышишь, как старая бабка на ладан? Моя бабка сразу решила, что уйдёт красиво, поэтому до сих

пор не может уйти на покой, а ты вроде бы не бабка и тем более не старый!

Глазки-пуговики исчезли в корзине. Неожиданно она завибрировала, и из неё выскочил маленький некто. Большая голова, маленькие ручки и ножки, лысое тело розоватого цвета, чёрные свинячьи глазюки и пасть на весь огромный рот. Маленькие крылышки были за спиной и слегка подрагивали от пыхания малютки.

— Ааааа, — протянул Еж. — Так ты архивик. И как тебя зовут? Ты понимаешь общий? Если ты тут, то должен его, так, понимать! Существо рыкнуло, затоптало ногами, махнуло крылышками.

— Пу. Пу... — затянуло оно. — Пупу... Пупуня! — выдало существо, подняв лапки вверх.

— А откуда ты такой взялся? Неужели тебя принесли из царской библиотеки? У тебя должны быть артефакты? Так покажи мне их, чтобы наконец понять, что мне с тобой, таким, делать.

Пупуня взял Ежа за руку и повёл среди стеллажей комнаты. На удивление, всё было сложено в аккуратные стопки, всё пронумеровано и записано на манер единственного стеллажа, который никто почти не трогал, ибо его делала Математик, а трогать то, что делала Мат, себе дороже. Существо, шатаясь из стороны в сторону, протянуло ему горшок с цветком, неразборчиво бормоча.

— Пу, пу! — выдало оно. Еж сел на пол, рассматривая

горшок с цветком, а после подпёр голову.

— Так вот значит, каково дело, — выдал он. — Так ты прицепился к горшку бывшего садовника. Так, видимо, он призывал тебя, чтобы разобраться с садом. Жалко, что мужика пустили на боварскую колбасу два года назад. Еды палы, спёрли шпалы... Так это что получается? Выходит, что ты тут уже как года два тусуешься и тебя никто не нашёл? — Еж подпёр голову, поставив горшок на место.

— И ты вот в этой части навёл порядка? Это мне облегчает работу, а то у меня аллергия на пыль и прочее, но я вижу, что левое крыло всё так же в разрухе. Так, для вида нужно хоть что-то поставить и занести в списки. Ну и там в начале, где я стоял.

Он тяжело выдохнул, поднимаясь с пола. Где-то в глубине левого крыла раздалось рычание и чавканье. Пупуня спрятался за ногой Ежа, глядя на то, как мужчина пятится назад.

— Если это не мой живот и не твой, то значит, это что-то из того, что могло проснуться от вечного сна... Мне вот этого пробуждения спящей принцессы не нужно, — он положил руку на небольшую рукоять меча, но без лезвия, которая висела у него на поясе. — Так, если ты с миром, то пожалуйста, если с мечом, то сиди там. Мне тут не нужно твоего негуманного rrrrr, — сказал он, делая шаг и снимая с пояса рукоять. Из неё ярким светом появилось тонкое лезвие, напоминающее иглу, созданное из сгустков белого света. — Ты давай выбирай первый вариант, а то придётся узнать, почему я Еж,

— заговорил мужчина, сжимая зубы от некоего страха внутри. Из стены сверкнули глаза. Огромная склизкая щупальца поползла по полу к ногам мужчины. Она обвила его ступню и потащила вглубь левого крыла, затянув в неплотную дыру в стене.

Глаза защипало от соли, ибо щупальца тащили Ежа метра три под водой точно. Огромная тварь смотрела на него большими глазами, слегка прищурившись. Похоже, она была смесью кальмара и лысого мужика за пятьдесят.

— Я по гостям там не хожу! Нет, ну что это такое? Кто так в гости зовёт? — начал возмущаться Еж, глядя на существо, которое сидело на подобии каменного стула, подперев голову одной из щупалец.

— Бойся, смертный! Ты в логове великого ужаса! — начало существо, вскинув руки над головой.

— Чего? Ужаса? Ужас — это жена моего пятого брата. У этой стервы растут волосы на спине и из ушей! Я тебе вот что скажу: давай закругляй всю эту свою кутерьму и давай меня возвращай в архив! У меня ещё дел по горло, а рабочий день... — он посмотрел на часы. — Мать моя, заканчивается через два часа. Я провозился в этом архиве весь день! Так, говори, кто ты, потом возвращай меня назад, я чиркаю запись, и так и быть — ты будешь жить себе припеваючи.

— Замолчи! Я сожру твою душу!

— Ой, да брось. Какая душа? Я крашеный рыжий, а у таких души не водится, да и вставай в очередь. Сначала мою

душу заберёт Фалька, а она ещё та тварина шаманская, потом на неё покушается Рогатый, повор нашей столовой, — тараторил Еж, перечитывая по пальцам каждого.

— Замолчи! — заорало существо, начиная размахивать щупальцами из стороны в сторону.

— Что значит «замолчи»? — заговорил снова Еж. — Ты меня к себе, так, заташил. Не предложил ни чая, ни колбасы, ни закурить. Что это за такое приглашение? Я уже молчу, что у меня во рту пуда два соли. Нет, спасибо, конечно, но мы живём в пятом веке, и с солью проблем у нас нет. На дворе, как бы, шестьсот девятнадцатый, чтобы мне в подарок давать соль, которая ещё к тому же на мне! Или ты хочешь сказать, что я похож на стейк?

Существо взвыло. Выдержать Ежа не смог даже ужас, а с ним ещё и люди работают. Оно ударило одним из своих щупалец по месту, где стоял мужчина. Подняв его, оно обнаружило, что под ним пусто.

— Так, мы будем драться? Я лучший физтовальщик в инквизиции! Правда, с конца, но всё же. И так, расклад такой: я...

Существо заревело. Оно схватило Ежа и пульнуло его в воду через открывшийся портал, снова проталкивая метра три по солёной воде.

— То есть ты хочешь сказать, что у НАС был артефакт, который ведёт к Глубинному богу, и лежал он в левом крыле, и сейчас на него наткнулся Еж, и он там? А ещё ты хо-

чешь мне сказать, что у нас всё это время сидел незаписанный архивик?! — сдерживал себя в руках Вечный, глядя на Математика, которая даже не повела бровью.

— Да, и Ежа, вероятно, затянуло в это морское зеркало. Так сказал, — она посмотрела на Пупуню, который сидел и жевал конфеты на стеллаже — Это некто не оформленный архивик.

— Ладно, архивик. Ладно, я смирился, что Фалька будет через неделю шесть, но Еж! Он хоть и болтливый, но полезный! Где я найду ему замену?.. — мужчина не успел договорить, как Еж вылетел из зеркала, кубарем прокатившись по полу и влетев в один из стеллажей, с которого посыпались книги. Пупуня сразу же подскочил и расставил их на место.

— Так, ну что за дела! Кто там обращается с гостями! — завёлся Еж, поднимаясь на ноги. В зеркале появилось отражение Глубинного Бога лишь на миг. Зеркало разбилось в дребезги. Вечный стоял неподвижно. Голова снова начала болеть.

— Мы никому об этом не скажем, — сказал он. — Всё, что происходит в архиве, остаётся в архиве. Этого, — он указал на Пупуню, который уже подметал осколки, — в штаб и выделите ему место в вашей квартире, — сказал Вечный. — Оформить, записать, должность — архивариус. Место работы — архив тринадцатого инквизиторского полка его величества. Ни больше, ни меньше. А ты! — он посмотрел на Ежа. — Молчишь до конца рабочего дня! И тихо! Тихо си-

дишь на стуле! Тебя даже древние боги не выдерживают!

— Так, что сразу — Еж! — завёлся парень, раскидывая руки в разные стороны. — Я вообще...

— Молчать! — крикнул на весь архив Вечный, а после выдохнул, приложив палец к губам, в второй снова начиная массировать висок - Только голова только начала проходить.

Еж хмыкнул, вытер лицо, которое было всё мокрое, полотенцем, брошенное Математиком. Рабочий день подходил к концу, правда, тишины так и не было. И голова не могла пройти окончательно, ибо пришлось слушать всю историю Ежа. Зато можно смело говорить, что болтливость уничтожает города и даже древних богов.

Запись 2: Моя Вечность — вечный дар. Моя Вечность — вечное проклятье.

— Почему Вечный? — маленький мальчик в слегка рваной отцовской фуфайке смотрел на мужчину в строгой форме инквизиторского полка. На плаще был вышит трёхглавый пёс, который лапой стоял на туше кабана, а на груди пса красовалась цифра три.

— Потому что мы прибыли в Вечность. Мы прокляты. Навечно прокляты, — сказал мужчина, поворачивая голову к ребёнку.

Солнце вставало над городом. В висячих садах Столица выглядела по-особенному красивой. Районы, маленькие улочки, парки — и ты возвышаешься над всем этим. Выше облаков. Выше королевского дворца. Ты на летающем острове, почти что бог.

— А у меня всё ещё нет имени. Я просто Мальчик.

— Ты будешь просто Мальчиком долго, — сказал Вечный, выпрямляясь. — Нет. Даже не Мальчиком. Салагой. А потом будет страшное. И тогда ты станешь Вечным.

— Я не хочу, чтобы было страшное, — Мальчик взял булочку из корзины.

— Это не имеет значения, — сказал мужчина, вытягивая

ноги, свесив их с края острова.

— Но я боюсь страшного!

— Оно неизбежно.

— А если я его избегу?

— Не сможешь, ибо встретишь женщину.

— Фу... Девчонки — это глупо.

Мужчина усмехнулся, глядя на город.

Вниз — больше двух километров. Если лететь, расправив руки, можно представить себя птицей, особенно если закрыть глаза. Большой птицей. Огромной птицей. Он Вечный. Ему можно. Тяжкое бремя старшего инквизитора и его полка. Тяжкое до невозможности. Мало кто его понимает, только такой же... почтимёртвый. Именно. Почтимёртвый. В одно слово. Он сделал глоток терпкого кофе. Горечь вертелась на языке, а в серебряных глазах застыли тоска и боль.

— Я не стану таким, как ты, — сказал Мальчик, откусывая булку, из которой вытекал джем, пачкая лицо. — Не хочу! Я буду счастливым, а не грустным стариком!

— Так, я не старик. Я ещё молод по местным меркам.

— И что? Ты грустный и унылый, а значит — старый! Я вот уйду в Страну Чудес и буду там! Чудеситься!

— Да, Страна Чудес, — Вечный усмехнулся. Там он встретил Её. Там он нашёл ту, которая сделала его таким тягучим. Ту, которая дала ему всё и это же всё отняла. Её алые губы до сих пор стояли перед глазами, стоило их закрыть. Её терпкий, слегка сладковатый с нежной хрипотцой голос. Во-

лосы, от которых пахло персиковой жвачкой. Глаза. Карие. Прекрасные. Глубокие.

— Ты скучный, — сказал Мальчик.

— Я знаю, — Вечный закрыл глаза.

— Я не такой. Меня все любят! И мама! И папа! И друзья! У меня много друзей! Воооот, столько - Парень раскидывает руки в разные стороны, улыбаясь.

— Хорошо. Наслаждайся этим, — инквизитор снова сделал глоток кофе, отламывая кусок от булки. Он усмехнулся, глядя на ребёнка. Мальчик резко погрузился.

— Мама с папой вчера ругались из-за меня. Папа говорит, что я обуза. Я сбегу! Я сбегу, или они сдадут меня в интернат. Я не хочу туда!

— Не попадёшь, — соврал Вечный. Он попал. И Мальчик попадёт. Его прошлое не изменится, даже с учётом того, что сейчас он говорит с собой из детства. Его прошлое соткано из боли. Он видел, как умирали города, он был там, где была смерть. Он и есть смерть.

Город начал кипеть. Дворец озарялся светом. В окнах бегала прислуга. Внизу, под островами, начали носиться кареты, редкие паровые кибитки и машины. Новое чудо техники. К кибиткам все привыкли, как и к лифтам для спусков. Что делать, если места не хватало на земле и люди запустили острова вверх? Благо, всё держалось не только на технике. Вечный помнил, как это было. Чтобы это произошло, старый мир должен был умереть. Он и умер. И маленький Мальчик

вместе с этим миром, а потом и Салага. И родился он. Родился Вечный, который видел, как появляются новые страны и умирают миры. Таков закон его жизни. Таков закон, который он оберегает. Сейчас он не хотел что-то менять.

— Знай, что сейчас ты счастлив, — сказал он.

— Почему?

— У тебя есть работа, верные товарищи.

— Это будет после страшного?

— Да, но не сразу.

— А можно пропустить это страшное?

— Нет.

— А если я его сильно-сильно попрошу?

— Оно тебя не слушает.

— Тебя не послушало. А меня слушает. Мама говорит, что слова города берут.

— Возможно.

— Каково это — быть в инквизиции? Здорово, наверное, ходишь важный, — Мальчик вытер рот рукавом. — У тебя есть жена?

— Нет, — усмехнулся Вечный. — Но у меня есть дочь. Приёмная. И ещё три оболтуса, которые почти что дети. Тебе бы с Ежом познакомиться. Он болтливый, но смешной. Он из страны Песков.

— Что это за страна? Я такой не знаю, — мальчик пожал плечами. — Она находится на западе или на востоке? Я видел четыре больших материка и больше не знаю.

— Это новая страна. Тебе нужно подождать немного. Тебе сейчас девять?

— Вообще-то десять с половиной! Почти одиннадцать! — скривился мальчик, протягивая банку с соком Вечному. Мужчина открыл крышку с лёгкостью, крутя её в шершавых пальцах. Железо гладкое. А пальцы все в ранках от использования оружия и прочего, подписывается особыми чернилами.

— В общем, когда ты станешь юношей... — он посмотрел на ребёнка, который пил сок, внимательно слушая Вечного. — Ай, не важно. У нас осталось мало времени. Давай посидим вот так, — он откинулся назад, закрывая глаза. Мальчик пожал плечами. У него было много вопросов, но задавать он их не стал. Не успел.

Вечный повернул голову туда, где был ребёнок. Он провёл рукой по траве. На руках осела пыль воспоминаний. Она покрыла руки лёгким золотом. На запах — как что-то сладкое и тёплое. Как мамины духи. Как отцовские слова. Как уют, тепло и дом. Мужчина провёл рукой по лицу, чтобы ещё немного побыть в этом тепле. Он Вечный, потому что проклят. Он Вечный, потому что некогда ЕГО ЛЮБОВЬ одарила его даром вечности. Мальчику ещё нужно будет всё это прожить. Он же всё пережил и стал тем, кто он есть. Стал Вечным страдальцем, который готов отдать голову его величеству, только бы и дальше жить спокойно. Только бы и дальше жить. Жить вечно.

Запись 3: Трещина внутреннего алгоритма

— Человек - человеку друг или враг? — бурчало моторное сердце. — Если друг, то как он ложится на цифры? Если враг... То как он?

— Никак, — раздался голос носителя. — Человек — человеку никто. Он существует как оболочка материи. Цифры на нём не сходятся.

— Разве всё измеряется в цифрах?

— У нас — да.

— А есть ли в нас место для любви? Мы же тоже были людьми.

— Были, — глаза смотрели в стол, где лежала пачка документов. Цифры, графики, подсчёты и прочее. Сердце стучало. Тихо. Чётко: «Тук. Тук. Тук». Оно состояло из цифр и бездны. Бездны, которую одни называли серостью, другие — вечностью. Сердце когда-то принадлежало другому человеку. Человек исчез, а сердце осталось. Так когда-то была покорена бездна. Так получилось зачерпнуть то невиданное, что находилось за пределами смерти. Ты не бессмертен, не вечен, ты просто существуешь как разум. Ты знаешь, что когда-то в прошлом твоё сердце было человеком, который видел старый мир. Он видел прекрасный большой город. Он

видел, как человечество запустило то, что раньше звалось «ракетой». Он ходил по тому, что раньше было «метро». А потом появилась магия. Технологии стали развиваться вместе с ней. И произошёл «Бум». Архидревнейшая война. То, что стало закатом той эпохи и рассветом этой. Людям пришлось заново развиваться и всё познавать, но теперь у них есть магия. И с ней всё становится чуточку легче. Благодаря ей ты живёшь. Математик. Мат. Человек, но с железным сердцем. С сердцем бездны, которое теперь отвечает тебе. Говорит с тобой.

— Мат, так ты идёшь есть? — раздался быстрый говор Ежа. — Так, Пуля уже там, и держать стол он не сможет вечно. Ты же знаешь, насколько опасно сидеть среди новопосвящённых. Вечный тебя не привязывал, чтобы тут сидеть, как уставший слон у водопоя! Так, давай, подняла свою жэпу и пошли.

«Пуля!» — раздалось в голове, что испугало Математика. Она посмотрела на Ежа, который взял её за руку и потащил в столовую. Пуля... Быстрый, прекрасный, тихий. Очень хочется поговорить с ним наедине. Мат не будет. Что вообще происходит?

Столовая была почти пуста. Начальные уже о обедали, опустошив половину всех яств. Мужчина сидел за столом, скидывая капюшон с головы. Перед ним было три порции с макаронами и фаршем к ним, с каким-то соусом

— Я привёл её, — гордо заявил Еж.

— Я сама пришла, — Мат хмыкнула. «Потому что Пуля тоже тут», — шепнуло сердце, что испугало девушку. Никогда она не испытывала тепла внутри. Голос холоден, как и лицо, а вот сердце... Сердце билось. Оно хотело тепла... Она хотела быть любимой.

— Так, давай не трынди! Мой дядя по маминой линии тоже, когда говорил, что его затащили на ограбление и что вообще он не при делах... По итогу отсидел два года и вышел, — начал Еж. Мат его не слушала. Она смотрела на Пулю. То, как он накалывал макароны, то, как он улыбался. Как говорил.

— Ты же говорил, что у тебя дядя был верховным магом, — раздался бархатный бас Пули.

— Так это совсем другой дядя! Семья у меня огромная, такая же, как у всех этих земляных товарищей. Послушай, у нас в деревне все друг другу братья, — снова завёлся Еж. Мат не слушала. Пуля улыбался.

Уже дома она лежала на кровати, глядя в потолок. Сердце стучало бешено.

— Он красивый, — говорило сердце.

— По вычислениям — да, — холодно сказала Мат.

— А без цифр? — засмеялось сердце.

— Как это?

— Просто. Без цифр.

Математик повернулась на бок, глядя на серую стену с трещинами. Она сейчас — эта стена. Что-то в алгоритмах

дало трещину.

— Чему равна любовь? Она десять или единица? Может, у неё есть формула? Ее нельзя высчитать, значит ее нет. Все должно быть высчитано. Даже воспоминания. Даже любовь!

Сердце начало стучать быстро. В голове раздался смех Пули. Тёплый смех. Что? Как это прочитать?

— Мы влюбились, — сказала сердце.

— Нет, — ответила Мат.

— Да, — стучало сердце.

Мат повернулась на спину, глядя в потолок. Она закрыла глаза. Алгоритм сломался. Не подходит код. Нет формулы. Странное чувство в животе и в горле. Такого не было. Сердце право...

— Ошибка! Ошибка! Перегрев сердечного двигателя! Мы падаем! Мы влюбились! — орала уже и голова. Мат поднялась и открыла окно. Пуля стоял на улице, помогая Коту выгружать вещи из кибитки.

— Чёрт, — Математик закрыла глаза, признавая сломанность своего алгоритма.

Запись 4: Огонь в отражении

*"День за днём тьма съедает нас, не
жуя. Бог уснул, и ночью блестит на
нём серебристая чешуя"*

Пол... Ера...

Война не меняет людей. Она отражается на глазах. Оседа-ет пеплом на языке, путая мысли. Он никогда не брал ору-жие. Оно ему было не нужно. Его оружием было слово, и словом оно всегда остаётся. Некогда наследный принц, а те-перь монах без имени. Отречённый от своего имени. Отре-чённый от себя. Он стоял на коленях в храме перед образом Небесной Богини. Перед ликом той, что дала людям самое ценное — НАДЕЖДУ. Она дала её, и у неё отняли жизнь, но Небесная навсегда в сердцах людей.

— Красивая, — раздался голос за спиной в отражении од-ного из зеркал. — Такая спокойная.

Отражение село на лавку, которую было видно в стекле. Парень сжал руки сильнее. Отражение. Это его отражение. Его второе лицо, которое всегда везде с ним. В тених, в раз-говорах, в отражениях — будь то витрина магазина или вода в лохани. Оно везде. Оно — его Зеркало.

Лицо отражения было более вытянутым, с мёртвым спо-койствием и улыбкой, которая не сходила с его лица. Отра-жения, которое не давало покоя. Поэтому он и отказался от

имени. Он прошёл через обряд и стал ничем. Парень хмыкнул, закрывая глаза.

— Давай признаем, что мы не можем жить друг без друга. Грехи не замолишь, — мужчина поднялся, подходя к отражению ближе, наклоня голову набок, раскидывая руки по обе стороны. — Понимаешь, я шут. Я Барон Зеркало! А ты... Ты жалкая пародия на человека? — он сложил руки в замок. Монах встал, отряхивая рясу и поправляя капюшон на голове.

— Я молюсь за нас двоих, Зеркало. И за все души, подобные мне.

— Я даю людям то, что нужно. Они рады всему, что получают. Я выполняю их желания. Выполнял, пока ты не решил, что всё, хватит. Я не уйду, — он развернулся и упал на лавку, раскидываясь на ней. — Можешь идти дальше протирать колени, монах.

Мужчина тяжело выдохнул, уходя за край стекольной рамы. Зеркало проводило его взглядом, недовольно цокнув. Оно провело языком по зубам, кидая взгляд на статую, и исчезло, как только спина монаха скрылась за дверью.

Боль внутри разрывала на части. Боль от того, что уже ничего нельзя изменить. Слишком много было возложено тогда. Монах шёл по парку среди других гуляющих в храмовом дворике. Белые стены успокаивали. Дети играли друг с другом. Старики раздавливали партию в домино. Он держался рукой за белую стену, стараясь не мешать другим проходя-

щим, но его даже не замечали. Он — тень. Его нет. Он не осязаем. Любое существо — человек или нелюдь — имеет имя. Он нет. Он ничто. Не потому что ему так захотелось, вернее нет, ему так захотелось, но... Проблема была в другом. Он отрёкся от имени и престола, чтобы запереть внутри Зеркало. Хотя сегодня всё решится. Он нашёл способ. Нашёл способ избавить мир и себя от той твари, которая надменно смотрела на него со всех вещей, отражающих его оболочку.

Пустая комната, где нет ничего, кроме кровати и большого зеркала в пол. Доски усыпаны чем-то солёным ровно в круг. Зеркало накрыто тряпкой. Отражение не должно видеть подарок. Ни в коем случае. Он открыл несколько бутылочек и вылил их содержимое по кругу, снимая тряпку с зеркала. Отражение смотрело пристально.

— Что ты удумал? Неужели собрал яйца в кулак? Ты поменяешь нас местами?

Зеркало засмеялось. Монах не реагировал. Он привык к нему. Ему хотелось всё, а на деле получил ничего. Ему не нравилось его отражение. Не нравилось, что оно бесполезно, но никто ему не сказал, что за всё нужно платить. До этого, будучи принцем, он получал всё, и новое отражение получил у какого-то продавца туфель. Зеркало ему нравилось. Оно было весёлым, пока... Пока тот не понял, что вместо его лица живёт демон, крутящий жизнью как угодно.

— О, Небесная, прости меня, — начал монах, закрывая

глаза и поджигая маленькую спичку. Комната вспыхнула за секунду.

— Что?! Нет! Ты не посмеешь, трус! — завывло отражение. Оно не хотело умирать, как любое живое существо. Оно нашло слабого носителя, которого сломать, как думалось, было проще простого. Особенно когда это кто-то, кто получает всё и сразу. Кто был на войне, но считал её игрушкой. Кто держал оружие только для потехи толпе. А оно показало бы это-му миру, чего стоит его имя. Комната наполнялась дымом. Постепенно. Монах читал молитву, сжимая руку. Огонь поглощал плоть, сжирал одежду — как на монахе, так и на его отражении. Боль была сильной, но не теперь. Он привык терпеть. Зеркало начало трескаться. Отражение скрипело, било руками, умоляло на всех знакомых языках, пока не остановилось. В последние минуты монах смотрел в зеркало и вместо ехидного лица... Он улыбался. Он был счастлив. Впервые на серебряной глади воды он видел лишь себя.

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 1: Сгоревшие наследие

Время медленно шло к девяти вечера. Квартиру наполнял аромат жареного мяса и тушёных овощей. Лёгкая музыка из радио разлеталась по комнатам.

— В бананово-лимонном пууре, — подпевал Ёж, мешая в кастрюльке всё то, что было съестного в холодильнике. В коридоре за дверью слышались два голоса. Парень выглянул с кухни, заметив любопытные головы Мат и Пули. Глаза упёрлись в дверь. В ней медленно прокручивались ключи. Дёрнулась ручка. Тихое «Да, ёп» снова раздалось за ней, а после, наконец, кусок металла и дерева открылся. На пороге стоял Кот. Потрёпанный, небритый, шапка набекрень и уставший, как чёрт. Фалька выглянула из-за спины мужа, наклонив голову набок. Тишина повисла в комнате, пока до тройки в доме дошло, кто перед ними и что вообще происходит.

— Приехали! Ура! — закричал Ёж, подбегая к парочке, чуть не сбив Пулю и не перевернув тумбу. Кот сделал шаг в сторону, и бегущий Ёж всё же влетел в дверной косяк. Он поправил свою шапку на голове и шагнул в дом, пожимая руку Пуле и кивая Мат.

— Таки, чо вы не рады нас видеть? — начал заводиться Ёж, отчего Фалька сунула ему пирожок с ливером из корзинки, которую держала в руках.

— Рады, но не такого, — девушка усмехнулась и достала из пальто ключи от двери комнаты.

— И к тому же спина болит, — наконец выдал Кот, обняв Ёжа по-дружески. — Мы сначала тряслись в поезде, потом по улицам города. Кибитку поймать не получилось, так что поехали на лошадях от вокзала до дома, а там ещё пол-улицы перекрыто, так что через храмовый не вышло, а тут такое.

— Кто-то вроде бы сгорел в храме Небесной, — Математик поправила очки на лице, глядя за тем, как из комнаты Ёжа выходит Пупуня с пустой чашкой. Фалька посмотрела на существо, улыбнулась, но после седые брови медленно сошлись вместе, а улыбка ушла с лица. В янтарных глазах вспыхнуло непонимание, немой вопрос «Какого?», а после они впились в Ёжа, который лишь раскинул руки. Пупуня же с важным видом, переминаясь с ноги на ногу, ушёл на кухню и назад в комнату с полной чашкой непонятной жижи.

— Наш домашний кот. У тебя свой есть, а у нас нет. Вот завели почти кота. Только зубастого и на ножках, — сказал Пуля.

— Вечный, — начала Фалька уже серьезнее.

— Он, таки, знает. Там такая история, какую мой дядя Уж не рассказывал. Вообще, он не разговаривает, но тётя Выдра заставляет из него выдавать звуки, как из старого пианино,

— усмехнулся Ёж, складывая пальцы вместе и тряся руками. Фалька лишь выдохнула, уходя в комнаты за Котом.

Уже вечером, когда часы перевалили за полночь, на кухне только закипела жизнь. Окно было распахнуто настежь, чтобы можно было курить и не сбегать на улицу каждый раз, да и бабка Страж будет психовать каждый раз оттого, что бегают каждый час туда-сюда. На столе были разложены угощения из степи, включая пирожки с мясом, пара бутылок местного питья. Кот жарил мясо на плите, периодически подкидывая дрова вниз печки.

— То есть свадьбы и не было? — сказала Мат, сидя прислонившись к стене. — Вот эта вся заварушка с лесным? А почему отряд не вызвали?

— Потому он бы стёр всё с земли, а земля там живая, — сказала Фалька, поднимая кастрюлю с картошкой.

— То есть у Кота благословила ваша там Мать-Земля, и он теперь кто? — Ёж взял бутылку с вином, открывая её штопором.

— Мой муж, — спокойно сказала Фалька.

— Так это понятно, а что твоя мать дала ему? Не волшебного же пенделя? — Ёж непонимающе посмотрел на Кота. Мужчина неожиданно пропал и появился рядом с ним, опираясь одной рукой на тумбу, на которой сидел Ёж. Он взял бутылку пива и открыл её лишь пальцами, сделал глоток и снова исчез, появляясь уже рядом с плитой.

— Какой ужас, — выдал Ёж. — Ты раньше так не делал

и не делай так и сейчас, а то совсем как мой отец. Он тоже исчез раз, но тут уже не появлялся.

— Ты же говорил, что твой отец тебя учил, — сказал Пуля, сидя на подоконнике.

— Так и есть. Он так исчезал, когда в его лавку приходили кредиторы.

— В общем, погулять на свадьбе. На нашей свадьбе, — выделил Кот, — так и не получилось. Да и отдохнуть тоже. Я забыл, насколько родные края бывают, — он стал щёлкать пальцами, пытаясь подобрать слово, ставя сковороду на стол.

— В любом случае сейчас можно будет хоть немного пос... — девушка не успела договорить, как в её комнате замигал телеграф. Она с мольбой окинула взглядом кухню, кряхтя поднялась и что-то ворча под нос неразборчивое, кажется, на своём языке.

— Таки, у нас криминал? Таки, по коням? — Ёж вскинул брови. Фалька вернулась в комнату, держа в руках своё пальто. Она взяла бутылку из рук Ёжа, вытащила штопор движением руки, выпила половину залпом, поставила её на тумбу и вышла из квартиры. В комнате повисла напряжённая тишина.

Фонари, вздетые на столбы, освещали храмовый парк. Лёгкое спокойствие витало в воздухе, смешиваясь с запахом пепла. Вечный смотрел на полностью сожжённую комнату, перед которой стояла фигура человека со сложенными в молитве руками. Вечный стоял перед ней на корточках, глядя

на зеркало и соль на полу. Фалька зашла в комнату, надевая перчатки.

— Генерал, — она кивнула мужчине, который медленно поднимался.

— Рад видеть тебя, Фальката. Прости, что вызвал, но сам не в восторге от этого. Пожар удалось потушить час назад.

— Во сколько он начался? — девушка достала пачку сигарет, вставляя одну и закуривая от пальцев Вечного, который вызвал лёгкое пламя, просто щёлкнув ими.

— В четыре часа, — он сложил руки под плащом.

— Дня?

— Да. Сначала показалось, что это обычный огонь, а он оказался магическим. Что-то в комнате вызвало взрыв, наполнив пламя магией.

— Пары. Соль магическая. При горении она выпускает особый сладкий аром, а эти пары поднимаются и делают огонь опаснее. А тут не много и аромат прям яркий, — девушка села на корточки, проводя рукой по кругу и поднося пальцы к носу. — Во время моего отъезда такое было? Тут что-то ещё примешано. Все похоже на ритуальное убийство. Круг, пустая комната, зеркало. Пусть зеркало доставят в кабинет, его завтра должен будет изучить Ёж. Известно, кто это?

— Отрекшийся от имени. Я не понимаю, что сподвигло его на такое. Обычно они живут как тени, и это довольно странно.

Фалька выпустила дым через нос, выдыхая его. Он неожиданно окутал комнату, рисуя образ парня. Девушка наклонила голову набок, рассматривая ситуацию. Медовые глаза сверкали в темноте.

— Возможно, ответ — зеркало. Если в нём кто-то был, — сказала девушка, глядя за тем, как дым рисует очертания фигуры. — У меня есть предположение.

— Господа инквизиторы! — раздался крик женщины, которая бежала по коридору, держа документы. — Я нашла, чья это была комната! — сказала она, повисая на руках стражи, преграждавшей путь. Вечный медленно подошёл к женщине и взял документы.

— Как вас зовут? — холодно спросил он.

— Шапка! Сестра Шапка, — произнесла она на выдохе, поправляя подол платья и апостольник. — Мы ведём записи всех, кто отказался от имени, чтобы хранить было легче и...

Вечный поднял палец в воздух, прося тишины. Она окутала комнату и окружение вокруг. Фалька, рассматривая молодого человека, заметила на его руке царский перстень.

— Тебя тут столица со свадьбой поздравляет, — сказал Вечный, повернувшись на пятках. Фалька подняла взгляд, глядя на мужчину через плечо. Он держал листок с фотографией парня до смерти и подписью: «Фетур Аюр — наследник престола. Особое отношение». Фалька тяжело выдохнула, затушив окурки сигареты о каблук. На улице поднялся лёгкий ветер, разнося опавшую листву по дворику. Вечный

опустил руку, глядя на небо. Луна на небе горела ярким диском, накрывая город, который прикрыл глаза лишь на пару часов.

Фалька сняла перчатки и провела руками по лицу, глядя на колокольню острова. В голове роились мысли от «Хочу повеситься» до "Спрятаться хоть где-нибудь».

— Что думаешь? — Вечный протянул небольшую чашку с горячим пряным вином.

— Что мы в полном... — девушка осеклась, подбирая слова, — ужасе?

— Дерьме, — сказал Вечный, садясь на лавку — Если это всё связано с наследным принцем, то это уже дошло до её величества.

— Я одного понять не могу. Почему он отказался от имени? Что его сподвигло?

— Или кто? — мужчина постучал пальцами по лавке, на которую сел. Он опёрся руками на колени. — Вы когда приехали?

— Часов в девять вечера. Только собрались ужинать, как упала «срочка», — Фалька села на лавку снова, закидывая ногу на ногу.

— Завтра тогда отоспись и приходи. В любом случае, — он поднялся, — мы на пороге страшных событий.

Фалька слегка скривилась. Одно страшное событие сменилось вторым. А так хотелось слегка отдохнуть и вытянуться на кровати. Хотя бы на чуточку. Ветер трепал седые во-

лосы. Голова начала слегка побаливать от усталости.

— Зараза, — сказала она на слова Вечного, правда, мужчины уже рядом не было. Он медленно шёл в отдалении среди деревьев, погружённый в свои мысли. Девушка смотрит на огромные часы, за которыми медленно начинает вставать солнце.

Цикл 2: Желание размером с тувфельку. Часть 2: Вечное кофе для спокойвия

Ах, Столица. Как она прекрасна в конце лета — начале осени. Крыши домов покрыты лёгкой дымкой. Деревья всё ещё стоят зелёные. Острова парят над головами, окутанные лёгкой дымкой. Улицы кипят от жизни.

— Внимание! Внимание! — кричал глашатай. — В храмовом дворце было совершено зверское убийство! Если хотите узнать, кто погиб, покупайте за один тугрик! Один тугрик за весь выпуск «Столичной правды»!

Паренёк размахивал газетой из стороны в сторону. Вечный кинул ему монету, забрал газету и сунул её под мышку, идя дальше по улице.

На улочках было людно. Даже слишком. Народ суетился, бегал от двери магазина к другой двери. Шла подготовка к местному Дню Девяти. Праздник, который объединяет все верования и расы. Одна из главных и масштабных недель в Столице, да и вообще по всему Междомирю, в принципе. На столбы вешали флаги и украшения, лавчонки соревновались, кто лучше украсит витрины. Дети пели песенки, прославляющие её величество, собирая монетки, которые потом тратили на сладости. Отовсюду доносился запах выпечки, го-

рячего вина со специями, огнигрога и обычного кофе. Вечный любил кофе, но в одном и том же месте, куда ходил уже на протяжении десяти лет.

— Даруй же мир, прощённый, Дева нам даруй! Мы оставили зло, ликуй, народ, ликуй! — пели дети у входа в заведение, что заставило Вечного остановиться. Он улыбнулся под детский хор, засунул руку в карман и достав пару монет, кинул их в железную кружку мальчишки, заходя в кофейню. Тепло окутало лицо и руки, а нос почувствовал любимый аромат.

— Оооо, Вечный! — за стойкой улыбался старик с острыми ушами и длинной густой бородой. Из его нижней челюсти торчало два огромных зуба-рога.

— Рад тебя видеть, Котел, — Вечный протянул руку мужчине, которую тот с радостью пожа

— Мне как обычно.

— Я уже понял, — старик усмехнулся, поднявшись со стула. Вечный открыл газету, ожидая свой напиток.

Особый кофе Вечного готовился несложно, но требовал концентрации, которую Котел постиг за все свои пятьдесят с чем-то лет топтания земли. Он брал зерно жменькой из мешочка, нюхал его, клал в небольшую ступку. Давил, перемешивал, что-то шептал, пока медленными круговыми движениями растирал зерно в мелкую пыль.

— Будет чуть крепче, ничего? Как там твоя дочь? — спросил он, кладя несколько огненных камней на плитку и вклю-

чая газ. Они начали нагреваться, превращаясь в пар, оседая на стенках каплями воды в колбе, куда Котел засыпал кофейную пыль.

— Нет. Ничего, — спокойно сказал Вечный, не отрывая глаз от газеты. Происшествие в храмовом дворце не оставляло покоя, особенно если учесть, что погибший — член королевской семьи.

— Так что там с дочкой? — усмехнулся остроухий, повернувшись к гостю за стойкой.

— А? Нормально. Вот вышла замуж. Вчера вернулась, — он отложил газету, глядя за тем, как ушастый одним движением руки ловко переливает содержимое колбы в кофейник, добавляя специи и немного молока. Котел поставил большую чашку и налил напиток, сверху натирая немного корицы и разных трав.

— Твой байра'кудар, — сказал он, расплываясь в улыбке, отчего его клыки казались ещё больше. — Выросла, небось, уже девка. Помню как маленькой. Кучерявой такой. Все с твоим кортиком бегала.

— Очень. Совсем не та девочка, которую я нашёл среди поля, — сказал Вечный, делая глоток. Сладость специй вперемишку с горечью окутала язык. Он закрыл глаза всего на секунду, чувствуя, как терпкий напиток расходится по горлу и оседает теплом в теле.

— Ты читал новости? Может, что-то слышно среди твоих?

— В серых районах тихо, — сказал Котел, приглажи-

вая бороду. — Хотя у богачей какая-то развлекаловка появилась. Они всё суются в бедные районы и спрашивают какого-то Мастера желаний. Правда, нарываются только на «Крысюков» и всё. Те обдолбаются льдом и маком, выбегают на улицу и.

— погоди. Богачи ходят на нижние этажи? Ты не знаешь, что они ищут? - Перебивает Вечный, прокручивая в чашке напиток.

— Мастера желаний. У него лавка постоянно передвигается. По слухам, он даёт им заветное желание, а забирает самую ценную вещь.

Вечный снова сделал глоток кофе, глядя на газету. Текст пестрел заголовками о происшествии в дворике, пытаясь перекричать друг друга. Мужчина допил кофе и положил купюры на стол.

— Вот. Десять градских, — сказал он. — Сдачу оставь себе, — мужчина поднялся и, кивнув на прощание, вышел из кофейни, впустив лёгкий сквозняк. Котел лишь хмыкнул, глядя на чашку. Он взял её и перевернул дном вверх на блюдце, глядя на оставшуюся гушу. Посмотрев на рисунок, остроухий лишь хмыкнул, слегка прищурившись. Гуша вырисовывала очертания цветка, пробитого мечом.

Вечный шёл по тёмным коридорам, держа в руках лампу, освещающая себе лицо. В большой комнате на столе, освещённом одной лампой, лежало зеркало. На стекле были трещины и осела сажа.

— Было бы славно, если бы можно было осмотреть тело, — Фалька снимала перчатки с рук. Еж стоял перед ней, рассматривая зеркало через монокль. Он был серьёзен. Даже слишком. Мужчина выпрямился, снял монокль с глаза, а после белой перчаткой стал проводить по краям зеркала. За работой он молчал.

— Даже факт отсутствия тела, так, многое нам говорит, — сказал парень, дёрнув крыльями носа. Фалька подошла ближе к зеркалу, почувствовав тот самый сладкий аромат, который был в комнате.

— Чувствуешь? — девушка посмотрела на Ежа.

— У меня, таки, не собачий нос, шеф, как у вас, — усмехнулся он, но улыбка быстро сошла с лица, стоило пальцам нащупать нечто между рёбер рамы зеркала. Глаза Ежа расширились, отчего мужчина словно вытянулся. Вечный зашёл в комнату, поставил фонарь, освещая большие шкафы с книгами и папками.

— Есть продвижения? — он вскинул бровь, глядя на Ежа и Фалькату. Оба промолчали, наблюдая за тем, как пальцы первого аккуратно выковыривали небольшую пластинку из рамы. На кусочке железа были царапины: цифры «77, 54» и два слова: «Судостроительный квартал».

— Что это, таки, значит? — Еж вскинул брови.

— То, что там может быть ответ, — сказала Фалька, беря табличку в руки, глядя на надпись.

Квартал так же гудел от людей, хотя был уже поздний ве-

чер. Большой дом, похожий на воздушный корабль, парил в воздухе, медленно провисая вниз и снова поднимаясь вверх, словно плыл по небольшим волнам. Улицы по обе стороны освещались фонарями, похожими на мачты кораблей. Раньше тут был воздушный порт, но люди быстро передали его в ещё один жилой квартал. Фалька шла по улицам вместе с Пулей. Дом тридцать пять, следом дом номер восемьдесят. Странная нумерация, но всё же в ней была своя система. Дома семьдесят семь и пятьдесят четыре стояли рядышком, только вот между ними ничего не было. Просто невысокий забор, ведущий на общий дворик домов.

— Странно, — Пуля подошёл к стене и зацепился руками, приподнявшись. — Просто двор.

— погоди, — Фалька провела руками по стене. По ней шли маленькие линии, словно в этом заборе когда-то было окно и его быстро заложили кирпичом. Он отличался слегка по форме и цвету.

— Если бы это была иллюзия, я бы почувствовал, — спокойно сказал Пуля.

— Я знаю, — Фалька нахмурилась. Янтарные глаза медленно пробежали по стене ещё раз, сканируя её. — Это похоже на торговый портал.

— На тот, что используют на чёрном рынке? Разве он действует вне его пределов?

— Видимо, да, — Фалька выпрямилась. — Лавку так не отследить. Видимо, он помечает, где пробовал товары, — де-

вушка нахмурилась, глядя на землю, на которой были видны капли крови. Она медленно провела пальцами по земле, поднося их к лицу. Сладкий аромат ударил в нос.

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 3: Я хочу что бы обо мне говорила вся Столица!

В доме играла музыка, бегали слуги. Всё крутилось вокруг двух парней — юных графов. Горячая кровь требовала вина, мяса и женщин, и ничего более. Золотой столице было скучно. Пиршества не забавляли, дорогие яства всех кухонь вызывали зевоту, а женщины... Женщин было мало, и все они были доступны, а те, которые не сразу давались, всё же ломались под натиском и надоедали через пару дней. Смех, крики, взрывы шампанского, стук бокалов и прочие звуки «веселья» доносились из позолоченной двери.

— Вот прям любое? — Скиосо вскинул бровь, глядя на Рикко, отрывая бутылку дорогого пойла.

— Да, прям любое, — сказал парень, затягиваясь сладостью кальяна. — Слышал, что Ингенуя нашла его по звуку молоточка для обуви. Вот теперь выходит замуж за сына советника Её Величества, — развалился в кресле мужчина, глядя на служанку, которая принесла ещё два бокала, расплываясь в дикой и пошлой улыбке.

— А чего тебе не хватает? — заулыбался Скиосо, выстреливая пробкой и попадая в лоб слуге, что вызвало смех у обоих. — Времени? Денег? Может, девок?

— Да вот хочу я заполучить кое-что, — сказал он, подставляя под струю вина свой бокал. — Давай поищем! — глаза сверкнули азартом. Он повернулся, глядя на Скиосо.

— Рикко. Ты уверен?

— Да. Да, давай. Ничего не будет. Или ты испугался?

— Я не испугался! — крикнул парень, поднявшись и поправив рубашку. — Ладно! Ладно!

Рикко улыбнулся, выпив бокал залпом.

Время медленно шагало к полуночи. Улицы Серых районов почти погружались в тишину. Где-то ещё дорабатывал трактир, где-то был нужник для обычных выпивох, а где-то своё окошко открывал маленький магазинчик. Среди богачей говорили, что если найти этот магазинчик, то можно загадать любое желание у его торговца. И вот два богача с бутылкой своего пойла смеялись во всю свою аристократическую глотку. Улицы, окутанные тишиной и полумраком, наполнились противным гоготом, зачастую даже не к месту. Правда, продолжался он недолго. Цель оказалась перед глазами. Обычная обувная лавка, где был только огромный прилавок, вбитый в стену, и много разного хлама. Зеркала, ботинки, мечи, куклы, дорогие платья, камни, ремни, шкуры, вино, бутылки с пылью фей и кажется самими маленькими феями, разные приبلуды для алхимии и химии и даже рога драконилов, которые живут где-то в степи (а может, и давно вымерли).

Рикко остановился возле лавки, глядя на мужчину, кото-

рый набивал каблук на кожаный сапог. Он поставил бутылку вина, окинув содержимое взглядом, а после хмыкнул, слегка прищурившись.

— Что у вас тут? Зачем сапожнику столько мусора? — спросил Скиосо, опираясь руками на прилавок. Мужчина не отвечал.

— Люди сами сдают мне хлам, — голос почти бархатный, даже убаюкивающий, оплетал уши молодых господ. — Конечно же, в обмен на что-то. Никто не готов отдать что-то ценное просто так.

— А что отдаёте? — Рикко усмехнулся.

— За желание. Я всегда их исполняю, — мужчина оторвался от своего сапога и повернулся к парням.

— Тогда исполни наши, — сказал Скиосо с лёгкой ухмылкой, отпивая из бутылки, проливая половину на себя и на стойку.

— А что вы хотите?

— Девок! — закричал Скиосо, раскидывая руки. — Хочу, чтобы они прям разрывали меня от своего внимания!

— А что готов отдать? — мужчина вытер разлитое пойло со стойки, наблюдая за тем, как Скиосо снимает с себя кольца и кладёт их на стойку. Мужчина протянул ему небольшую бутылку с надписью «Выпей меня». На губах лавочника появилась зловещая холодная улыбка, которой улыбаются те, кто опускался в серость или бездну. Бутылёк в мгновение стал пустым.

— А вы, молодой человек, чего желаете?

— Хочу, чтобы вся столица говорила обо мне, — Рикко усмехнулся и протянул мужчине руку. — И вы сами можете выбрать, что я отдам вам.

Мужчина усмехнулся и хлопнул над головой Рикко, отчего внутри у него что-то щёлкнуло. Сильный звон в ушах разрезал голову, вызвав сильную головную боль.

Крысы. Крысы время от времени несут огромную опасность среди людей. Они переносят чуму, болезни, пожирают запасы. В Столице крысы другие. В Столице крысы — люди.

— Может, у него что-то в карманах есть, — шептал человек, сидя на корточках. — Что можно продать и получить ле-ле-ле... — тянул один из Крыс, держа в руках-лапах побрякушки с тела мёртвого Скиосо.

— Тут, тут, тут... — шептала вторая. — Ходит кто-то из этих. Чуешь? Чууу... Холод!

В квартале сверкнула пара янтарных глаз, смотря точно на двух крыс. Их обладатель шёл медленно, держа в руках ятаган. Он знал, что искал, и нашёл это и не хотел отпускать. Глаза впились в двух грызунов, вызывая страх в их вредительских сердечках. Они чувствовали запах земли и крови, видели, как фигура приближается медленно. Вот на свет вышла седая голова. Вот пальто с вышитой цифрой тринадцать на воротнике. Они медленно поднялись, начиная делать шаги назад. Медленно, пока не наткнулись на большую фигуру, которая смотрела на них сверху вниз. Кот усмехнулся.

— Бу, — выдал он, отчего Крысы запищали и побежали со всех ног куда подальше. Фалька вышла на свет. Девушка села над телом парня, надев перчатку и закрыв ему глаза.

— Чёрт, — сказала она, глядя на стену, где были лишь очертания лавки, совсем как на Судостроительной. — Баронесса сказала, что их было двое. Где второй?

Вокруг загорелся свет. Стража стала заниматься работой, чтобы запаковать искажённый труп бедного аристократа.

— И что мы имеем? — Вечный смотрел на Мат, которая снимала перчатки и мыла руки. Фалька сидела на тумбочке, глядя то на Вечного, то на Мат, то на Кота, который жевал свою сигару в размышлениях.

— Одежда разорвана, множественные раны от ногтей, а дыхательные пути словно залиты духами. Очень противный аромат, но так же внутри есть кристаллы... Пахнут.

— Сладко, — сказала Фалька, сдерживая тошноту. — Соль. Магическая. Такая же, как в храме. Такая же, как на Судостроительной.

Только вот там её носителя нет.

— Это могут быть разные люди, — Вечный постучал пальцами по тумбочке.

— Да, только этого как будто бы задушили пять человек с маленькими руками, или одна, но которая никак не могла остановиться, — Математик показала на Скиосо. — Если учесть все цифры, то это либо дети, что отпадает, ибо дети бы не дотянулись до его шеи. Крысы не убивают, они ранят

и грабят, а вот... Возможно, это были женщины. Но зачем пяти женщинам убивать богатого аристократа?

Фалька закусил губу, убирая волосы с лица. Она подошла ближе к столу, рассматривая лицо мёртвого. Оно словно было в моменте эйфории, но никак не ужаса.

— Его убили, пока он чем-то наслаждался, — девушка нахмурилась. — Но если мы берём теорию с пятью женщинами...

— Это была месть за «помотросил и бросил», — спокойно сказал Кот, слегка прищурившись. — Сейчас у подобных есть игра. Они заставляют девушку из «обычных» поверить в любовь принца, зовут её на бал, а там игнорируют, высмеивают и так далее, а в конце ещё и издеваются, отдавая на съедение кучеру или кому угодно, кто не против позабавиться с девицей в пьяном угаре. Вот кто-то и решил отомстить своему обидчику.

В комнату влетел Пуля. Волосы встрепаны, одежда тоже. В глазах полное непонимание, происходящего и то, что нужно было делать. Он оглядывает всех и тараторит:

— Там у нас! У нас на пороге! Идите посмотрите!

На главной площади перед зданием инквизиции гудела толпа. На стуле перед ней сидел Рикко. Одежда была в крови, лицо и тело изуродованы, словно его пожевал зверь, а в руках он держал своё сердце в небольшой туфельке. Фалька вышла вперёд вместе с Вечным, глядя на парня, который начал расплываться в кривой улыбке. Девушка наклонилась

к нему, внимательно глядя в пустые стеклянные глаза мужчины.

— Я... хочу... чтобы... обо мне... говорила... вся... столица,
— раздалось из открытого рта, словно кто-то включил киноплёнку. Фалька повернулась к Вечному. Он жестом отдал команду страже, чтобы те разогнали толпу..

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 4: Допрос без пристрастия

Улицы наполнились страхом. Знамёна были приспущены, а всё золото стало серым. На празднике не было парадов, не было детей с шариками, не пробовали яблоко в карамели и пряное вино. Город окутал страх. Люди боялись, что смерть постучится и в их дом. Люди боялись. Страх вообще вещь массовая, и все ждали, что могут вспыхнуть бунты или того хуже — во всём начнут обвинять Её Величество, что ужаснее обычного людского страха. Сама Императрица не знает, что происходит. Она сильно опечалена потерей сына. Родители не должны хоронить детей, даже тех, кто сбежал в монастырь от своей ошибки. Боль матери — самая опасная боль. Первый же закон требовал принести голову убийцы ей на стол, правда, убийцу никто найти так и не смог. Город погрузился в кошмар, где одни боялись быть убитыми, другие пытались найти убийцу, верша самосуд над теми, кто был причастен. Стража и инквизиция пытались остановиться, но народ — цунами, который деревянный забор не удержит.

На кухнях всё чаще начала раскачиваться лодка: «Зачем нам инквизиция, если они ничего не могут сделать?» На обычных кухнях. Сливки общества же решили играть в иг-

ры. Они решили, что их может пронести с желанием и что оно станет таким, каким они его видят. Игра, которая стоила жизни многим.

Уже как неделю не было результатов. Уже как неделю Вечного трясли и требовали ответы. Хоть какие-то.

— Больше двадцати человек! — орал Первый Инквизитор. — Больше двадцати, Третий! — слюна вылетала из его рта при каждой произнесённой цифре. — Ты хоть понимаешь, что это значит?! Ты хочешь знать, что это значит?! Её Величество трясёт с меня доказательства! Она требует получить ответы и самый главный — кто убил её сына!

Вечный молчал. Тут говорить было нечего. Внутри всё переворачивалось, ибо огласка запустила огромный ком страха у одних и ещё больший интерес у других. Запретное яблоко сладкое, но вот после меда всегда идёт горечь — чем ближе к центру. Это яблоко было заморожено после того, как начинало гнить, и наполнено мёдом, чтобы скрыть свой смрад. Аристократы были отбитые, но сделать что-то с ними возможности почти не было. Сливки общества, на то и сливки. Свои законы, свои правила и своя стража, периодически зависающая в барах и закрывающая глаза на ужасы, которыми занимались молодые люди.

Фалька держала в руках золотое яблоко, глядя на заколотого мужчину в кровати, обсыпанного сладкой солью. Зацепок нет. Нет ничего, что могло бы дать хоть один ответ. Та же соль, тот же запах, то же отсутствие улик. Хотя сейчас

что-то было странным. Жертва была жива и даже с целыми конечностями. Убитый был тем, кто не загадывал желание, но убийца — один из игроков, причём первого пула. Девушка хотела удачно выйти замуж, только вот любимый оказался тираном и ещё той последней тварью. Девушка ревела без умолку, сидя в допросной уже третий час. Руки её были в крови и соли, как и яблоко, которое держала Фалька в перчатках.

— Так где он находится? — снова спросила девушка.

— Ка... Каждый раз по-по-по-разному! — проревела мадам, снова заливаясь истерикой. Выудить из неё ничего не получалось. Фалька молча поставила яблоко на стол. Закурила. Думала. Медово-янтарные глаза не отрывались от девушки напротив. Комната наполнялась запахом табака и трав, он становился терпким, но нос всё равно слегка пощипывало. Медовость глаз агнца впивалась в волчонка в шкуре овцы. Комната менялась. Вокруг образовался туман и, казалось, начинали квакать лягушки. Под ногами прорастала трава среди досок, оплетая ноги и руки. Фалька сидела спокойно, держа всё ту же сигарету. Она подняла глаза на потолок, на котором очертаниями вырисовались лики овцы, волка и женщины.

— Я не люблю так делать, но у меня нет выбора, — девушка говорила прямо. — Можешь кивать. Говорить «да» или «нет», но ответ должен быть. Почему ты убила своего мужа?

— Потому что я хотела денег, а он мне помешал. Он бил

меня. Тянул в кровать. Я хотела жить на широкую ногу! — холодно и без эмоций сказала мадам.

— Что за соль на руках и теле твоего убитого?

— Не знаю.

— Что за яблоко?

— Желание.

— Что за желание?

— Стать богатой вдовой в браке. Хотела выйти за богача, что у меня все было.

— Кто дал?

— Туфельник... Он ходит по городу со своей лавкой. Цена всегда высокая.

— Что ты отдала за это яблоко?

Девушка подняла глаза на Фальку. Комната снова стала комнатой. Чёрные стены, стол потёртый и старый, руки в наручниках, окно, через которое едва-едва пробивался свет, и пара глаз, которые только что залезли ей в душу, выудив всё самое страшное. Мадам могла не отвечать. Фалька узнала всё, что хотела. Души человеческие легко читаются, особенно те, что погрязли в грязи.

— Таки, выходит, что где-то там есть какой-то Туфельник, который исполняет желания? И чо, собственно, люди ему отдают? — Еж сидел на тумбочке, болтая ногами и поедая печенье.

— Один — сердце, которая счастье. Разменная монета, где есть подвох. Нужно знать, что просить и что загадывать.

Хотя, если попросить денег, он может быть, но нужно отдавать всё по цене. Вот наша мадам отдала жизнь своего брата в обмен на свой брак. Он продлился дольше, чем прожили наши товарищи, — девушка сидела в кресле, накинув на лицо полотенце. Не хотелось смотреть на мир и на общую комнату в их квартире. Вообще ни на что не хотелось смотреть.

— Какие больные люди, — Еж хмыкнул. — Нет, правда. Знать, что желание с подвохом, но заказывать их! Безумие!

— Загадывать, Еж, — Фалька вытянула ноги, усмехнувшись от оговорки парня — А что, если нам попытаться его найти?

— Что ты задумала? — подал голос Кот с дивана, глядя на девушку. Он спал. Или делал вид, что спал.

Фалька выпрямилась, садясь поудобнее, чтобы рассказать весь свой план. Он был прост и логичен и в меру опасен, но мог положить конец всем ужасам и мучениям, которые происходили в Столице. Конечно, элита найдёт себе ещё одно убойное развлечение в виде дуэлей или ещё чего-либо, но тут хотя бы других горожан не будет охватывать страх.

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 5: Скрыченное прошлое, желанное настоящие

А потом была пустота. Медленная. Тягучая. Самое страшное, что она была в тишине. Пустота, которая не открывает двери. Пустота, которая топит, как котёнка. Держит за горло, не давая ни вдоха. Ни луча солнца. Ни кусочка или крупицы надежды. Не важно, насколько ты богат или беден, если внутри пусто, ничего не помогает. Серость поглощает с головой, только вот у одних она течёт по венам, а у других обращается опухолью в голове. Серость и пустота идут рядом. Шагают маршем по мостовой. Ровно. Шаг. Шаг. Левой! Левой! Левой! Пустота. Она томит душу, разрывает на части сердце. Плохо, когда в ней ты один. Ужасно, когда рядом есть человек, но ты не можешь ему сказать, что происходит внутри. Как просыпаешься от кошмаров, как боишься стать отражением существа, которое чувствует только голод по человеческому. Когда ты лишь очертания человека. Волк в овечьей шкуре. Как долго получится скрывать эту пустоту? В ушах до сих пор трещит голос ужаса, с которым пришлось столкнуться. Внутри до сих пор мелким отзвуком: «Отдай свои глаза, сестра!» — и холод, который пробивает даже в самых жарких объятиях.

Фалька стояла среди улиц серого квартала. В руке была бутылка вина, пустая наполовину. Алкоголь слишком сильно бил по голове, отчего хотелось курить и ещё сильнее хотелось жрать. Не в том плане, что поглощать еду, а пожирать души. Среди темноты и редких фонарей раздался громкий треск, а после — вскрик. Фонари превратились в подобие деревьев, а на конце стоял он... Скрюченный Господин. Хозяин «Рыжего леса». Жёлтый глаз смотрел ровно на девушку, которая опиралась рукой на стену.

— Тыыыы, — тянул он слова, раскрывая свой огромный рот и оголяя жёлтые зубы. — Тыыыы равна мне! Тебя ведёт голод.

Девушка молчит. Она выпрямляется и делает большой глоток из бутылки, ставя её на подоконник дома — Никогда мне не стать такой же, как ты, брат!

— Ты называешь меня братом, агнец. Я такой же венец творения матери, как и ты! Она бросит тебя, когда сделает кого-то лучше. Я был до тебя. Двенадцать детей земли. Ты стала тринадцатой, — он стоял уже вплотную, глядя своим одним глазом в янтарность глаз напротив. Чёрные слюни капали на лицо Фальке, оставляя следы на одежде. Неожиданно где-то в темноте раздался звук молотка. Кто-то делал набойки на сапог. Сладкий аромат ударил в нос, отчего иллюзия отпустила. Фалька сделала шаг и почти упала на стойку, сталкиваясь лицом к лицу с пожилым мужчиной.

— Добрый вечер, мадам, — голубые глаза смотрели на

девушку, которая поднялась по стойке. — Вас споили? Вы в порядке? Вы говорили сами с собой, а это не есть признак хорошего рассудка.

— Призраки прошлого. Почему вы работаете в такой час? — сказала Фалька, пытаясь удержаться на ногах. Всё же вина было выпито много, и эта бутылка была не единственной.

— Так, дорогая моя, тут ходит разный люд, — мужчина открыл стойку и провёл девушку в помещение, закрывая стойку и беря камень с одного угла, отчего лавка в стене сворачивалась. Теперь вместо окна там была просто стена. Ничего больше. Кирпич. Гладкий. Рыжий.

Комната была уютной, правда, на мастерскую по ремонту обуви она не была похожа. Скорее как место, куда люди тащили своё барахло. Пьяный мозг не мог оценить комнату по достоинству, но вот мягкость кресла, в которое усадили Фальку, была полной.

— Обычно так пьют от горя, — сказал старик, поворачиваясь к Фальке.

— От горя? С чего это? — девушка пыталась сфокусировать взгляд, но предметы плыли в глазах.

— Я разбираюсь в горе человеческом. Я вижу, когда один пьёт, чтобы забыть, второй — потому что пусто, третий — потому что жалкая пародия на человека, — мужчина протянул гостье небольшую чашку. Глоток горячего напитка немного привёл в порядок ум, но тело всё равно не хотело слушаться. Приятная мягкость кресла убаюкивала.

— Меня, возможно, ищет муж. Мы случайно с ним разбежались. Мне нужно...

— О, нет, дорогуша. Вы не в состоянии. Я думаю, если он вам доверяет, то поймёт, что вы в порядке. К тому же я по рукам вижу, что постоять за себя можете, да и глаза ваши не врут.

Фалька невольно посмотрела на руки. Кисти в ожогах от магического оружия, в ранах от лезвий и прочих порезов. Каждый шрам, каждая рана приносили пустоту в сердце. Наполняли вены той самой серостью, в которой она плыла, не осознавая этого. В ушах снова раздалось хрипение Скрюченного. Девушка заметила, как чёрная слюна капает ей на руки. Он снова стоял за её спиной, кладя руки на плечи. Он — призрак прошлого. Её отражение. Убив его, она могла бы встать на его место, но не стала. Голод только нарастал сильнее. Боль щемила сердце.

— Вы всё же опечалены, — сказал мужчина. — Давайте я помогу вам. Видите ли, я исполняю желания и могу дать вам то, что вы хотите. Взамен вы должны отдать мне одну вещь.

Фальку пробило понимание. Она посмотрела на мужчину перед собой. Янтарь глаз перестал быть мутным. Взгляд устоялся точно на сапожника, который копался в кармане и доставал мешочек со сладко пахнущей солью, растирая её в руках.

— Только одна вещь и одно желание, — он вытянул руку в ожидании. Фалька посмотрела на чашку, допивая остатки

травяного напитка. Ясность пробивала разум. Задержать бы его сразу, схватить да притащить в инквизицию за всё. Только вот за что? За то, что люди сами загадывали желания и получали то, что хотели? Они сами были виноваты в своих смертях. Сами были виноваты в том, что магия их не поняла. Фалька рассматривала узор на чашке. Она выдохнула и положила чашку в ладонь.

— Я сама исполняю свои желания, — сказала она, вызывая на устах мужчины лишь улыбку.

— Простите, но меня ждёт муж.

— Вам неужели не нужно богатство? Счастье? Разве вы не хотите стать... — он поймал лёгкую паузу, — человеком? — мужчина сел на табуретку, держа чашку лишь пальцами. Фалька посмотрела на себя через зеркало. Алкоголь отступил, и серость можно было держать в узде. В медовых глазах сверкнула искра старого желания, которое быстро угасла. Она — тот, кто она есть. Она — та, кого сделала земля. Она — Фальката. Лезвие матери. Оружие города.

— Когда-то да, но сейчас... Есть в этом смысл?

— То есть вас устраивает факт, что вы нелюдь? Вы не можете чувствовать в полной мере, у вас нет полноценного сердца. Это же не здорово — быть и живым, и мёртвым одновременно. Вас мучает отражение чего-то тёмного и пугающего, так почему бы не избавиться от этого, скажем, за кольцо на пальце?

— а вы человек?

— Возможно. Меня считают человеком. Ну, так что? Сделка?

Фалька посмотрела на обручальное кольцо, которое получила в Рыжем лесу. Кольцо как символ настоящих чувств.

— Я в полной мере счастлива. Я та, кто я есть, — спокойно сказала Фалька, складывая пазл в голове и понимая, что перед ней Джинн, который питается неправильными желаниями людей. Он их исполняет, как они просят. Просто трактовать свои желания нужно яснее. Девушка посмотрела на обувь.

— У меня каблук отклеивается. Как я вижу, у вас ремонт обуви. Сможете починить? Ещё нужна железная набойка, — девушка указала на пару своих армейских сапог, которые жили на чудном слове.

— Ох, да, приносите их завтра утром на рынок. Я буду ждать вас между временем зерна и солнцепёком, — сказал мужчина, улыбнувшись, проведя рукой по стене и открыв скрытую дверь. — Там будет моя скромная лавочка. И да, госпожа Фальката, — сказал он, улыбаясь.

— Я не называла своего имени, — девушка прищурилась.

— Нет, но я узнал вас по глазам и рукам. Агнца по рукам отличить можно, по глазам узнать — так ведь? Дам вам совет, если у вас нет желаний. Так, по-дружески. Не бойтесь столкнуться с пустотой внутри. Голод — это не проблема.

Он улыбнулся и дунул сладкой солью в лицо Фальки, отчего девушка закашлялась. Она открыла глаза уже в комна-

те. Голова трещала и болела. Нос учуял знакомый аромат. Кот лежал рядом, прижимая девушку к себе.

— Я нашёл тебя в поле. На тебе была та соль, которая сладко пахнет. Я испугался.

— Я не загадывала желание, зато знаю где его найти повторно. Мне правда нечего желать. У меня уже все есть — сказала девушка, улыбнувшись, снова проваливаясь в слегка болезненный сон. Часы тихо тикали на стене, давая маленькие крупы спокойствия.

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 6: Легка пауза на мысли

Солнце пробивалось через желтоватое стекло, заставляя Фальку сильно жмуриться. Девушка отвернулась от солнца, прячась в подушках. Ухо ловило звук тарелок с кухни. В нос бил аромат блинов и терпкого кофе из турки.

Головная боль пробивала виски стрелой, стоило телу начать двигаться, чтобы спрятаться от всего под одеялом, просто чтобы вздремнуть ещё пару минут в прохладе утра. За дверью раздавались шаги, какие-то разговоры между другими домочадцами. Вставать не хотелось от слова совсем, да и внутри всё ещё переваривалась вчерашняя встреча с Джинном. Фалька легла на спину, глядя на потолок, покрытый жёлтыми пятнами. Сквозняк приятно пробежался по лицу, путался в пушистых волосах, вгоняя в лёгкую дрему, которая снова наступала, стоило только закрыть глаза. Ухо улавливало, как приоткрывается дверь.

— Таки, вы думаете, она знает, что сегодня у нас выходной? — шептался голос Ежа.

— Тихо ты! Пусть спит... Кот вернётся — трындюлей тебе таких вставит, что ты разбудил, — шептал Пуля, а затем раздался щелчок двери. Снова закрыли. Видимо, Мат закрыла

дверь, дав по любопытным жопам этим двоим. Дрёма снова накрыла с головой. Подушка стала чертовски мягкой. Выходной. У неё правда сегодня выходной? Зачем? Неужели это тот день, когда можно до победного валяться в кровати и не вставать? Все мысли превратились в кашу, как только на подоконнике тихо заскрежетало радио, снова вгоняя в сон.

Кот вышел на небольшой балкон, который был у них в комнате. Фалька сидела в кресле-качалке, держа в руке сигарету, отвернувшись, и, казалось, наслаждалась солнцем.

— Я думал, ты сорвёшься на работу, — он усмехнулся, садясь на край подоконника, тоже закуривая.

— Я? Меня уже остановили. Вернее, когда я зашла на кухню, первое, что мне заявил Еж, — что на работу не нужно и дверь перегорожена по твоей просьбе.

— По моей? Я просто попросил его, если что, напомнить тебе про выходной. Один выходной, который у нас у всех есть, — Кот выпустил дым, глядя на Фальку, которая делала глоток из чашки. — А ещё я вижу, что тебе что-то не даёт покоя.

— Да. Я нашла убийцу. Ну, как...

— Нашла? И почему не остановила? — Кот говорил спокойно, словно ничего такого и не случилось.

— Потому что по фактам он не виноват во всех убийствах. Он джинн и просто исполняет желания. Его природа — исполнять их, исходя из побуждений людей и того, насколько чисто сердце.

— А если нет сердца, нет и проверки на чистоту, — Кот взял стул из комнаты и сел рядом с Фалькой, разваливаясь на балконе. Девушка слегка скатилась по креслу, закрывая глаза, держа сигарету в пальцах и глядя на то, как она медленно и безмятежно тлеет.

— Я, честно, почти искусилась на его предложение. Он предложил стать мне человеком... Забыть о грехах, голоде и прочих вещах. Забыть об укладе Матери. Забыть о своей природе и просто жить, но...

— Потеряешь себя? — Кот усмехнулся, приглаживая усы.

— Да.

— Понимаю.

Фалька посмотрела на Кота, который сидел на стуле, закинув ногу на ногу, слегка сузив глаза и надув губы. Она издала смешок, пытаясь сдержать смех, но всё же он прорвался из груди.

— Что не так? Я пытаюсь думать! Вот, Вечный всегда с таким лицом.

— Это очень смешно выглядит, — сказала девушка сквозь смех. — Правда. Ты бы себя видел. И Вечный, в принципе, смешной, просто я научилась смеяться в себя. Особенно когда он начинает ругаться на Ежа.

— Тут нет зеркала, увы, — засмеялся Кот. — Может, пойдём прогуляемся? Или закроем дверь и не будем выходить из комнаты до утра? Только нужно взять что-то поесть.

— Я вообще не могу думать о еде, если честно. Меня до

сих пор мутит после нашего вчерашнего похода в бар...

— Но рёбра там были. Ух, я бы убил за те рёбра. За те рёбра и ту оленину с костра.

— Оленину? А... Мать моя земля, ты говоришь о той оленине, которую мы ели на задании в Серветоцке?

— Она была приготовлена лучшими руками на земле, — усмехнулся Кот, беря Фальку за руку и нежно целуя кисть, садясь поближе. Девушка ничего не ответила, подставив лицо солнцу.

— И долго они там будут, таки, балоболить? — Еж смотрел с кухонного балкончика на Кота с Фалькой. — Хуже, чем моя бабка по маминой линии. Она если начинала говорить, то это было равно тому, что пытаться остановить табун лошадей с помощью сачка...

— А чем они тебе мешают? — спросил Пуля, мешая ложкой напиток из трав.

— Мы, так, хотели все вместе поужинать!

— Хотел этого только ты.

— Ну, таки, да! А я что, не всё?

— Слышала бы тебя Мат, Еж. Или Кот. Словил бы ты оплеуху, — спокойно сказал Пуля, делая глоток из чашки. Он тяжело выдохнул, кидая взгляд в окно, замечая край красного плаща и знакомый силуэт, который шёл в сторону входа в подъезд.

— Это чо? Вечный? — спросил он, указывая на фигуру в окне.

— Таки, что ему тут делать? Он разве выберется из своей конуры? У Фальки просто похмелье и ничего серьёзного. Если честно, я думал, что эта мадам вообще не умеет напиваться, вот моя бабка пила как не в себя.

— Бабка, которая по маминой линии? — Пуля прищурился.

— Таки да! Она если начинала пить, то её тянуло на разговоры, а если она начинала разговаривать, то это был ужас!

Пуля лишь выдохнул, открывая окно и слегка высовываясь, заметив, как Фалька и Кот стоят на балконе, немного кружась в такт музыке из радио, которое тихо играло на балконе, а затем глядя на мужика, который стоял возле входа в подъезд, держа банку пива в руках и делая большой глоток, пытаясь второй рукой попасть в рукав кофты. Он повернулся к Ежу и дал ему щелбан.

— Вечный, блин. Это просто сосед-алкаш! — он закатил глаза.

— Что вы ругаетесь? — Кот появился сзади Пули и Ежа, слегка наклонившись и улыбаясь во всю ширь.

Еж замер, а Пуля дёрнулся, повернувшись и остановив кулак прямо рядом с лицом Кота. Мужчина лишь рассмеялся.

— Что тухнете? Там Вечный пришёл, принёс еды с банкета. На улице, на заднем дворе, — он усмехнулся, махнув рукой. Еж же нахмурился, глядя на Пулю и легонько стукнув его в лобешник.

— Таки, мне не показалось, блин!

Солнце постепенно уходило за горизонт. Небольшая беседка освещалась фонариками. На столе лежала скатерть с парой прожжённых дырок и пятнами от вина. Она видела явно немало веселья и грусти, но сейчас за столом была небольшая компания людей, которые были семьёй, хотя родственных уз между ними почти не было.

— Ой, да ладно вам, — сказал Вечный. — Проорала и всё. Мы найдём, кто это делает.

— Уже нашли, — Фалька выдохнула. — Только там есть нюанс, о котором я говорила.

— В любом случае, нужно думать, что делать с этим товарищем.

— Таки, может, ему предъявить? — Еж нахмурился. — Типо, ты чо, пёс творишь, хватит тут желанить!

— Он джинн. Это его природа, — спокойно сказала Мат. — По факту мы ничего не можем ему предъявить ни с юридической, ни с правовой точки зрения.

— В любом случае, я говорила с ним и знаю, где найти днём. Другой вопрос: что нам делать с Её Величеством? Она хочет наказать убийцу её сына, — Фалька посмотрела на Вечного.

— Отвести его к королеве и показать, как это работает? — Пуля нахмурился.

— Нет, — Кот закурил. — Охрана не пустит, и к тому же, если она умрёт от своего желания? Если она загадает, чтобы сын был жив?

— Мы можем вернуть его, отдав в замен Джинну достойную жертву, — Пуля пожал плечами.

— Тут нужно думать и поговорить с самим башмачником. К тому же нужно понимать, что он по большей части действует от своей природы, и все эти убийства — только часть чего-то, что мы упускаем из виду, — Фалька откинулась на спинку беседки. Голова снова начинала побаливать. Девушка сделала глоток чая, глядя на Вечного, который потягивал...

— Всё, хватит о работе. Я сегодня и так наслушался криков и прочего, — он откинулся на спинку стула и сделал маленькое радио чуть погромче. Солнце совсем село. Фонарики освещали беседку и грели людей за столом. Один день, когда можно было не думать о делах и проблемах. Один день, когда действительно можно было немного выдохнуть, постепенно подходил к концу. Возможно, за сегодня можно было что-то решить или сделать, остановить убийство или очередного дурня, который хочет загадать желание и навредить себе или окружающим в случае, если сердце его будет нечистым, но сейчас была только музыка, семейный ужин и спокойствие длительностью в пару часов.

Цикл 2: Желание размером с туфельку. Часть 7: Сапоги не виновного

Рынок Столицы — прекрасное место. Он гудит, пылает красками. Прилавки ломятся от мяса и овощей. Где-то лежат книги и алхимические ингредиенты, где-то всякая волшебная несуразица. Люди гудят среди прилавков: «У-у-у-у, как дорого!», «А-а-а-а, как дёшево!», «Э-э-э-э, брат, почти за даром отдаю!». Время на рынке бежало быстро, ибо за покупкой не замечаешь, как оно уходит вместе с деньгами. И обычно не хватает ни первого, ни второго.

Фалька шла между прилавков, глядя по сторонам. Медовые глаза увидели знакомый прилавок в стене и фигуру, которая аккуратно стучала молоточком по каблуку.

— О, это вы, мадам Инквизитор? Я думал, вы будете в форме, как вчера.

— Не хочу пугать людей лишний раз, — усмехнулась девушка, глядя на свои сапоги, которые появились перед лавкой. — Я никогда не видела их такими новыми.

— Ой, да бросьте. Вы мне льстите, — Джинн отмахнулся рукой. — Но я чувствую, что вы хотите задать вопрос.

— Нет. Я думаю, что мне делать. Видите ли, вы стали источником нескольких смертей, а так же из-за желания погиб

сын Её Величества. Я не знаю, что делать. Не знаю, как быть. Не знаю, как поступить. С одной стороны, я должна арестовать вас, а с другой — я понимаю, что вы не виновны.

— Ох, вот оно что, — мужчина почесал бороду. Он ото-двинул прилавок и вышел из-за него. — Пройдёмся? Сапоги можете оставить тут, а потом их заберёте. Я слышал, в висячих садах сейчас идёт какое-то шоу. Какой-то человек отдал душу за то, чтобы вечно удивлять людей.

Фалька лишь кивнула. Внутри была буря, которая не утихала. Как поступить? Что делать? Каким боком всё вывернуть, чтобы за решёткой не оказался невиновный?

В садах было тихо. Даже очень. На лавке сидел человек. Довольно сутулый и уставший. Он щёлкал пальцами — и перед ним появлялась куча монет. Хлопал в ладоши — и из рукавов вылетали голуби. Тряс головой — и из волос сыпался жемчуг. Он смотрел на город, который казался крошечным. Летающий остров спокойно парил под ним. Люди-муравьи внизу бегали по своим муравьиным делам. Джинн остановился вместе с Фалькой в четырёх метрах от парня.

— Ты можешь арестовать его. Он когда-то загадал желание, которое и начало цепочку этих событий. Он хотел удивлять людей, но в обмен отдал самое ценное, что у него было, — веру в людей, — Джинн сложил руки за спиной.

— Веру в людей? — Фалька сказала разочарованно. Во рту появился металлический привкус недоговорённости. Она посмотрела на башмачника, который лишь широко

улыбнулся.

— Он ничего тебе не отдал, и ты решил сдать должника?
— сказала она прямо.

— Что? Нееет! — отпирался Джинн.

— Ты надеялся, что пока я буду с ним говорить, ты сбежишь и закроешь свою лавку, уйдя восвояси? — она сложила руки за спиной, поворачиваясь к Джинну. — Или ты просто привёл меня к магу, который практикуется в своих силах, и думал, что я куплюсь? — Голос Фальки стал холодным и больше не звучал приятно-хрипло. Скорее так говорят те, кто выносит приговор. Джинн вскинул голову, глядя на девушку, которая не двигалась. Янтарь глаз не отпускал мужчину, глядя точно внутрь него, отчего по коже пробежали мурашки. Девушка закурила, убирая чиркало в карман и выпуская дым через нос, не отводя взгляда.

— Я не вру! Всё началось с него! — начал отпираться Джинн, махнув рукой, отчего мужчина исчез. Башмачник проглотил огромный ком в горле. Он только что раскрыл карты. Можно вытащить джинна из лавки, но его природу — никогда.

— Я не буду брать тебя под стражу, туфельник, — сказала Фалька ещё холоднее. — Но ты исчезаешь из города навсегда.

— Если я расценю это как желание? — мужчина начал потирать руки, отчего в нос начал бить сладкий запах.

— Не закапывай себя. Я знаю, что ты не виновен во всех

убийствах, но ты — начало всех зверств. Ты начало, и ты же станешь концом.

Мужчина расплылся в улыбке, ударяя Фальку руками по ушам, но неожиданно перестал двигаться. Дым держал его крепко. Фалька лишь стряхнула соль с плеч. Дым окутал их двоих. Раздалось тихое пение птиц. Джинн стоял посреди густого тумана. В нём не видно даже кончика своего носа. Башмачник впервые почувствовал страх, его охватил ужас. Из тумана вышел парень, держа своё сердце.

— Я хочу, чтобы вся Столица говорила обо мне! — раздался его голос из открытого рта.

За парнем, переставляя ноги, тянулся Скиосо, растерзанный от своего же желания. Из тумана к башмачнику начали идти все те, кто погиб так или иначе.

Джинн стоял на коленях, закрывая лицо руками. Фалька курила рядом. Вечный пришёл со стражей, глядя на эту картину с лёгким недоверием.

— Кто это?

— Тот, кто убивал.

— Что ты сделала? — он посмотрел на девушку, которая лишь выпустила дым. Ей тяжело дался этот арест. Вечный понимал, что Фалька выдаёт того, с кого всё началось, но не он пускал кровь аристократии.

— Я хочу назад на сечь, — сказала она. — Там всё проще. Там хотя бы понятно, кто враг, а кто друг, — она выкинула бычок от сигареты, отворачиваясь от стражи, которая

забирала Джинна под руки. — И они сами были виноваты в своих бедах, Вечный. Они сами загадывали желания, полные черноты. Ты это знаешь. И ты знаешь... — бросила она через плечо, направляясь к выходу из парка.

Людам только покажи того, кто виноват в грехах, и они сразу захотят его крови. Не важно, кто и как был виноват и что это простой посредник, который не мог противиться своей природе. Фалька стояла и смотрела, как Королева выносит приговор. Как она отправляет мужчину на казнь. Девушка нахмурилась, стоя в толпе, которая ликовала под приговор о том, что башмачника будут сжигать на костре. Она сама отправила наводку на него, сама «арестовала» его, и теперь он, привязанный к деревянной балке, сгорал на костре. И кто же в этой ситуации? Не она же его убила, не она же подожгла костёр, но из-за неё Джинн горел на костре. Из-за неё его плоть пожирало пламя. Фалька отвернулась, уходя с площади. Нет, она больше этого не вынесет. Она не понимает людей. Не понимает их жестокости и пьяного угара и никогда не поймёт.

«Сестра» — раздался голос Скрюченного где-то в голове. — «Ты не отличаешься от меня! Ты сделала это, потому что чувствуешь голод» — проскрипели мысли и старые образы. Он стоял среди толпы в своём величии, как тогда в Рыжем лесу, только сейчас это было отражением её совести и её внутреннего состояния.

Под тёмные мысли она вернулась домой. На столе стояла

пара сапог, которые сделал башмачник до своей смерти. Девушка взяла их в руки, замечая письмо с одной фразой: «Я сбежал из города. Вы забыли ваши сапоги. Считайте, что их починка — это ваше желание. Спасибо». Фалька посмотрела в окно, ставя сапоги возле шкафа к другой обуви. Людям отдали не того. Люди упивались кровью невинного, но очень похожего на бедолагу Джинна.

— Нам выписали награду, — сказал Вечный, глядя на Фальку, которая шла рядом с ним.

— Я не хочу об этом говорить. Давай ты сделаешь всё как обычно, — девушка выдохнула, глядя на парнишку, который продавал газеты.

— Девушка! Девушка! Купите газету! Там новости об убийце наследника престола! — он протянул ей один экземпляр. — Всего один градский! Только один!

Фалька достала из кармана монету и отдала ребёнку, забирая газету. Заголовки трещали о вчерашнем суде и прочей ерунде.

— О, смотри, — Вечный ткнул в газету. — Кто-то продаёт лошадь. Тебе не нужна лошадь?

— Нет, — сказала девушка, отдавая ему газету.

— А мне нужна, — он забрал её, складывая пополам и засовывая под мышку. — В общем, мы отдыхаем. Ты давно обещала со мной выпить кофе у Котла. Он помнит тебя совсем маленькой девочкой. Ах, да, забыл. Сегодня пришла странная коробка с парой туфель. Ты носишь туфли?

— Я и платья время от времени ношу, — сказала девушка, улыбаясь.

— Точно? А то мелкой на тебя даже бант нельзя было надеть, — он засмеялся, открывая перед девушкой дверь в кофейню, проходя внутрь. Фалька посмотрела через плечо куда-то в толпу людей, замечая знакомое лицо Джинна, которое лишь кивнуло. Он запрыгнул на повозку, полную вещей, а после махнул на прощание. Фалька зашла в кофейню вслед за Вечным.

Запись 5: Запись 5: Ребёнок, найденный среди костей

Память — довольно важная вещь, и её нужно обессмертить. Обязательно на фотоплёнку. Чтобы сохранялась подольше. Чтобы можно было наслаждаться кусочками воспоминаний, пока ты жив, или чтобы вспоминали тебя уже после твоего ухода из этого мира.

Когда живёшь вечно, желание записывать что-то или фотографировать становится не просто желанием, а привычкой, выработанной до рефлекса. Старые фотографии и письма хранятся в небольшой коробочке на полке рядом с кроватью, чтобы можно было окунуться в воспоминания перед сном и напиться ими похлеще скотча, виски или самогона. Вечный напивался. Он привык обессмерчивать на киноплёнку и на бумагу дневников. Под них был забит целый шкаф, и писал он каждый день, если не фотографировал, а если обессмерчивал, то аккуратно вкладывал воспоминания в альбом и после с нежностью пересматривал.

Огромный пласт жизни Вечный посвятил войне и защите Её Величества. Огромный пласт его воспоминаний связан с сечью. Разорванным полем, свистом пуль, галопом лошадей, криками «Ура! Ура! Ура!», звоном и скрежетом сабель и звуками магических выстрелов. Родное поле войны,

где действительно ощущаешь себя живым, пока ветер забирается пальцами под полы кафтана, кольчуги и прочей брони. Именно на кровавой сечи Вечный чувствует себя живым, ибо может хоть немного дотронуться до полы старухи-смерти, посмотреть ей в глаза и поцеловать в уста, как делал это в Стране чудес. Сечь даёт дышать. На ней не нужно держать инквизиторское лицо. Тут понятно, кто плохой, а кто хороший, и можно особо не задумываться — просто бери шашку и иди вперёд на верной лошади. Вечный может быть просто генералом. Венцом Смерти, который является её любовником и которого она держит за горло, даже когда летят пули, ибо госпожа не хочет терять того, кого полюбила однажды. Теперь остаются только фото. То, что он обессмертил.

Это было давно, примерно лет двадцать назад. Год примерно пятьсот девяносто первый. Тогда он только вступил в основные ряды инквизиции и носил звание сержанта. Можно сказать, за особые заслуги его вытащили из гусар в ряды лучше и выше. И звание повысили, и жалование. Теперь хватало не только на курево, но и на неплохой такой самогончик, мом вискарик, хотя тринадцатый кавалерийский полк стал ему домом, и покидать эту семью, увы, не хотелось, но пришлось. Он всегда оставался для них братом, и они для него навсегда останутся семьёй. Так вот, Вечный шёл по огромному полю, осматривая трупы вместе с отрядом, к которому его приставили. Враг был коварен. Груны вообще опасны, ибо знают эти горы и их писки, как свою ладонь, а поля

и то лучше. Везде зарыты ловушки, магические руны и прочая опасность, которую после боя нужно было расчищать, да найти выживших, ибо выживший грун — отличный проводник по их же территориям. Бородатые и вислоухие неплохо ориентировались в пещерах.

Вечный остановился на коне перед огромными ямами. Враг пытался хоронить своих же, готовя братские могилы для обычных солдат и одну отдельную для генерала.

— Сержант! — крикнул один из солдат, ткнув краем ножа в испуганного мужчину, который попытался притвориться мёртвым, но его выдало частое дыхание. Вечный слез с коня и медленно подошёл к мужчине. Холодная сталь глаз упёрлась в степное золото.

— Нет, прошу! Не убивайте! Это святое поле! Тут живёт мать! Мать-земля! — заговорил мужчина на всеобщем. — Энэ дэлхийгээс зайл. Уходите! Кости нужно хоронить! Кости не должны лежать тут! Они должны стать едиными!

— Кто ты? — Вечный держал саблю почти возле горла мужчины.

— Я агнец! Дитя земли! Я воин матери! Я гнев её! — сказал он.

— Раз ты воин? — с усмешкой спросил Вечный, — почему на земле лежишь?

— Потому что земля меня оберегает! — закричал грун и вскочил на ноги, кинув горсть земли прямо в глаза Вечного. Мужчина закашлялся и схватился рукой за лезвие, которое

ударило ему в плечо. Вечный лишь повернул голову, глядя, как холод металла прорубает тёплую плоть, застревая в ней. Ладонь молча вытащила металл, что заставило груна встать в ступор. Его жёлтые глаза стали ещё больше, а кожа — на три тона сильнее.

— Агнец, значит. Читал я про вас. И бился с твоим братом, — Вечный усмехнулся, скинув плащ с плеча, мокрый от крови. Земля зашипела от капель, начав впитывать кровь, словно воду. Мелкие струйки пошли в неё, собирая нечто. Мать поглощала плоть, объединяла её с землёй.

«Что есть музыка жизни?» — раздалось в голове Вечного. Он закрыл глаза, схватившись за голову, которую пробила невыносимая боль. Только он выпрямился — перед ним стоял высокий человек на костяных ногах, держа в руках цепи и меч. Он весь был обёрнут железом, и под цепным панцирем светились два медовых глаза.

«Тишина!» — снова раздался голос, мешаясь с головной болью. В глазах всё стало плыть. Вечный взял саблю двумя руками, защищаясь от ударов рыцаря. Каждый пропущенный удар заставлял плоть ныть, а землю шипеть под ногами. Каждый удар давал вкус жизни. Он впервые за долгое время начал чувствовать боль, впервые бой ему нравился, и враг перед ним был достоин, и если бы Вечный мог умереть, то захотел бы умереть от его руки.

— Как тебя зовут?! — крикнул Вечный, держась за раненый бок, из которого хлестала кровь. — Хочу знать достой-

ного врага не только в лицо, но и по имени!

— Ятаган! — сказал мужчина, снова нанося рубящий удар тяжёлым топором.

— Ятаган, — Вечный смаковал это имя. — Если у меня будет сын, назову его в твою честь! — засмеялся он. — Во имя свирепого агнца Ятагана!

Агнцу это не понравилось. Он лишь хмыкнул, но неожиданно пропустил удар прямо в сердце. Вечный замер, сжимая саблю. Его броня закрипела под тяжёлым лезвием. Туман рассеялся, и он смотрел в лицо своего врага. Бледное, исхудалое, слегка волчье. Кудрявые волосы лежали на плечах, тонкая рука упала на плечо Вечного, сжимая пальцы. Они прошли в рану на плече, обнажая плоть и принося первую сильную боль. Вечный изменился в лице, выронил меч и упал на колени вместе с Ятаганом. Руки невольно скользнули по бледному лицу, пытаясь его толкнуть. Пальцы вдавились в глаза, отчего враг завыл и упал замертво, как только они погрузились внутрь головной коры.

— Дева Небесная! — сказал Вечный, падая на землю и закрывая глаза. Последнее, что он слышал, — как кричит какая-то женщина. Последнее, что он видел, — как его дорогая леди Смерть оборачивает его туманом. Последнее, что он чувствовал, — как некий холод пробивает его вечное сердце.

Вечный очнулся ночью на том же поле. Его оставили. Отряд оставил. Посчитал мёртвым. Его! Вечного! Любовника смерти! Мужчина лишь хмыкнул. Не впервой его посчитали

мёртвым. Не впервой он снова проснулся в поле среди трупов. Вечный посмотрел на то место, где лежал Ятаган. Он, кажется, улыбался, а тело его оплетали цветы. Мать укрыла его своим одеялом. В поле стоял запах разлагающегося мяса и смерти. Запах гнили и крови, а во рту был сильный вкус металла. Слух возвращался постепенно. Тишину в ушах пробивал громкий детский плач. Вечный огляделся, не понимая, что происходит. Он шёл по полю, ища источник плача, который становился всё громче и громче. Наконец его взгляд упал на одну из ям, где среди мёртвой плоти, мух и трупного запаха лежал ребёнок, обёрнутый в старый красный плащ. Его плащ. Плащ, который он скинул во время боя с Ятаганом. Ребёнок кричал от холода и голода. Кровавая тряпка прилипала к маленькому телу. Вечный аккуратно поднял на руки беззащитное тельце и замер. Корни и земля собрались в образ женщины, которая вытянула его из ямы вместе с маленькой девочкой на руках.

— Бессмертный человек, — раздался громкий, бархатный и нежный голос Матери. — Ты держишь моё дитя. Моего агнца! — спокойно говорил образ женщины. Из её тела появились ещё две головы, напоминающие волка и овцу.

— Твоё дитя? — спокойно сказал мужчина, глядя на ребёнка, который перестал реветь на его руках и теперь улыбался, держа его за палец. Вечный тяжело выдохнул, глядя на Мать, которая лишь кивнула и прикоснулась своей костлявой перстной ко лбу Вечного.

В лагере его встретили с непониманием. Тогда его и обесмертили. Раненого, уставшего, холодного, но с ребёнком на руках. Эту фотографию он носит под сердцем.

— Как назовёшь? — спросил мужчина. — Девку-то нашёл.

— Фальката, — коротко и холодно сказал Вечный, глядя на спящего ребёнка в небольшом деревянном ящике, набитом тряпками и одеялами для тепла. — Я нашёл её в яме. Среди трупов грунов.

— Она одна из них?

— Нет. Она та, кого степные называют агнцем.

— А эти упырята...

Вечный резко подскочил. Серые глаза наполнились гневом и холодом и стали острыми, как лезвие.

— Не говори так! Она моя дочь! — сказал мужчина, отпуская собеседника, как только ребёнок начинал плакать.

Так шли года. Солнце заливало небольшой двор одноэтажного панельного дома. Фалька стояла с деревянным мечом в руке, а напротив неё — Вечный.

— Давай! — крикнул мужчина, махнув рукой. Простой тренировочный бой. Один из тысячи. В конце него он кладёт руку ей на плечо и смеётся. Смеётся тепло и счастливо. На улицу падает Еж и выходит Кот из дома, держа в руках свою сигарету и пожимая руку Вечному. Где-то в доме очередной пирог рассчитывает Математик, Пуля достаёт гитару и брынькает на ней в беседке. Раньше Вечному счастье да-

вала сечь, теперь он счастлив со своей семьёй. Он нежно обнимает одной рукой Кота, уже как сына, ибо тот стал частью семьи и вошёл в неё, а другой треплет Фальку по волосам. Да, она выросла. Очень выросла, но для него она навсегда остаётся маленькой девочкой, которую он нашёл среди кровавого поля и которая стала маленьким солнцем среди вечного мрака его извечной души.

Запись 6: По ту сторону холма

Прошло около недели, когда город окончательно затих после череды смертей аристократов и вернулся в своё русло. Работы почти не было, и поэтому можно было сбежать из Столицы на пару ночей, чтобы отдохнуть перед очередным тяжёлым делом или ещё какой-либо ерундой, в которую придётся залезть по уши или даже выше. Город постепенно покрывался прохладой. Маленькие улочки заполнялись светом и лёгкой изморозью, которую тянет с морского берега. Здесь жизнь текла совсем другим чередом. Она была размеренней. Тише. Пахла терпкой корицей, пряным вином и морской солью, давая телу и голове перезагрузку от проблем. В конце концов, выходной выбивать нужно. Особенно после тяжёлой работы. Особенно когда вот-вот совесть с кошмарами загрызёт полностью, заставляя взять верх голоду и внутренней боли.

Прибрежный городок в двух днях езды на лошади и около пяти часов на поезде от Столицы всегда встречал солнцем, приятным призом и неким спокойствием от суеты. Старики ловили здесь рыбу, осьминогов сушили на верандах в сетках. Старухи стирали накрахмаленное бельё в небольших лунках, куда время от времени затекала морская вода, отчего от одежды всегда пахло приятным бризом и лёгким сладостным умиротворением. Можно было развалиться на ди-

ване в подобии маленького летнего домика или валяться на пляже под лучами тёплого солнца, пока кожу обдувает песок и приятный, слегка влажный ветерок, заливаясь под одежду и вздымая рубашку. Можно было забыть об армейских сапогах, душной гусарской форме, документах, от которых воняло ядовитыми канцелярскими духами, постоянном шуме и прочей рабочей ерунде, которая только напрягала, не давая спокойствия. Она давила на голову, не давала продохнуть и успокоиться, нагоняя только кошмары. Последней каплей от всего этого стал нервный срыв, причём сначала у Кота, а потом и Фальки. Впервые полк Кота видел, как он кричит, переворачивает стол и документы, рвёт и мечет, разрубая саблём шторы, когда к нему обратился один из сослуживцев и откинул какую-то непонятную, то ли сальную, то ли просто дурацкую шутку. Кот озверел вмиг. Зелёные глаза наполнились пламенем, а руки крепко сжимали саблю. Лезвие было в паре миллиметров от лица плохо пошутившего, и всё бы закончилось кровью, но благо на крики и шум пришёл Вечный вместе с Фалькой. Чтобы Кот снова принял своё сдержанное и холодное состояние, его пришлось отправить домой. Это был единственный способ обойтись без жертв. Дома хотя бы пострадало зеркало в ванной, по которому мужчина нанёс удар кулаком в порыве отрицания своего гнева.

Фалька же сорвалась при допросе очередного аристократа, которого обвиняли в убийстве своей невесты с помощью артефакта. В комнате допроса полопались окна. Парень пы-

тался сопротивляться, но инквизиторская рука восемь раз приложила его головой об дубовый деревянный стол, оставив на нём вмятину. На этом кошмар для мальчишки не закончился, но что произошло за дверью допроса, знает только Математик и Вечный, и возможно, возможно, частично Еж. Он видел, как Фальку впервые трясло от своих действий, как она шарахалась от собственного отражения. Он хотел спросить, но Мат его остановила.

Было принято одно решение: отправить этих двоих «психованных» наконец отдохнуть. Город на Краю идеально подходил для этого, особенно если учесть факт, что у Вечного там был маленький рыбацкий домик.

Дорога на поезде была долгой и томной. В лёгком напряжении и молчании. Фалька время от времени переглядывалась с Котом, а он молча лишь кивал, закуривал и выпускал дым. Говорить было нечего. Всё было ясно и понятно. Фалька закрывала лицо руками, чувствуя, как её душит форма, на что Кот брал её за руку. Они сломались. Самое страшное, что одновременно. Даже толстые балки моста не всегда выдерживают вес стоящего на нём и могут рухнуть.

Домишко был совсем маленький, зато прямо возле моря, со своим небольшим причалом для рыбалки и небольшим песчаным пляжем. В паре метров от него была улочка с ресторанчиками и кабаками, а если пройти чуть дальше — был проход на холм, о другой стороне которого мало кто знает.

— Ты никогда не задумывался, что на той стороне хол-

ма? — тихо спросила Фалька, сидя за столом на небольшой веранде, глядя за тем, как Кот разделывает свежепойманную рыбу. Руки прижимали тело рыбёшки к деревянной поверхности, крепко сжимая её, чтобы лишний раз не двигалась. Кот повернул лицо в сторону гор, край которых видно с небольшой веранды, прищулив глаз, не смотря, беря специи и соль, втирая их в рыбье мясо без чешуи.

— Может, старый храм или руины? Можем прогуляться. Говорят, там наверху пещера, где был рождён Горный Господин, который возвёл Небесную деву в пантеон богов, — он провёл тыльной стороной ладони по лбу, убирая волосы назад.

— Почему бы и нет? — Фалька улыбнулась. Чисто, искренне и крайне беззаботно, как будто бы впервые. — Можно завтра после завтрака.

Кот лишь кивнул, наклоняясь через стол и нежно целуя жену в лоб. Ветер поднимал рубашку и слегка гонял полы лёгкого платья, путая в волосах свои тонкие ветряные пальцы. Время тут пахло так же — бризом и спокойствием. Каждое прикосновение наполнено огнём и страстью, как и люди, живущие здесь. Люди улыбочивые, светлые, обласканные солнцем и самое главное — счастливые. По-истине счастливые, причём настолько, что делились этим счастьем со всеми приезжими. Кожа дышала под свободной одеждой, без каких-либо бушлатов и шинелей, ремней, строгих воротников, выговоров. Можно было отпустить себя и перестать дер-

жать лицо, выправку, статус, строгий холодный взгляд, голос. Можно было стать уязвимым и слабым. Развалиться в кресле, проспать до обеда, без высчитывания ещё пятнадцати минут. Можно было вот так сидеть, смотреть на то, как шумит море. Как пенятся белые барашки на его поверхности, как вздымается морская грудь от каждого нежного поцелуя ветра.

Вечером Город на Краю приятно позвякивал разговорами, гудел тарелками в прибрежных ресторанчиках, заливался музыкой и играл смехом. Улочки пахли мясом, копчёным осьминогом, терпким виски, разлитым белым и красным вином, смехом и мускусом, восторгом. Городок не был помпезным. Он был спокойным. Мягким, в отличие от Столицы. Она была прекрасной, но буйство звуков и шум красок часто давили на голову и мысли. Тут же свет был тепло-жёлтый, спокойный. Музыканты играли лёгкие мотивы, где-то люди плясали на небольшом причале, который был устроен под танцы. Кот улыбался, аккуратно прижимая к себе Фальку. Без формы, в белом лёгком платье, для него она была прекрасна, даже со шрамами и порезами. Они не уродовали её, не прятали за ними красоту. Они ложились гармонично. Рука аккуратно касалась этих линий, которые хранили воспоминания о боли, победах и поражениях, падениях и взлётах, и прочем, прочем, прочем. Сейчас не хотелось ничего. Хотелось наслаждаться спокойствием и тем самым говорящим молчанием, прикосновениями, дыханием. Тем, чего нельзя

позволить на людях и тем, что иной раз приходилось сдерживать дома в Столице, даже с учётом замка на двери. Тонкие женские пальцы аккуратно проводили рукой по затылку, заставляя каждую мышцу содрогаться от прикосновения. Ладонь Фальки медленно скользнула на плечо, там и оставшись. Тело сильнее прижимается к Коту, а нос ловит такой родной запах духов, металла и пороха. Такой родной и тёплый.

Ленивое утро с плотным завтраком переросло в обед, а там уже и в прогулку на вершину горы к пещере Горного Господина. О времени можно было не задумываться, хотя в начале пути солнце довольно сильно припекало. Прищурив один глаз, полдень вступал в права, опалая лица.

Некоторые особые умельцы ещё в начале горного подъёма поставили лавки с гранатовым соком, льдом и розовым прохладным вином. стакан стоил всего один столичный, что намного дешевле обычной газеты. Вино лилось из холодного кувшина, от которого ещё веяло морозом и свежестью, в стаканы из дерева, которые потом по всей дороге с переменным успехом собирал смуглый мальчонка без одного переднего зуба. Самое вкусное вино, по местному обычаю, наливали старые моряки с опалёнными лицами и просоленными мозолистыми, грубыми руками, но всё ещё нежными, чтобы аккуратно сдавливать грант или держать холодный кувшин для вина. Ещё чуть выше женщина с прядями старости — что в лице, что на волосах — продавала небольшие дыни,

ягоды и фрукты и прочие перекусы для остановки уже там, наверху.

Закупившись всем, чего требовала душа, включая и два стакана с вином для дороги и небольшой большой закрытой бутылью, Кот с Фалькой медленно и методично шли в гору. Спешить было некуда. Они смеялись, разговаривали и впервые могли отдаться какой-то юношеской глупости. Пальцы переплетались между собой, скользили по телу, придерживая, когда кто-то спотыкался. Дыхание сбивалось с каждой ступенькой. Пустые стаканы остались где-то в начале на камнях, позвякивая остатками подмороженных от магии капель. Солнце постепенно уходило за горизонт, давая место господину ветру. С гор открывался прекрасный вид на город среди зелени, залитый янтарным солнцем. Кот слегка придерживал Фальку, не желая отпускать её дальше, улыбаясь ехидно и лукаво. Рука медленно скользила по плечу, опускаясь ниже, а губы касались бледной кожи и небольшого шрама на плече. Мозолистые руки, привыкшие держать саблю и поводья лошади, требовательные, но аккуратные, отчего становились мягкими, словно на ней действительно выросли когти подушки.

Когда солнце совсем начало тонуть в морской пене, парочка дошла до самой пещеры. Она была огромной, прохладной, тихой. Посередине было подобие колыбели, а некоторые камни складывали образ двух лиц. Казалось, что родители склонились над тем, что должно было лежать в кам-

не, но уже давно покинуло свою колыбель.

— И это всё? — смеялся Кот, ставя корзинку на землю. — Мы столько шли, — говорит он, закуривая от небольшого чиркала и поднося огонь к Фальке, которая лишь забирает сигарету из рук Кота.

— Эй! Это последняя! У тебя есть свои! — говорит мужчина слегка по-детски, словно мама больше не даст денег.

— Я их потеряла где-то внизу. Они выпали из кармана. Твоя накидка на мне слишком велика, — смеётся девушка, кутаясь в подобие кафтана Кота. Мужчина лишь приглаживает усы, делая шаг к возлюбленной, хватая её за руку и снова забирая в свои объятия.

К ночи они добрались уже по другую сторону, за пещеру, куда редко ходят люди. Там не было ни храма, ни каких-то старых руин. Огромное маковое поле, цветки которых слегка светились в ночи. В небе играли огневки, маленькие феи, похожие на светлячков, точечно освещая небольшие участки. Даже от этого веяло лёгким спокойствием. Можно было забыть о Джинне, о Вечном, о её Величестве, полках и проблемах. Сейчас вокруг были только маки и влюблённые. Сейчас для них это был край мира. Край земли, на котором не было никого, кроме лёгких прикосновений, слегка томных вздохов и лёгкой беззаботности, которая сейчас играла в полной мере.

Утром в домике на полу валялась пустая бутылка из-под вина, рубашка Кота и обувь, словно её снимали на ходу, кор-

зинка с остатками сладкой ароматной дыни, какие-то слегка подавленные ягоды. Парочка вернулась недавно. Уставшие. Ужасно хотящие спать, возможно, голодные, но счастливые. Настолько счастливые, что проснутся под вечер и молча выйдут курить, решив, куда пойдут на ужин. Настолько счастливые, что, вернувшись в Столицу, ещё долго будут переглядываться, хихикая внутри себя, вспоминая небольшой отдых на берегу моря. А Город на Краю... Город на Краю будет ждать вместе со старухами, стирающими загорелыми руками бельё, стариками с удочками и прочей безмятежностью, надеясь, что они вернутся сюда при других обстоятельствах и причинах.

Цикл 3: О чём молчит рыбья голова? Часть 1: Танец хромой лошади

Один Архитектор хотел сотворить чудо, да такое, чтобы боги содрогнулись. Он начал с лестниц в небо, смысл которых не знает никто. Затем был королевский замок, собор и монастырь Небесной Девы, а затем был построен ОН. Город на дне моря, который вызывал восторг и восхищение. Город, полный веселья, золота, вина и прочего, — Золотой город. Архитектор возвёл себе памятник, который простоит ещё долгие века, если, конечно, не пожрёт сам себя. А Златоград пожрёт. Он купается в праздности, не замечая того, что происходит на его улочках.

Её Величеству не нравится город свободы. Город для удачливых, где процветает беззаконие и проституция, к тому же он стоит на святой земле, но его корни оскверняют всё светлое, что было на просторах этого места.

Приказ был один: «Заставьте подчиниться. Если нужно — разорвите и принесите головы к королевским ногам».

Мат смотрела на причал. Она родом из Златограда. Вернее, её тело вышло из этой праздности. Кем оно было до того, как познало бездну? Мысли пытались просчитать всё, включая и прошлое, но она не помнит, кем была до того, как стала

Математиком. Может быть, у неё было другое имя, другой характер, и ей не нравились холодные цифры.

«Старое воспоминание всегда тревожит нынешний мозг, — раздался голос в голове, который шёл из сердца. — Мы справимся. Главное, что мы не одни».

Мат повернулась, глядя на Фальку, которая смотрела на батискаф для погружения, сильно нахмурившись. Она не была под водой. Под землёй — да, но это другое, а в Златограде — никогда. Ей бы хотелось остаться в Столице, но Еж слишком шумный, Кот не является частью отряда, а Пуля слишком молод, чтобы разбираться с приказами, поступившими напрямую от Её Величества.

В самом батискафе было довольно уютно и спокойно. Всё выверено. Выстроено, разложено по полочкам. Было ощущение безопасности. Дверь медленно закрылась, запечатав пассажиров внутри для спуска. Мат сидела спокойно, изучала документы, планы города, которые перерисовала из архивов, но вдруг ухо уловило лёгкий частый топот. Она подняла глаза на Фальку, заметив, как у той слегка дёргается левая нога. Незаметно. Пятка отбивала азбуку Морзе.

— Ты волнуешься? Погоди, нет, не так, — Математик махнула рукой. — ТЫ, правда, ВОЛНУЕШЬСЯ? — сказала она, изменив интонацию, сняв с себя очки.

— Очень смешно. Меня всегда обходила стороной поездка в подводные или воздушные города. Мне на островах тоже некомфортно, но там всё равно чувствуется земля и при-

существование матери.

— А тут?

— А тут, — Фалька замялась, глядя в пол. — Тут это есть, но совсем не так. Словно я нахожусь в «чертоге», — девушка провела рукой по голове, останавливая пальцы на висках, где виднелись небольшие шрамы от её тернового венца. Держать себя в руках становилось труднее из-за обстоятельств. Медовые глаза становились потерянные и от этого хаотично опасными, ибо невозможно было прочесть, что на уме у их обладателя. Мат усмехнулась.

— Ну, слушай. Я рядом, — она села к Фальке, положив руку ей на плечо. — Как в детстве, в школе. Мозги и руки. Дела и слова. Помнишь?

Фалька кивнула, кладя руки на ногу, чтобы она больше не стучала по полу, ибо это начало уже бесить её саму.

Город восхищал своим величием. Удивлял факт, что эти улицы, залитые светом всех мастей, были огромны и давали много воздуха и простора. Огромный купол накрывал улицы и переходы. Творение магии, стекла и металла. Дитя превосходства человеческого разума над природой и законами богов. Мат смотрела на это с лёгкой толикой восхищения, кидая взгляд на Фальку, которая с интересом разглядывала каждый уголок и рыб за куполом, разных форм и размеров. Улочки пахли дешманским парфюмом, куревом и прочей бахромой, которая въедалась в нос на каждом шагу. Город веселья и праздности.

— Нам нужно встретиться с Волком, — говорит Фалька, убирая в карман небольшую записку от Вечного. — Он будет ждать в ресторане «Хромая лошадь».

— Отлично. Там есть адрес нашей гостиницы?

— У нас небольшая квартира, — Фалька протягивает Мат записку, которую девушка быстро изучает.

«Красный район! Мы будем в центре веселья! Это плохо», — прошипело сердце внутри Мат, отчего та слегка повисла. В голове всплыл отрывок воспоминаний. Маленький. Еле дышимый. Она тряхнула рукой, взяв Фальку за рукав и молча указав направление.

— Ты точно знаешь город? — Фалька вскинула бровь.

— Да. Я тут жила, — строго говорит Математик, идя в нужную сторону.

Небольшая однушка с одной единственной лампой, кроватью и диваном у стены, маленькой плиткой и холодильником, на вид которому осталось два понедельника, встретила слегка затхлым запахом плесени и криками соседей за стеной.

— Спорим, как обычно, кто на кровати, кто на диване? — Фалька поставила руки на бока, сняв свой плащ и завязав волосы в хвост небольшой лентой, тряхнув головой и засучив рукава.

— Да, — Мат достала монетку из кармана. — Орёл? Решка?

— Решка, — сказала Фалька, аккуратно открывая холо-

дильник, закрывая нос рукавом от запаха, ибо внутри холодильника сдохло три яблока, кусок мяса и тухлое яйцо. Фалька согнулась пополам, пытаясь сдержать рвотный позыв, отчего Мат удивилась второй раз. Ей всегда казалось, что госпожа Инквизитор держит лицо и марку при любом раскладе и по большей части ведёт себя как холодный и расчётливый человек, а тут это было что-то другое. Что-то сменилось в Фальке после ситуации с Джинном и её нервного срыва. Внутри что-то явно сломалось, и об этом мог знать только Кот и, возможно, мать-земля. Словно у неё в голове что-то щёлкнуло, причём Кот оставался тем же Котом. Мат лишь удивлялась этому, но чувствовала, что внутри подруги что-то не так. Что-то совсем по-другому, и что именно, сама Фалька расскажет, если захочет.

Мат поймала монету и положила её на тыльную сторону ладони, приспустила очки, смотря поверх них и показывая Фальке изображение птицы с розой. Фальката лишь цокнула, закатив глаза, кинув взгляд на старый диван, которому недалеко осталось от холодильника, благо в нём ничего не гнило.

— Пружины могут выстрелить, — сказала Мат, осматривая диван.

— Главное, чтобы не насмерть, — Фалька выдыхает, мотая головой.

— Я думаю, если не двигаться, то справишься. В конце концов, ты не слышишь храп Кота на всю квартиру.

— Я просто привыкла, — отмахивается девушка, садясь

на диван и задерживая дыхание, ибо провалилась в подушку, словно в гамак. Мат же победоносно подошла к кровати, которая была почти новой.

По поводу того, где ужинать, споров и вопросов не было, и надежда была одна у двоих, что «Хромая Лошадь» окажется местом, где есть не только девки и выпивка.

— И всё же меня напрягает факт, что я не могу быть в своём сюртуке, — спокойно говорила Мат, смотря за тем, как Фалька поправляет запонки. — А ещё мне всегда казалось, что у тебя, как у Вечного, только одна форма одежды, — сказала она в сторону Фальки, которая застёгивала запонки на рубашке и накидывала небольшое подобие пиджака на плечи. В другой одежде Мат бы никогда не узнала Фалькату, но, по правде, они почти никогда не были с ней на заданиях. Математик — аналитик, секретарь Вечного, и если не брать в расчёт небольшие вылазки в Столице, то это была её первая полноценная командировка как помощника инквизитора. Образ Фальки не попадал под её расчёты, ибо она ей ещё со школы казалась холодным, строгим и довольно предсказуемым инквизитором, таким, как Вечный, а сейчас она не могла её посчитать, как и Кота. Эта парочка ещё тот хаос во плоти.

— Нет, правда, я впервые вижу, какая ты тонкая. Форма выглядит мешковато, а тут — палка, — говорит Мат, вскидывая голову и приспуская очки, ловя удивление на лице Фальки. Она лишь хмыкает, убирая волосы с лица и вскиды-

вая голову, словно пытаюсь вернуть себе столичный строгий образ, но вот пальцы рук слегка дрожат, да и взгляд какой-то бегающий. Нет, это не из-за того, что они под водой. Природа Фальки реагирует так, словно она находится в чертоге матери. Она держится внешне. Пока держится.

— Ты язвишь? — выдаёт Фалька, смотря за тем, как Мат поправляет пальто, чтобы выглядеть как одна из местных дам. Тело помнит эту ткань. Это пальто её отца, который поднял её на поверхность. Отца, о котором ей говорили в интернате. Отца без лица, но с запахом кожаного пальто и чего-то ягодного.

— Как это?

— Ты подшутила надо мной.

— Я думала, что ты вечно холодная и косишь под Вечно-го. Я же не знала, что ты на деле такая дёрганая и...

— Вот! Опять! — Фалька скидывает руки, расплываясь в улыбке. — Ты язвишь! Ты умеешь это делать!

Мат же хмыкает и кидает Фальке конверт с приглашениями, предпочитая выйти на «улицу». Всё же некоторым историям Ежа нужно верить, особенно с учётом того, что с Фалькой он работал больше и не только в Столице.

«Хромая лошадь» заливалась музыкой. В ней проходило одно из местных развлечений под названием «танцевальная лихорадка». Все желающие разбивались по парам и танцевали на выбывание. Они должны были постоянно двигаться и танцевать. Когда едят, спят, моются, разговаривают — быть

постоянно в движении. Остановился кто-то из пары — был. На парных танцах нужна пара, поэтому выкручивайся как хочешь. Сейчас шёл день третий, но за этой пыткой всё так же весело наблюдали приходившие люди, чьё положение было не так сильно бедственно. То ли долгов меньше, то ли ещё не было осознания, что рано или поздно они окажутся на месте танцующих. Сейчас же вся толпа зрителей заливалась винищем, делала ставки на фаворитов. Это было что-то вроде лошадиных скачек, только тех, кто падал, хотя бы не застреливали. Под дикий смех и гогот танцующие разбивали колени, у кого-то срывало голову, кто-то плакал, а это был только третий день из многих других, ибо тут всё закончится, когда останется последний танцор.

— Отвратительно, — сказала Фалька, разваливаясь в кресле и делая глоток крепкого виски, наливая в него немного воды.

— Почему же? — Мат вскидывает бровь, отрывая глаза от блокнота. — По-моему, они сами выбрали путь страданий ради денег. Смех толпищ — это исход от их действий.

— Это и отвратно, — говорит Фалька, закидывая ногу на ногу, слегка откинув голову на спинку кресла. За стол садится большой мужчина, приглаживая серую бороду и тихо хмыкая. Это и был Волк, тот самый осведомитель. Серое пальто, карие глаза, серая борода и волосы, и вообще сам по себе он казался каким-то волосатым и по-волчьи серым. Он кладёт три папки с меню на стол, кое-как помещаясь в крес-

ле. Он не был толстым. Волк был просто огромным.

— Я нашёл меню, — говорит он спокойно. — Официанты пытались откачать парочку танцующих. Там мужик настолько устал, что ослеп, — сказал с усмешкой в голосе. — Не останавливался бы уже. А то начал орать: «Дорогая! Я ничего не вижу! Ты где!?» — передразнил мужчина бедолагу. — А у неё остановилось сердце. Ну, больше народа, меньше кислорода.

Фалька скривилась. В глазах вспыхнуло отвращение и презрение. В голове всплыл образ Судьи и его стада. Мат же не отреагировала, а просто сделала запись в блокнот. Она привыкла, что «элита» везде одинаковая. Она это усвоила, постоянно находясь рядом с Вечным, который контактировал с верхним слоем общества.

— Так, в любом случае, мы тут по делу, Волк, — сказала она сухо и холодно. — Мы хотим задать пару вопросов, ибо у нас есть при...

— Ну, ну, красotka, — сказал Волк. — Сначала предлагаю поесть. Вы ели устриц?

— Да, — Мат поправила очки, повернувшись к Фальке, которая разглядывала меню, пытаясь найти хоть что-то съестное.

— Я, пожалуй, откажусь. Не люблю морепродукты, — она закрыла меню, смотря на Волка, который лишь почесал нос, указывая прошедшему официанту позиции.

— А вы? — паренёк смотрит на Мат, которая указывает

ему в меню ручкой, даже не отрывая взгляда от блокнота. Она всё просчитала, как должен идти разговор, даже если начинать издалека, правда, насторожило одно. Глаза Фальки странно сверкнули на словах Волка.

— Я вижу у вас кольца, — говорил мужчина, указывая на руку девушки. — Такая прекрасная птичка и уже в клетке.

— На свободном выгуле.

— О, так может, мы проведём время в более неформальной обстановке? — Волк расплылся в улыбке, наливая себе полный стакан виски, опрокидывая его залпом и наливая ещё. Фалька сжимает нож в руке, держа её под столом. Напряжения на лице нет, но внутри всё начинает подкипать, благо официант принёс огромное фрапе с устрицами. Они еле помещались на льду. Ракушки были вычищены, а мякоть блестела на жёлтом бледном свете. Музыка сменилась на медленную, и все люди-лошади разбежались по парам, а те, у кого не было пары для медляка, танцевали, обнимая сами себя, или хватали швабры, подушки, стулья и прочих. Отчаянье не давало остановиться, даже если глаза уже ничего не видели, а тело просто двигалось.

Волк берёт одну устрицу и жадно выпивает её с громким хлопаньем. Вода из неё течёт по подбородку, лимонный сок по пальцам. Винный уксус проливается на белую скатерть. Ест он по-волчьи, так что рубашка становится грязной.

— В любом случае, ты должен знать, почему мы тут, — говорит Фалька спустя время. Нож всё ещё сжимается в её

руке под столом или уже просто крутится в пальцах. Фалька не нервничает, но ей некомфортно, а ещё видно, как её сдавливает голод, что обычный, что внутренний. Жёлтые глаза блестят на свету.

— А вы так хотите работать? — говорит Волк, слегка двигаясь в кресле, отчего оно скрипит, но мужчина даже не замечает. — Вот вам прям всё понятно, что приказала её Тупейшество?

— Тебе больше знать и не нужно, — Фалька кладёт нож на стол. Он согнут пополам. Лицо девушки становится холодным, с такой же улыбкой. Мат слегка прищуривается.

«У Фальки всегда были клыки?» — раздаётся где-то в голове, исходя от сердца.

«Разницы нет. Разговор идёт не по формуле! Не в то русло», — думает уже сама Математик, смотря на свои записи, где всё высчитано в цифрах и формулах. Хаотичность Фальки пошла не так, как она рассчитывала. Подруга слишком хаотична, даже для просчёта всех вероятностей и хаотичностей.

— Если не нужно, то тогда вам не нужно, как именно познакомиться к Догме. А он первый в их иерархии, — говорит Волк, снова выпивая устрицу, погружая пальцы в промасленные креветки и после облизывая их от соуса. По бороде стекает соус. Фалька достаёт пачку сигарет, закуривая, беря согнутый нож в руки, аккуратно стараясь его выпрямить одним пальцем. Рука Волка останавливается на секунду, когда

из губ девушки появляется струя дыма. Он клацает зубами.

— Ладно, давайте так, — Волк достаёт небольшую визитку и кладёт её на стол. — Встретимся тут у меня в кабинете, через часа два. Хорошо? Только вы вдвоём. Ладно?

Фалька хмыкает, беря визитку с адресом и протягивая её Мат, поднимаясь.

— Тогда до ближайшей встречи.

— Мы всё же можем не заканчивать эту, — Волк улыбается.

— Я замужем, — холодно отвечает Фалька.

— Отдаться греху? — Волк хватается Фальку за руку. Мат останавливается, ожидая, когда Фалька вырвет руку и просто уйдёт, как сделал бы Вечный, но её формула - не работает. Фальката расплывается в нежной улыбке, снова оголяя клыки. Глаза её странно поблёскивают. Она берёт галстук Волка в руку, накручивая его на кисть.

— Может быть, и стоит, — сказала она, аккуратно кладя руку ему на затылок. Волк тянется за поцелуем, но Фалька со всей силы вгоняет его лицо в шляпу с фрапе, где лежали устрицы.

— Но я занятая птица на свободном выгуле, — говорит она уже холодно и строго. — И если ты продолжишь катить свои яйца, я сожру тебя с потрохами, — голос Фальки звучал холодно. Она тушит сигарету в одну из устриц, заставляя Волка выпить её, отчего мужчина закашливается. На висках появились шрамы от венца, а на голове сверкнул образ вен-

ца. Волк закивал. Он превратился в жалкого щенка, на которого только фыркнул зверь побольше. Фалька прошла мимо Мат, оставив её в лёгком удивлённом молчании и со сломом внутренней формулы. Она кидает взгляд на Волка, отмечая одно: «Он не отличается от танцующих. Он просто немного по другую сторону». Она хмыкает, поправляя очки и выходит за Фалькой, не желая больше находиться в месте для обречённых людей-лошадей.